АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. И. ДУМАН

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИНЬЦЗЯНЕ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Библиотека
Института
востоковедения
Академии наук
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР — МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. И. ДУМАН

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОГО (МАНЧЖУРСКОГО) ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИНЬЦЗЯНЕ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик Н. Горбунов

Октябрь 1936 г.

Ответственный редактор академик В. М. Алексеев

Технический редактор О. Давидович. — Ученый корректор Е. Раутман

Сдано в набор 23 ноября 1935 г. — Подписано к печати 5 октября 1936 г.
Формат бум. 62×94 см.—16 печ. л. 16.14 уч.-авт. л.—258 стр.—39.725 зн. в п. л.
Тираж 1200 экз. Ленгорлит № 22316. АНИ № 1032. Заказ № 1114.

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Список сокращений 5

Предисловие 7

Глава I. Обзор литературы и источников 9

А. Литература . . . . . —

Б. Китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII—начала XIX вв. 18

Глава II. Введение. Исторический очерк 55

Глава III. Административная система 103

Глава IV. Аграрная политика цинского правительства. Формы земельной собственности 117

А. Джунгария:

1. Собственно-военные поселения. Бин тунь. (Земли, обрабатывавшиеся китайскими и другими солдатами, за исключением манчжур) 128
2. Земельные поселения знаменных войск (манчжурских) Ци тунь 136
3. Земли, обрабатывавшиеся государственными крепостными (Туркестанские поселения. Хуй тунь) 156
4. Государственные земли, сдаваемые в аренду (Частные поселения. Ху тунь):

а) Земли, арендованные купечеством (крупное землевладение) 166

б) Земли, обрабатывавшиеся крестьянами-переселенцами, ссыльными (мелкое крестьянское землевладение) . . 168

Б. Восточный Туркестан:

1. Чиновничье-помещичье землевладение в Восточном Туркестане 175
2. Земельная собственность туркестанских князей 188
3. Земли, обрабатывавшиеся оброчными крестьянами:

а) Крестьянские землевладения, сдававшие $^1/_{10}$ часть урожая (самостоятельные хозяйства) 197

б) Земли, обрабатывавшиеся испольщиками 205

Стр.

Заключение 213

Приложения:

1. Генеалогическая таблица ханов из дома Джагатая, царствовавших в Восточном Туркестане с середины XVI в. по конец XVII в. 219
2. Генеалогическая таблица ходжей Восточного Туркестана 220—221
3. Таблица состава военных поселений и распределения земельной площади в них, в Джунгарии, кроме Илийского округа 222—223
4. Таблица военных поселений в собственно Восточном Туркестане по округам . . . . . 224—225
5. Таблица земельной площади, сданной государством в аренду и находящейся в частном владении, по округам Урумчи, Куркараусу и Баркульскому, с примечаниями . . . . . 226—227
6. Таблица распределения земельной площади и крепостных среди местного чиновничества Восточного Туркестана, в соответствии с должностями и рангами, с примечаниями 228—230
7. Таблица сбора оброка в размере $^1/_{10}$ части урожая в Восточном Туркестане в 1760—1780 гг. . . . . 231—235
8. Таблица различных сборов (налога и дани) в Восточном Туркестане в 80-х годах XVIII в. . . . . 236—237

Библиография:

I. Источники, литература и справочники на китайском языке, использованные в работе 238

II. Литература на иностранных языках 239

III. Литература на русском языке 241

Указатели:

1. Указатель географических названий 243
2. Указатель собственных имен 245
3. Предметный указатель 249
4. Указатель китайских, уйгурских и других слов, данных в транскрипции 254

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

цз. = цзюань.
гл. = глава = цзюань.
АН — Академия Наук СССР.
ВОРАО — Восточное отделение Русского Археологического общества
ЗВОРАО—Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ИВАН — Институт Востоковедения Академии Наук СССР.
РГО — Русское Географическое общество.
РВ — Русский Вестник.
ДЦИТЧж. — Дайцин и тунчжи.
ДХСЛ — Дун хуа сюйлу.
МХВГБЧж — Циньдин вай фань мэнгу Хуйбу ван гун бяочжуань.
НВИЦзИ — На Вэнь и гун чоухуа Хуйцзян шань хоу иши цзоуи.
СКЦШЦзМ — Циньдин сыку цюаньшу цзунму.
СЦзВФЦзЛ — Синьцзян вай фань цзилё.
СЦЯЛ — Синьцзян яолё.
СЧЦЛ — Сань чжоу цзилё.
СЧЦТШЛ — Сичуй цзунтун шилё.
СЮВЦзЛ — Сиюй вэнь цзянь лу.
СЮТВЧж — Циньдин Сиюй туньвэнь чжи.
СЮТЧж — Циньдин хуан-юй Сиюй тучжи.
СЮЦзЯ — Сиюй цзияо.
СФХЧЮДЦЧ — Сяо фан ху чжай юйди цунчао.
ХЦЧж — Хуйцзян чжи.
ЦШГ — бцз. — бэньцзи, — Цин ши гао.
ЦДСЦШЛ — Циньдин Синьцзян шилё.
ЦДХЦЦзЛ — Циньдин Хуйцзян цзэли.
ШУЦз — Шэн у цзи
ЧГШ — Чжунго ши
ЧГЖМДЦД — Чжунго жэньмин да цыдянь.

Предисловие

Данная работа является диссертацией на степень кандидата наук, защищенной автором в апреле 1935 г.

Освещая вопросы, связанные с коренным переломом в истории Восточного Туркестана и Джунгарии, автор питает надежду, что избранная им тема в одинаковой мере будет интересна как для историков, так и для экономистов, занимающихся современным Синьцзяном.

Работа построена, в основном, на материале китайских источников и в этом, быть может, ее недостаток, так как остаются неиспользованными уйгурские источники, именно те из них, которые не были переведены на европейские языки.

С другой стороны, в данной работе привлекаются источники, недоступные уйгуристу-синьцзянисту и впервые используемые также и китаистом, поэтому автор надеется, что читатель найдет в работе материал, который публикуется впервые как в Советском Союзе, так и за рубежом.

В заключение автор считает своим приятным долгом выразить глубокую благодарность своему руководителю акад. В. М. Алексееву, читавшему работу в рукописи и сделавшему ряд ценных указаний, П. И. Осипову за его консультацию по переводу китайских текстов, С. Е. Малову, принимавшему участие в уточнении уйгурской части работы, и коллективу сотрудников Китайского и Монгольского кабинетов ИВАН, к советам которых автор прислушивался.

15 июня 1935 г.

Автор

Глава I

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

А. ЛИТЕРАТУРА

Настоящая работа в основном ставит своей задачей освещение коренного перелома в общественных отношениях Восточного Туркестана и Джунгарии во второй половине XVIII в. в связи с завоеванием этих стран Цинской (Манчжурской) империей. Нашему рассмотрению подлежат вопросы аграрной политики цинского правительства в завоеванных странах и, следовательно, аграрных отношений в период после завоевания до конца XVIII в., причем оговоримся, что проблему аграрных отношений в данной работе мы рассматриваем только в связи с аграрной политикой Цинов. Далее, мы хотим показать — какие условия подготовили почву для превращения Синьцзяна[1] в одну из провинций Китая, т. е. осветить ход исторических событий до середины XVIII в. Этой цели служит исторический очерк — введение. Отметим здесь, что до нас Синьцзян привлекал внимание многих исследователей, путешественников, публицистов и политиков, в особенности же представителей генеральных штабов различных госу-

[1] Под Синьцзяном или Восточным Туркестаном в дальнейшем мы будем иметь в виду Джунгарию и собственно Восточный Туркестан. Под собственно Восточным Туркестаном мы понимаем территорию, лежащую по южному склону Тяньшаня (Тяньшань наньлу), куда входят округа, созданные вокруг одноименных с ним крупных городов: 1) Кашгарский, 2) Яркендский, 3) Хотанский, 4) Аксуско-Ушский, 5) Кучаский и 6) Харашарский и два княжества: Турфанское и Хамиское. Под Джунгарией подразумеваем территорию, лежащую по северному склону Тяньшаня, т. е. округа: 1) Баркульский, 2) Урумчиский, 3) Илийский, 4) Тарбагатайский и 5) Куркарауский.

дарств. Несмотря на столь значительный интерес к Восточному Туркестану со стороны представителей различных общественных слоев, мы до сих пор не имеем серьезного историко-экономического исследования об этой стране. Большое количество работ, посвященных Синьцзяну, относится к XIX и началу XX столетия. Эти работы, главным образом военно-статистические и географические описания, хотя и затрагивают вопросы истории и социально-экономической жизни страны, во-первых, освещают их крайне неполно, а, во-вторых, дают материал, в основном, для XIX столетия. Авторами таких работ являются: Грум-Гржимайло,[1] к работам которого следует относиться с осторожностью, так как автор, не зная восточных языков, находился в полной зависимости от переводчиков; Boulger — в большей мере публицист, чем исследователь,[2] R. Shaw,[3] совмещавший профессию коммерсанта с научными интересами в области востоковедения. Немало интересных материалов дали путешественник Пржевальский,[4] полковник Куропаткин,[5] полковник Федоров,[6] царский чиновник Пантусов[7] и др. Все они в той или иной мере касаются и истории Восточного Туркестана, но в этой части они не оригинальны, пересказывая, а в некоторых случаях и перевирая, факты,[8] изложенные в специальных работах.

Что касается экономического материала, приведенного в отмеченных работах, то он ни в какой мере не может быть отнесен к интересующему нас периоду времени — середине XVIII в.

---

[1] а) Описание путешествия в Западный Китай, т. I, СПб., 1896, т. II, 1899, т. III, 1907; б) Неизведанные страны Средней Азии. Урумчи. Русский Вестник, 1893, IV.

[2] The Life of Yakoob Beg; Central Asian Questions, 1885.

[3] Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar. О другой его работе, имеющей непосредственное отношение к нашей теме, мы скажем ниже.

[4] Из Зайсана через Хами в Тибет, 1883.

[5] Кашгария. Изд. РГО, СПб. 1879.

[6] Опыт военно-статистического описания Илийского Края, т. I и II, Ташкент, 1903.

[7] Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 гг., Казань 1881, 226 стр.

[8] Куропаткин.

Для указанного периода нет, к сожалению, и полноценных свидетельских показаний европейцев. Объясняется это тем, что Восточный Туркестан в XVIII столетии представлял собой для европейцев terra incognita больше, чем какая-либо другая область в Азии. Несмотря на ряд попыток ни одному европейцу не удалось проникнуть в Восточный Туркестан в течение почти всего XVIII в. И только к концу этого столетия (1780) русскому сержанту Филиппу Ефремову посчастливилось впервые проехать через Восточный Туркестан в Индию (Кашгар — Яркенд — Ладак — Кашмир) при бегстве из Бухары, куда он был продан киргизами, захватившими его в 1774 г. недалеко от Оренбургской линии. Рассказ о его пленении и путешествии опубликован в 1786 г.[1]

По словам Григорьева, до Ефремова Восточный Туркестан посетили иезуиты Галлерштейн,[2] д'Ароха[3] и д'Эспинья,[4] командированные туда императором Цяньлуном в 1760 г. «для производства наблюдений к астрономическому определению важнейших там пунктов...»[5]

Однако, мы не имеем показаний этих миссионеров о посещенной ими стране. Cordier, сообщающий о том, что Da Rocha и d'Espinha было поручено составить карту завоеванной области (Синьцзяна), ничего не говорит о их поездке.[6]

Рассказ Ефремова, к сожалению, поверхностный и грешит многими неточностями, отмеченными в свое время Григорьевым,[7] поэтому нам он почти ничего не дает.

В 1790—1791 гг. из Константинополя были посланы в Среднюю Азию приказчики-армяне братья Атанасовы, которые, странствуя по Турции, Персии и Индии, пробрались через Тибет в Яркенд, затем в Аксу, Хотан, где они свободно торго-

---

[1] «Странствования» Ефремова, Казань, 1811 г., 3-е изд.

[2] Hallerstein.

[3] Félix Da Rocha.

[4] Joseph d'Espinha.

[5] Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан, II, стр. 402.

[6] Henri Cordier. Histoire Générale de la Chine, III, p. 350.

[7] Восточный Туркестан, там же, стр. 409, 410.

вали в течение нескольких лет. Об их странствованиях сняты показания в Семипалатинске в 1807 г.[1] Эти показания, как и описание путешествия Данибегова, лично им составленное,[2] дают мало материала для исследования аграрных отношений Восточного Туркестана в XVIII в.

Кроме того, нужно отметить, что сообщаемые Данибеговым сведения подчас неверны. Так, по Данибегову, туземные чиновники-беки играют лишь роль переводчиков при китайских чиновниках, не знающих местного языка.[3]

В начале XIX в. (1808) Сибирский татарин Муртаза Фейзуд-Динов в торговых целях посетил Аксу и Кашгар.[4]

Этими лицами исчерпывается список тех, кто посетил Восточный Туркестан во второй половине XVIII в., и у кого мы можем получить непосредственные данные о Синьцзяне. Однако сведения, ими сообщаемые, весьма скудные и не идут дальше географического описания посещенных мест и общих характеристик управления страной.

Западноевропейская литература о Восточном Туркестане описываемого периода состоит, главным образом, из переводов отдельных частей китайских сочинений, писем миссионеров, находившихся в Пекине и сообщавших о Восточном Туркестане на основании сведений, получаемых в центре.

Из авторов XVIII в. надо отметить миссионеров Амио (Amiot), Майя (Mailla) и малоизвестного автора Боргека.[5]

Амио известен своими переводами императорских указов — периода Шуньчжи (1644—1661), опубликованных по поводу

---

[1] Сибирский Вестник за 1824 г., стр. 169—176. Напечатано Г. И. Спасским.

[2] «Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова», М., 1815. Данибегов отправился в 1795 г. из Тифлиса в Индию. На обратном пути из Индии в Россию он посетил Восточный Туркестан (Кашмир — Тибет — Яркенд — Аксу — Турфан — Джунгария — Семипалатинск).

[3] «Анбан или главноуправляющий китайский, не понимая языка тамошних жителей, переводчиком своим имеет одного из магометан, который называется по тамошному Беком и получает за сие довольное жалованье» (Путешествие, стр. 51).

[4] Его показания напечатаны П. И. Небольсиным в приложениях к «Очеркам торговли России с Ср. Азиею», в X т. Зап. РГО, стр. 337—354.

[5] Erdbeschreibung von Asien, Düsseldorf, 1792—1793, II.

приезда посольства вассального Турфанского княжества,[1] а также переводами китайских сочинений по истории Турфана.[2] Кроме того, ему принадлежит небольшой рассказ о завоевании Джунгарии и Восточного Туркестана манчжурами (1755—1760) и перевод одного из донесений Чжао Хуй'я, командовавшего армией, которая оперировала в Синьцзяне.[3]

Основным недостатком Амио является то, что он не указывает источников, которыми пользуется при переводе или при пересказе. Это наталкивает на мысль, что он мог пользоваться китайскими материалами не непосредственно, а через других лиц, возможно, с помощью переводчика-китайца. Помимо этого, его переводы, как это удалось нам установить в одном случае — с донесением Чжао Хуй'я, не точны.

Для современного исследователя-китаиста Амио, безусловно, во многом устарел и, кроме всего прочего, по охватываемому материалу слишком ограничен. Для историка, имеющего возможность пользоваться китайскими источниками, Амио не больше как литературное пособие, которое иногда нуждается в проверке по источникам.

На таком же, примерно, уровне, как нам кажется, стоит Майя с его «Всеобщей историей Китая».[4] Майя не может считаться исследователем, он переводчик. Но и как переводчик он не надежен. Без сличения с китайскими источниками его читать, а тем более цитировать, невозможно. В нашей работе Майя мог бы быть использован для исторического введения, если бы мы не пользовались китайскими источниками и местными (последними в переводах).

В XIX в. появляется литература не только путешественников, но и специалистов-востоковедов. Однако, последняя представляет собой переводы или, еще хуже, пересказы китайских

---

[1] Mémoires concernant des chinois, Paris, 1789, t. 14, pp. 15, 16.

[2] Ibid., pp. 17—24.

[3] Lettres édifiantes et curieuses, Lyon 1819, t. 13, pp. 234—256.

[4] Histoire Générale de la Chine ou Annales de cet Empire, traduites du Tong kien kang mou, Paris, 1780, t. XI.

сочинений,[1] главным образом географического порядка. Среди этих работ есть и такие, которые рисуют отдельные эпизоды из истории Синьцзяна, в частности XVIII в. Эти работы со многими оговорками могут быть названы исследовательскими, принадлежат они перу Абель-Ремюза, Ст. Жюльена и Камил Юара.

Из работ M. Abel-Rémusat непосредственное отношение к нашему предмету имеют две: а) описание царствований Канси и Цяньлуна[2] и б) об экспансии Китайской Империи на запад.[3] В первой статье дается хроника событий периода войн в Джунгарии и в Восточном Туркестане, хроника далеко не полная.

Во второй работе, построенной на китайских источниках и европейских материалах, делается попытка осветить вопрос о владениях Китая в Центральной Азии при различных династиях, царствовавших в Китае. Нужно отметить, что глава, посвященная китайским владениям в Восточном Туркестане при манчжурской династии,[4] составлена исключительно по европейским материалам.

Работа Жюльена[5] может служить, главным образом, в качестве географического справочного пособия. Книга Юара,[6] к сожалению, освещает только историю Хами и дает некоторые Экономические сведения о Хами. Она не лишена недостатков, о которых будет сказано ниже при описании использованных нами китайских источников.

Из русских авторов надо отметить монаха Иакинфа, который дал несколько описаний Восточного Туркестана.[7] Для своего

---

[1] Camille Imbault Huart. Histoire de l'insurrection des Tounganes sous le règne de Tao-kuang (1820—1828) d'après les documents chinois.

[2] Nouveaux mélanges Asiatiques ou recueil de morceaux de critique et de mémoires par M. Abel Rémusat, t. II, Paris, pp. 21—44, 45—60.

[3] Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie centrale. Paris, 1825, pp. 59—129.

[4] Ibid., pp. 64—70.

[5] Notices sur les pays et les peuples étrangers tirées des géographes et des historiens chinois. J. Asiatique, 4-me série, 1846, t. VIII, pp. 228—252, 384—445.

[6] M. C. Imbault - Huart. Le pays de Hami ou Khamil par... Paris 1892.

[7] Бичурин, Иакинф. 1) Статистическое описание китайской империи, ч. II, Восточный Туркестан, 2) Статистическое описание Джунгарии в нынешнем ее состоянии, 1842, РВ., 1841, т. IV, 9, 3) Описание Чжуньгарии и Восточного Туркистана, СПб., 1829.

времени Иакинф, безусловно, большое явление в русской действительности, но он устарел, а переводы его нуждаются в проверке, как это будет показано ниже.

Следует упомянуть также еще об одном русском авторе — Валиханове.[1] Валиханов был первым из русских, посетивших Восточный Туркестан в XIX в. В результате этой поездки им написано несколько статей, собранных и изданных вместе Веселовским Н. И.[2] Нами использована историческая глава из сочинений Валиханова, пересказывающая рукопись Мухаммед Садыка Кашгарского. Однако, должен отметить, что эта глава полна ошибок, которые мне удалось установить при сличении с переводами отмеченной рукописи английского и немецкого авторов. Экономический материал Валиханова относится к XIX в. и тоже нуждается в некоторых случаях в проверке.

Из компилятивных работ на русском языке о Восточном Туркестане отметим труд Григорьева.[3] Проф. Григорьев начинает свою работу с древнейших греческих и других известий о Восточном Туркестане и кончает описанием в 1872 г. Таким образом им охватывается и интересующий нас XVIII в., однако нового и ценного для нас эта работа не дает, так как она составлена на основании работ европейских и русских авторов, частично мною перечисленных. Китайскими источниками Григорьев пользовался только в переводах Иакинфа, Жюльена и Клапрота. По существу в работе Григорьева, главы, посвященные XVIII в., составлены на основании одного китайского источника — Сиюй вэнь цзянь лу, если не считать широко привлеченных работ Амио, Майя и Валиханова, о которых говорилось выше.

Таким образом из изложенного выше мы можем сделать некоторые выводы:

---

[1] По национальности Валиханов — казах, по общественному положению — офицер русской армии.

[2] Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Изд. под ред. Н. И. Веселовского. Зап. РГО, по отд. этногр., т. XXIX, СПб., 1904.

[3] Григорьев В. В. Землеведение К. Риттера. Восточный или Китайский Туркестан. Изд. РГО, СПб. 1873, вып. 2.

1. Европейские работы по Синьцзяну XVIII в., в массе своей, не представляют собой источников, за исключением описаний путешествий.

2. Они (работы) односторонни — не ставят проблему изучения Синьцзяна во всех разрезах — историческом, социальном и экономическом. Эти работы, опираясь на ограниченный круг китайских источников, в последних берут лишь материал географический и описательный, совершенно игнорируя данные экономические.

3. Неудовлетворительно освещают события, оперируя идеалистическим методом буржуазной науки.

Естественно, что перед историком-марксистом стоит задача, всемерно используя старое наследство буржуазных исследователей, очищая его от идеалистической шелухи, выбирая рациональные зерна, в то же время максимально использовать китайские источники, привлекая новые материалы и вместе с тем пересматривая то, что было использовано буржуазными учеными.

В нашей работе мы последовательно проводили намеченные выше задачи, беря установку на китайские источники.

Указания на последние мы находим как в китайских библиографических справочниках (Сыку цюаньшу цзунму), так и в европейских.[1] Кроме того, личное ознакомление с библиотекой Ленинградского государственного университета и рукописным отделом Института востоковедения АН СССР позволило сделать выбор целого ряда китайских сочинений, дающих нам богатый материал по Синьцзяну XVIII в.

Прежде чем перейти к описанию китайских источников считаем своим долгом дать краткую характеристику местных источников, послуживших нам основным материалом для исторического введения.

---

[1] Courant. Catalogue des livres chinois; Wylie. Notes on chinese literature; Cordier Henri. Bibliotheca Sinica; Васильев. Материалы по истории китайской литературы. В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. I—III. Петроград, 1921. Известия Российской Академии Наук, 1919.

Этими источниками являются:

1. Тезкере-и-Ходжаган или Тезкере-и-Азизан. Записки о ходжах, Мухаммед Садыка Кашгарского. Рукопись, составленная в 1768—1769 гг. Здесь описываются события с 1542 г. по 1758—1760 гг. Извлечения из этого источника впервые сообщены Валихановым в 50-х годах XIX в.[1] Рукопись Мухаммед Садыка была использована также R. Shaw на ряду с другой рукописью о ходжах, представляющей конспект Тезкере-и-Ходжаган, название которой не сохранилось в бумагах Shaw. Материалы последнего, т. е. перевод другой рукописи, именуемой издателем «other book», и часть рукописи Мухаммед Садыка опубликованы в 1897 г. N. Elias'ом после смерти R. Shaw.[2] Значительно полнее использована рукопись Мухаммед Садыка немецким автором M. Hartmann'ом,[3] который привлек ряд дополнительных материалов для освещения истории Ходжей.

2. Хефт-Иклим — автор Эмин Ахмед Рази жил в начале XVII в.

3. Анонимный автор неизвестной рукописи, охватывающей историю кашгарских ханов до начала XVIII в.

4. Сочинение Махмуда бен Вали. История кашгарских ханов второй половины XVI и первой половины XVII вв.

Три последних источника использованы В. Бартольдом[4] и Гартманом,[5] с помощью которых нам удалось ознакомиться с содержанием перечисленных источников, послуживших нам почти основным материалом для введения, так как китайские источники не освещают историю собственно Восточного Тур-

---

[1] Валиханов. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нанлу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг. Извлечение из отчета штабс-капитана Валиханова. II. Исторический очерк. Сочинения. Зап. РГО, отд. этногр., т. XXIX, стр. 107—150.

[2] The History of the Khojas of Eastern Turkistan, pp. 1—67, включая введение издателя.

[3] Martin Hartmann. Ein Heiligenstaat im Islam. Der Islamische Orient, VI—X, Berlin, 1905.

[4] Отчет о командировке в Туркестан, СПб. 1904, стр. 236—255.

[5] Martin Hartmann. Der Islamische Orient, ibid.

кестана, за исключением княжеств Хами и Турфана, с начала XVII в. до середины XVIII в., сообщая лишь отдельные факты, часто не соответствующие действительности.

Б. КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СИНЬЦЗЯНА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX вв.[1]

Сочинения о Синьцзяне на китайском языке появляются вскоре после завоевания Восточного Туркестана.

Освоение страны требовало ее изучения в историческом, экономическом и политическом аспектах. Вот почему — через 10—15 лет после кровавых боев появляется большая литература о Синьцзяне на китайском языке.

Эта литература — чаще всего официальные описания «западного края» — и является почти основным источником для изучения Синьцзяна XVIII в.

Несмотря на официальный характер китайских источников, их тенденциозность, главным образом, в освещении исторических фактов, мы находим там интереснейший материал, еще никем не использованный, за редким исключением, на основе которого вполне возможно воссоздать картину общественных отношений, социально-экономических условий Синьцзяна после завоевания его манчжурами, а частично и до этого завоевания. К официальной литературе мы относим сочинения, составленные и изданные по предписанию императоров Цяньлуна, Даогуана.

В основе этих сочинений лежала схема «общих описаний», Тунчжи (通志), освещающих ту или иную местность в историческом, географическом, экономическо-статистическом и политическом отношениях.

Этого рода описания Синьцзяна принадлежат кисти непосредственных участников покорения страны, впоследствии занимав-

[1] Часть первой главы, посвященная китайским источникам (Б), издана нами отдельной статьей под названием: «Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX века» Библиография Востока. Выпуск 8—9 (1935). Инст. Востоковедения Академии Наук СССР. Москва—Ленинград, 1936, стр. 15—40.

ших здесь руководящие посты, блестяще ориентированных в обстановке и, наконец, знакомых с внешней политикой цинского правительства, активными проводниками которой они являлись сами.

Такими авторами или соавторами больших сборников о западном крае являлись небезызвестные Сун Юнь, военный губернатор (Цзянцзюнь) Илийского края, Шухэдэ, главноуправляющий Восточным Туркестаном (Цаньцзань дачэнь), Агуй, Чжао Хуй — усмирители Джунгарии и Кашгарии. Свидетельства перечисленных деятелей Цинской империи могут считаться источниками.

К официальным источникам мы относим также и императорские указы, доклады чиновников, посвященные Синьцзяну.

В этих указах и донесениях с мест освещаются вопросы создания новой администрации, урегулирования аграрных отношений и т. д. К этим же источникам надо отнести и биографии туземных чиновников, составленные в царствование Цяньлуна. Здесь мы встречаемся с подробным изложением деятельности туркестанских беков, местной феодальной бюрократии, оказавших ценные услуги Цинскому правительству. Биографии часто вскрывают характер феодальных отношений, систему эксплоатации и показывают место и роль туркестанской бюрократии в этой системе.

В биографиях значительное место занимают императорские указы, которые отмечают то или иное выдающееся событие в жизни героя, его заслуги или проступки.

Таким образом и здесь мы сталкиваемся с материалом, имеющим характер источника.

На ряду с официальной литературой, эпоха завоевания Восточного Туркестана породила и многочисленные частные издания, принадлежащие, главным образом, манчжурским чиновникам, которые проживали в Синьцзяне или посетили его проездом.

Эти работы представляют собой или краткие замечания о географическом положении городов, занятии жителей, численности населения, и тогда входят в состав многотомного географического сборника Сяо фан ху чжай юйди цунчао, или же это

самостоятельные большие сочинения, всесторонне освещающие условия социально-политической жизни страны в конце XVIII в.— Хуйцзян чжи, Сиюй вэнь цзянь лу.

Преимущество этих источников заключается в их независимости от официальной точки зрения на события, хотя правительственные установки проскальзывают и у авторов названных сочинений. Так, в освещении причин, вызвавших походы цинских войск в Джунгарию и собственно Восточный Туркестан (Кашгарию), авторы целиком солидаризируются с взглядами правительства на этот вопрос, указывая, что разбойный образ жизни джунгаров, их частые нападения на Тибет и Китай, коварство их верховных вождей, в частности Амурсаны, послужили основанием для завоевания Джунгарии и массового истребления ни в чем неповинных жителей.[1]

Точно также тенденциозно освещается и налоговый вопрос — один из основных факторов феодальных общественных отношений при господстве натуральной ренты, в условиях, когда номинальным собственником земли является государство, как это было в Синьцзяне.

Автор Хуйцзян чжи стремится доказать, что при джунгарах, а впоследствии и при ходжах Борониду и Хоцзичжане, т. е. до присоединения Восточного Туркестана к Китаю, налоговая политика была более обременительной для жителей, чем при господстве манчжуров.

«Прежде в Восточном Туркестане, когда он находился под управлением элеутов, хотя и была установлена определенная сумма податей и налогов, однако последняя (сумма) была непосильной и туркестанцы затруднялись выплатить ее.

Впоследствии Хоцзичжань притеснял туркестанцев... Деньги, зерно, ткани, скот и применявшиеся трудовые повинности по своему произволу определял поровну (среди всех), не учитывая количество податных и размеры земельной площади...»

---

[1] Сиюй вэнь цзянь лу, глава (цзюань) 5.

«Усмирив новую линию и присоединив (ее) к империи, главнокомандующий Чжао (т. е. Чжао Хуй, *Л. Д.*), имеющий титул Уимоуюнгуна (武毅謀勇公) и сановник Шу, докладывая императору, просили значительно уменьшить оброк и повинности, которые были прежде определены элеутами и туркестанскими начальниками, и установить определенную сумму взимаемого оброка».[1]

Автор цитированного отрывка совсем не указывает, что необходимость снижения налогов диктовалась значительным сокращением численности населения и обнищанием его в результате внутренних междоусобиц, предшествовавших вторжению китайско-манчжурской армии, и опустошений, произведенных последней.

Кроме того, китайский автор «забывает» сказать, что, кроме официально установленной суммы налогового обложения, имели место, уже при господстве Цинов, незаконные поборы со стороны местных туркестанских чиновников, часто поощряемых манчжурскими властями.[2]

Однако, несмотря на частое совпадение точек зрения авторов частных и официальных изданий, что объясняется их принадлежностью к одному и тому же господствующему классу помещиков-феодалов, — мы все же наблюдаем в частных сочинениях известную самостоятельность, независимость, а главное, что ставит их выше официальных описаний — это широкий диапазон затрагиваемых вопросов, не ограниченный рамками правительственной схемы, которая лежит в основе географическо-статистических описаний.

Частные описания Синьцзяна ценны еще тем, что они проливают свет на подлинный характер эксплоатации туркестанского крестьянства местной бюрократией, действовавшей вкупе

---

[1] Хуйцзян чжи, 回疆誌, гл. (цз) 4, стр. 1—2.

[2] Дун хуа сюйлу, гл. 19, стр. 3 г — v, гл. 18, стр. 20; Циньдин вай фань мэнгу Хуйбу ван гун бяочжуань, гл. 116, стр. 12.

В этих источниках приводится жалоба жителей г. Уша на Хаким бека Ходиса за поборы, а также указывается на присвоение чиновниками налогов.

с манчжурским чиновничеством. Так, автор Сиюй вэнь цзянь лу в нескольких словах рисует яркую картину издевательства над населением гг. Яркенда[1] и Уша[2], чем он, между прочим, и объясняет ушское восстание.

Естественно, что в официальных изданиях с такой откровенностью не рассказывается о произволе туркестанских и манчжурских властей.

Далее, весьма ценным в сочинениях описываемой категории является привлечение этнографического материала, широко используемое в Хуйцзян чжи и Сиюй вэнь цзянь лу; этот материал помогает изучению всех сторон общественной жизни Синьцзяна.

Третья категория китайских сочинений, не являющихся в собственном смысле первоисточниками, состоит из работ исследовательского типа. Сюда, напр., мы относим «Историю императорских войн» (т. е. войн Цинской династии), Шэн у цзи.

Шэн у цзи является историческим трудом, построенным на оригинальных документах, собранных в китайских архивах.

Отсутствие ссылок на использованные материалы — прием обычный для китайских авторов, не позволяет дать исчерпывающую оценку этой работе в текстологическом отношении.[3]

Метод исследования и изложения материала у Вэй Юаня — является типичным для авторов феодальной эпохи. Исторические события излагаются не в их связи с общественно-экономической жизнью, отрываются от производственных отношений. Чрезмерно выпячиваются субъективные факторы в истории, разду-

---

[1] Сиюй вэнь цзянь лу, гл. 2, стр. 14—15.

[2] Там же, гл. 6, стр. 7—8.

[3] Camille Imbault Huart указывает, что автором Шэн у цзи, Вэй Юанем, использованы доклады военноначальников, участвовавших в описываемых войнах, и другие документы, которые хранятся в секретных архивах. См. а) Recueil de documents, sur l'Asie Centrale, Introduction. pp. VI—VII; б) Journal Asiatique, Fevrier — Mars, 1878, p. 136. Это замечание Huart'a базируется на заявлении Вэй Юаня в предисловии к Шэн у цзи. Нам кажется, что для историка субъективные показания еще не дают права делать вывод о характере используемых тем или иным автором материалов. Объективных же данных по этому вопросу в Шэн у цзи не имеется.

вается роль личности — вершителя судеб, в частности император играет у Вэй Юаня решающую роль в развитии исторического процесса. Шэн у цзи — это, по существу, хроника событий, осмысление которых, вскрытие причин и предвидение следствий, автору не под силу. Часто непосредственный повод автором принимается за первопричину.[1]

Несмотря на это труд Вэй Юаня, безусловно, имеет большую ценность для европейского исследователя, так как изобилует данными, нередко отсутствующими в официальных изданиях.

Существует еще одна категория сочинений на китайском языке, сочинений, принадлежащих нашим современникам. Мы имеем в виду ряд учебников по истории, в которых отдельные главы посвящены Синьцзяну. Нового они ничего не дают и пользоваться ими, при наличии первоисточников и исследований, нет никакой необходимости.

Среди этих учебников некоторое внимание может привлечь пособие по истории Китая, составленное Ван Тун лином. Этот учебник интересен своими приложениями — таблицами географическими и историческими. Во всем остальном он копирует своих предшественников.

После этих кратких замечаний мы позволим себе перейти к подробному описанию китайских источников, помещая их в хронологическом порядке выхода в свет.

1. Суэрдэ (蘇爾德). Хуйцзян чжи, 回疆誌. «Описание мусульманских границ» (Восточного Туркестана). Рукопись. Предисловие автора датировано 1772 г.

4 книги (бэни), 4 главы (цзюани).

Автор — манчжурский чиновник родом из Чанбо (長白), Мукденской провинции. Служил в Кашгаре с 1769 г.

В предисловии автор сообщает, что составленное им «Описание» базируется на сочинении с тождественным названием,

---

[1] Так, в объяснении причин восстания Джангира (1821—1828) Вэй Юань на первое место выдвигает порочность манчжурских и туркестанских чиновников.

принадлежавшем Юн Гую (永 貴), который был правителем (цаньцзань дачэнь) в Кашгаре, и Гу Цзюнь ши хэну (固君世 衡). Там же, в предисловии, указывается, что сочинение Юн Гуя подверглось изменению: кое-что было сокращено, кое-что добавлено.

Кроме авторского предисловия, имеются еще два, в которых отмечаются достоинства сочинения.

Основной текст рукописи может быть отнесен к периоду времени 1770—1772 гг., так как упоминаются события 1770 г.[1] В тексте имеются вставки более позднего происхождения. Так, в одном месте вставлено следующее замечание:

«Ныне 50 пулов равняются 1 танга, а прежде, когда была написана книга, 100 пулов составляли одну танга».[2]

Содержание Хуйцзян чжи:

Глава I. Стихи императора Цяньлуна, вырезанные на камне, посвященные усмирению Восточного Туркестана. Описание границ Восточного Туркестана, карта его, климат, горы, реки. Описание городов.

Глава. 2. Обычаи, религия, нравы жителей, одежда, брак, траур, пища, жилища, земледелие, ткачество, торговля, рыбный промысел, фрукты, произведения земли.

Глава 3. Бюрократическая система (官 制). Численность населения по городам.

Глава 4. Налоги (賦 役), денежная система, уголовные наказания, пограничные посты, почтовые станции, внешние народы.

Наиболее интересными с точки зрения изучения Синьцзяна в историческом, экономическом и политическом отношениях являются 1-я, 3-я и 4-я главы. Глава 3 дает ценный материал о крепостных отношениях, рисуя прикрепление зависимых крестьян к чиновникам и передачу последним земли, и одновременно дает представление о феодальной иерархии в Восточном Туркестане.

---

[1] Глава 4.

[2] Там же, стр. 7.

В 4-й главе приводится свод налогов — оброка по всем городам и сельским местностям Восточного Туркестана. Подробные данные по всем видам налога денежного и натурального показывают с достаточной полнотой формы и частично степень феодальной эксплоатации туркестанского населения китайско-манчжурским правительством.

Данные, которыми оперирует автор Хуйцзян чжи, безусловно заслуживают доверия, так как они подтверждаются другими китайскими источниками. Кроме того, в рукописи использованы первоисточники — доклады Чжао Хуй'я, Шухэдэ, Юн Гуя и других, что придает особую ценность материалам.

Этнографический материал Хуйцзян чжи сам по себе интересен, но чрезвычайная лаконичность его изложения, обрывки отдельных сведений о различных сторонах жизни туркестанского населения — лишают ценности эти данные.

В европейской литературе о Синьцзяне нет ни полных переводов, ни извлечений из Хуйцзян чжи, и, насколько нам известно, никто из европейских авторов ни в какой мере не пользовался аннотируемым источником. Упоминания библиографического порядка, кстати довольно краткие, встречаются в статье Esson M. Gale под названием: «Some chinese sources for the study of Northeastern Asia»,[1] а также в упомянутой выше статье В. Л. Котвича.[2]

Esson Gale приписывает авторство Хуйцзян чжи нескольким манчжурским чиновникам, принимавшим участие в завоевании Восточного Туркестана, не указывая фамилий, и правильно, повидимому, относит этот источник к 1772 г.

2. Чунь Юань (椿園). Сиюй вэнь цзянь лу. 西域聞見錄 «Описание Западного Края», точнее: «Описание виденного и слышанного о Западном Крае» (изд. 1777 г., дата

---

[1] Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, 1933, vol. LXIV, p. 121.

[2] Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Известия Российской Академии Наук. 1919, стр. 808.

предисловия), 2 книги (бэни), 8 глав (цзюаней), 112 китайских (двойных) страниц.

Автор — манчжурский чиновник, родом из Чанбо, в течение долгого времени служил в Восточном Туркестане. Имел ученую степень магистра, Цзиньши.[1]

В первом томе имеются 3 карты Илийского края и Восточного Туркестана.

Содержание:

Глава 1. 新疆紀略, Синьцзян цзилё. «Краткое описание новой линии». Географическое и историческое описание Хами, Баркуля, Урумчи, Или и Тарбагатая. Приводятся данные о налогах, численности войск, военных земельных поселениях.

Глава 2. Продолжение. Описание Пичана, Карашара, Куча, Уша, Яркенда, Хотана и Кашгара.

Глава 3. 外藩列傳, Вай фань лечжуань, «Описание иностранных владений» (внешних народов), т. е. владений, которые имели связь с Китаем или зависели от него, — казахов, бурутов (киргизов), Андижана, Болора, Афганистана, Кашмира, Бадакшана и др.

Глава 4. То же. Продолжение. Описание России, Коканда, Бухары и других стран.

Глава 5. 西陲紀事本末, Сичуй цзи ши бэнь мо. «История событий на западных границах».

а) История восстания и поражения джунгаров, стр. 1—5.

б) История возмущения Амурсаны и его гибели, стр. 5—6.

Глава 6. То же. Продолжение.

в) Восстание и поражение Буладуня (Борониду) и Хоцзичжана, стр. 1—7.

г) История ушского восстания, стр. 7—11.

д) История подчинения тургутов, стр. 12—17.

Глава 7. 回疆風土記 Хуйцзян фынту цзи. «Нравы и обычаи жителей Туркестана, стр. 1—20. Климат, качество земли, нравы и обычаи, произведения земли, смесь.

---

[1] Чжунго жень мин дацыдянь, 中國人名大辭典, Кит. биогр. слов., стр. 8.

Глава 8. 新疆道里表, Синьцзян даоли бяо. «Путеводитель по новой линии», таблица маршрутов с указанием расстояний между отдельными военными станциями и городами Синьцзяна.

В предисловии автор указывает, что в его книгу вошло все то, что он лично видел и частично то, о чем он слышал, за исключением недостоверного, им отброшенного.

Там же указывается, что, в отличие от официальных описаний, составленных учеными по предписанию императора, предлагаемая книга освещает различные стороны жизни иноплеменных народов, их быт, нравы и т. д.

Действительно, приведенное выше оглавление подтверждает заявление автора о разнообразии затронутых вопросов. Но вместе с тем эта пестрота и является недостатком аннотируемого источника.

Бессистемность в подборе и распределении материала чрезвычайно характерна для Сиюй вэнь цзянь лу. Часто весьма ценные материалы — с точки зрения изучения общественных отношений Синьцзяна XVIII в.. теряются среди неполноценных данных.

Так, напр., в отделе «смесь» (雜錄), где встречаются рассуждения о трусости и лукавстве туркестанцев, невежестве ахунов, среди описания ключевых источников, природных особенностей некоторых местностей, способов лечения от различных болезней и т. д. — мы находим интересные указания о местной бюрократии, феодальной иерархии, о прикреплении крестьян к бекам в качестве крепостных или рабов.[1]

К недостаткам «Описания Западного Края» надо отнести и известную поверхностность в изложении фактов, в особенности это бросается в глаза в главах, посвященных внешним странам. Повидимому, эти главы составлены не на основе изучения письменных документов или на основе личного опыта, а по наслышке, со слов других.

---

[1] Глава 7, стр. 17.

Однако, несмотря на эти недостатки, Сиюй вэнь цзянь лу является интереснейшим и одним из ценных письменных памятников XVIII в. если учесть, что в европейской литературе мы не имеем показаний о Восточном Туркестане со стороны путешественников, посетивших или долгое время находившихся в Китайском Туркестане в конце XVIII в., показаний, которые могли бы итти в сравнение с разбираемым источником по широте охватываемых вопросов.

Для изучающего общественные отношения Синьцзяна второй половины XVIII в., периода завоевания Восточного Туркестана манчжурами, наиболее ценными в Сиюй вэнь цзянь лу являются главы 1 и 2, описание отдельных городов Синьцзяна; глава 6, «История событий на западных границах», в особенности «История ушского восстания» и отдельные части главы 7 из отдела «Смесь».

В этих главах сосредоточен материал, освещающий эксплоататорскую практику завоевателей в покоренной стране и предоставляющий исследователю возможность вскрыть причины социального протеста туркестанского крестьянства, который (протест) принял форму восстания в г. Уше вскоре после покорения страны, в 1765 г. Здесь представлены данные, позволяющие вскрыть формы феодальной ренты. Наконец, здесь показаны основные нити экономической политики цинского правительства в захваченном крае.

Нужно, однако, оговориться, что в Сиюй вэнь цзянь лу мы имеем дело отнюдь не с исследованием, а с сырым, фактическим материалом, который нуждается в обработке, систематизации и зачастую проверке.[1] «Описание Западного Края» в течение почти всего XIX в. являлось основным источником изучения Синьцзяна XVIII столетия для европейской синологии. Такой успех этого литературного памятника должен быть отнесен отнюдь не за счет его необычайного достоинства, кстати сказать

[1] Нелишне отметить, что ряд исторических и географических ошибок автора Сиюй вэнь цзянь лу был вскрыт Вэй Юанем, в Шэн у цзи. См. гл. (цз.) 4, стр. 35 и 37 (дополн.).

переоцененного, а за счет низкого уровня синологической науки в XIX в.

Почти во всех работах о Синьцзяне, вышедших из-под пера китаеведов и вообще ориенталистов прошлого столетия, Сиюй вэнь цзянь лу или пространно цитируется или кладется в основу исследования. Кроме того, имеются переводы отдельных частей источника, а на русском языке существует перевод всего памятника, сделанный монахом Иакинфом.[1]

В нашу задачу не входит подробный анализ переводов и сличение их с оригиналом, однако, некоторые краткие замечания мы позволим себе высказать.

Прежде всего Иакинф неправильно передает дату составления автором предисловия, которая, повидимому, является одновременно и датой создания сочинения и его первого издания.

Так, 42-й год правления императора Цяньлуна переводится Иакинфом 1772 годом, вместо 1777 г.

Не указывает Иакинф и фамилии автора, в то время как в предисловии таковая стоит.

Переводчик допускает пропуски, не оговаривая их, за исключением одного случая, когда переводчику была непонятна одна фраза в предисловии. К таким пропускам относится чрезвычайно ценное указание китайского автора о существовании Феодального Института Яньци.[2]

Совершенно не переводятся Иакинфом авторские концовки, послесловия в каждой главе, которые являются основными резюмирующими выводами автора и представляют для исследователя наибольший интерес.

Наблюдаются и неточности в переводе, совершенно искажающие мысль китайского автора. Так, в одном месте, говоря об определении по селениям Восточного Туркестана чиновников для

---

[1] Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии, СПб., 1829, ч. II.

[2] Сиюй вэнь цзянь лу, гл. 7, стр. 17; см. об этом нашу статью «Феодальный Институт Яньци в Восточном Туркестане в XVIII веке». Записки Инст. Востоковед. Акад. Наук, III.

сбора податей, автор Сиюй вэнь цзянь лу называет одного из них Юзбеком, транскрибируя это местное название иероглифами 玉子伯克, Юйцзыбокэ. Иакинф знак юй 玉 принял за иероглиф 王 (ван), и перевел: «бек от князя»...[1] В другом месте, где речь идет о передаче рабов «наследственным тусы», т. е. туземным титулованным правителям, наследовавшим титулы и должности, Иакинф переводит — вместо «наследственный тусы» — «предоставить в наследственное владение».[2]

К недостаткам перевода надо отнести и отсутствие примечаний, пояснений географических названий.

Неудовлетворительной является и передача китайской транскрипции туркестанских слов, вследствие чего часто трудно установить о чем идет речь.

Все эти недостатки заставляют нас сделать вывод, что перевод Иакинфа не может считаться научным, основательно комментированным переводом, однако, для своего времени (1829 г). труд Иакинфа был ценным вкладом в синологическую науку, если к тому же принять во внимание, что западноевропейская синология к этому времени не дала полного перевода Сиюй вэнь цзянь лу, а переводы незначительной части его по качеству ничуть не превосходили перевода русского.

Переводы отдельных частей Сиюй вэнь цзяньлу мы встречаем у Клапрота в его статье: «Relation des troubles de la Dzoungarie et de la Petite Boukharie».[3] Клапрот перевел незначительную часть «Описания западного края», дав выдержки из исторических глав.

Так, из главы 5 им переведены 1—6 стр., посвященные восстанию и поражению джунгаров (1754 г.) и восстанию Амур-

---

[1] Сиюй вэнь цзянь лу, там же, стр. 17; Иакинф, там же, стр. 230. Впрочем, здесь вина не одного переводчика — в одном из двух изданий, которыми я располагаю, действительно показан знак ван 王, но по контексту можно понять, что речь идет о знаке 玉 юй.

[2] Там же, гл. II, стр. 1. Иакинф, там же, стр. 113.

[3] Magasin Asiatique, ou revue géographique et historique de l'Asie Centrale et septentrionale; publiée par M. I. Klaproth. Paris, 1826, t. II, pp. 187—208.

саны в 1755 г. Из главы 6 переведена часть, излагающая восстания ходжей Борониду и Хоцзичжана (1757—1759 гг.) и в городе Уше, в 1765 г. (1—11 стр.), Так же, как и Иакинф, Клапрот не переводит авторских заключений в конце каждой главы.

Исторические главы Сиюй вэнь цзянь лу были использованы и английским автором Ch. Denby в его статье «The chinese Conquest of Songaria».[1] Ch. Denby не переводит, а пересказывает главу 6, стр. 12—17 о подданстве тургутов; главу 5, стр. 1—5 о возмущении и падении джунгаров, стр. 5—6 о возмущении и гибели Амурсаны; главу 6, стр. 1—7 о восстании и гибели ходжей Борониду и Хоцзичжана (по Denby — Pu-la-tan и Huo-chi-chan).

В некоторых случаях Denby цитирует Сиюй вэнь цзянь лу[2] без точных ссылок на главу и страницу.

Как у Klaproth'a, так и у Denby отсутствует критическая оценка используемых исторических глав «Описания». На французском языке имеется еще перевод главы 7, сделанный миссионером M. Gueluy.[3] Перевод довольно точный, без пропусков, включающий также и послесловие китайского автора.

Частичное использование, совсем незначительное, аннотируемого памятника имеет место и в трудах наиболее плодовитого китаиста-синьцзяниста прошлого столетия C. Imbault Huart'a. В его работе «Le Pays de'Hami ou Khamil, description, histoire d'après les auteurs chinois»,[4] в качестве дополнения приложен путеводитель по Синьцзяну, от заставы Цзяюй (Цзяюйгуань), отделяющей внутренний Китай от Восточного Туркестана, до Хами.[5] Этот указатель маршрутов заимствован из 8 главы Сиюй-вэнь цзянь лу.

---

[1] Journal of the Peking Oriental Society. Peking 1890, vol. III, № 1, pp. 159—181.

[2] Ibid., pp. 171, 176, 177, 178, 180.

[3] «Description de la Chine Occidentale» par un voyageur traduite du chinois par M. Gueluy, missionnaire. Le muséon. Revue Internationale publiée par la Société de lettres et des sciences. Louvain. Janvier, 1887, t. VI, pp. 5—30.

[4] Extrait du Bulletin du Comité des Travaux historiques et scientifiques, section de géographie, année 1892, Paris.

[5] Ibid., pp. 73—74.

В этой же работе C. Imbault Huart дает библиографическую справку о Сиюй вэнь цзянь лу, полностью приводя оглавление этого сочинения.

Huart указывает, что «Описание» пользовалось огромным успехом в Китае и было неоднократно перепздано, часто даже под различными названиями; так издание 1814 г., которым пользовался Huart, носило название: «Историческое описание Западного Края», Сиюйцзи, 西域記.[1] От себя мы можем добавить, что также располагаем, кроме описанного выше первого издания, еще одним — под названием «Синьцзян вай фань цзилё» (см. № 3).

На русском языке, кроме перевода Иакинфа, существуют еще переводы отдельных частей Сиюй вэнь цзянь лу, выполненные С. Липовцовым для «Сибирского Вестника» 1820—1823 гг.[2]

Библиографические указания о Сиюй вэнь цзянь лу дают и специальные справочники,[3] причем нелишне отметить, что M. Courant не мог установить ни даты составления, ни имени автора. Надо сказать, что вопрос об авторстве Сиюй вэнь цзянь лу до сих пор, по нашему мнению, не разрешен. Все европейские синологи-исследователи и составители справочников приписывают составление «Описания» манчжурскому чиновнику (七十一), Цишии, по прозванию Чунь Юань. Это утверждают Huart, Wylie и Denby, опираясь на предисловие Сиюй вэнь цзянь лу, которое подписано Чунь Юанем и Цишии. Непонятно, почему отмеченные европейские авторы предпочли взять в качестве фамилии именно Цишии. Такую же ошибку, по нашему мнению,

---

[1] Ibid., p. 9.

[2] См. статьи С. Липовцова: 1) «О переходе Тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию». Сочинение китайского князя Цишия, переведенное с китайского подлинника г. надворным советником С. В. Липовцовым. Сибирский Вестник, издаваемый Григорием Спасским. СПб., 1820, ч. 12, стр. 167—226; 2) «О возмущениях, бывших в Дзюнгарии и Малой Бухарии». Там же, 1823, ч. III, стр. 101—122, ч. IV, стр. 123—130. Сюда вошли переводы глав 5-й («история восстания и поражения джунгаров», «история возмущения Амурсаны и его гибели») и 6-й [«Восстание и поражение Буладуня (Борониду) и Хоцзичжана», «История ушского восстания»].

[3] A. Wylie. Notes on Chinese literature. London, 1867, p. 52. Maurice Courant. Catalogue des livres chinois ... Paris, 1902, p. 109, № 1830—1831.

допустил и китайский биографический словарь.[1] Со своей стороны мы считаем, что фамилия китайского автора — Чунь Юань, и Цишии — его возраст, 71 год. На такой вывод нас толкает другое издание аннотируемого памятника, предисловие в котором подписано так: 椿園年七十 — т. е. Чунь Юань, — 71 года.[2] В своем утверждении мы не одиноки; известный французский синолог Шаванн в рецензии на каталог Курана подчеркивает ошибку Wylie по вопросу об авторстве Сиюй вэнь цзянь лу и указывает, что Цишии — это возраст Чунь Юаня.[3]

3. Чунь Юань, Синьцзян вай фань цзилё, 新疆外藩紀略. «Описание новой линии (Синьцзяна) и внешних стран». 1777 г. (дата предисловия), 2 книги (бэни), 2 главы.

Это сочинение представляет собой другое издание Сиюй вэнь цзянь лу, установить дату которого трудно, предисловие датировано тем же 1777 г.

Расположение материала в Синьцзян вай фань цзилё иное, без подразделения на главы; отсутствует оглавление.

Содержание:

Том I. а) Карта Синьцзяна. б) Описание внешних народов: казахов, бурутов, Андижана, Болора, Коканда, Индустана, Кашмира, Бадакшана и др. в) Описание Синьцзяна. Содержание то же, что и в главе I и II Сиюй вэнь цзянь лу.

Том II. а) Путеводитель по новой линии. б) История подчинения тургутов. в) Описание нравов и обычаев жителей Восточного Туркестана. г) Описание мятежей и их подавления: восстания джунгаров, Амурсаны, Бороииду и Хоцзичжана, г. Уша (1765 г.)

Текст Синьцзян вай фань цзилё в некоторых местах незначительно отличается от Сиюй вэнь цзянь лу. Кроме того, в отличие от последнего, в нем имеется пунктуация.

---

[1] Чжунго жэнь мин дацыдянь, стр. 8.

[2] Синьцзян вай фань цзилё, 新疆外藩紀略, предисловие. стр. 2.

[3] Revue Critique d'histoire et de littérature, 34-me année, II, Nouvelle série, 1900, t. L, pp. 343—344.

4. Циньдин Хуан юй сиюй тучжи, 欽定皇輿西域圖志. «Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края с картами», издано при Цяньлуне в 1782 г., 52 главы (цзюаня).

Составлено коллегией из 36 человек во главе с графом (гуном) Фухэн'ом (傅恆).[1] В числе составителей фигурируют: знаменитый Агуй (阿桂) — усмиритель Мяоцзы и Илийского края, Чжао Хуй (兆惠) — командовавший войсками по усмирению Восточного Туркестана, Шухэдэ (舒赫德), принимавший участие в покорении Джунгарии и Восточного Туркестана и впоследствии занимавший пост правителя (Цаньцзаня) в Синьцзяне, и др.

Из предисловия мы узнаем историю составления Сиюй тучжи. В 1757 г. (21-й год правления Цяньлуна) издан императорский указ, которым предписывалось Хэ Го цзу ну (何國宗) и Лю Тун сюню (劉統勳) отправиться в Синьцзян с целью изучения его и составления географического описания, так как прежние исторические и географические описания страдали многими недостатками и ошибками.

В конце 1762 г. — указ о высочайшем просмотре составленного в черновом виде описания, предварительного наброска (Чугао, 初稿).

В 1782 г. предписывалось императором вырезать на досках и включить в Сыку цюаньшу составленное «Географическое описание Западного Края».

Содержание:

Вводные главы (首卷), 1—4, 天章, Тяньчжан, произведения императора. Сюда входят стихи и прозаические сочинения, составленные императором и посвященные различным событиям в Синьцзяне.

Основные главы:

1. 圖考, Тукао, «Карты и исследование» (примечания к ним).

---

[1] У Huart'a ошибочно транскрибируется Tou, вместо Фу. Recueil de documents sur l'Asie Centrale, Paris, 1881, vol. XVI, p. 59.

2. То же. Продолжение.

3. То же. Продолжение.

В эти главы входят карты: всего Западного Края, северной и южной линий, отдельных городов Восточного Туркестана, орографические и гидрографические; карты казахских и киргизских владений, Кокандского ханства, Бадакшана и Афганистана. Всего 33 карты.

4. 列 表, Лебяо. Исторические таблицы наименований городов и стран Западного Края (Сиюй) при различных династиях, начиная с Хань и кончая Минской.

5. То же. Продолжение.

6. 晷 度, Гуйду, градусы по гномону, дистанции, определенные с помощью гномона.

7. То же. Продолжение.

Главы 8—19. 疆 域, Цзян'юй. Описание границ.

Главы 20—23. 山, Шань. Описание гор.

Главы 24—28. 水, Шуй. Описание рек.

Главы 29—30. 官 制, Гуаньчжи, бюрократическая система, военная и гражданская.

Глава 31. 兵 防, Бинфан. Гарнизоны.

Главы 32—33. 屯 政, Туньчжен, военно-пахотные поселения.

Глава 34. 貢 賦, Гунфу, дань и налоги.

Глава 35. 錢 法, Цяньфа. Денежная система.

Глава 36. 學 校, Сиöсяо. Образование, школы.

Главы 37—38. 封 爵, Фын цзиö. Пожалование титулами.

Глава 39. 風 俗, Фын су. Нравы и обычаи.

Глава 40. 音 樂, Иньиö. Музыка, музыкальные инструменты.

Главы 41—42. 服 物, Фуу. Одежда.

Глава 43. 土 產, Ту чань. Произведения земли. Местные произведения.

Главы 44—46. 藩 屬, Фаньшу. Вассальные владения. (казахи, буруты, Кокандское ханство, Бадакшан, Афганистан и др.).

Главы 47—48. 雜錄, Цзалу. Смесь. Письменность, язык, история джунгаров, Восточного Туркестана, генеалогии ханов и ходжей.

Сиюй тучжи составлено не только на основании работ комиссии, изучившей Синьцзян на месте. Для исторических глав аннотируемого памятника в широкой мере использованы династийные истории. Здесь цитируются следующие источники:

1) Ши цзи, 史記, «Исторические записки» Сы Ма цяня.
2) Цянь Хань шу, 前漢書, «Анналы первой Ханьской династии».
3) Хоу Хань Шу, 後漢書, «Анналы позднейшей Ханьской династии».
4) Цзиньшу, 晉書, «Анналы династии Цзинь».
5) Вэйшу, 魏書 «Анналы династии Вэй».
6) Бэйши, 北史, «История северных домов».
7) Суйшу, 隋書, «Анналы (династии) Суй».
8) Таншу, 唐書, «Анналы (династии) Тан».
9) Юаньши, 元史, «История Юаней (монгольской династии)».
10) Миньши, 明史, «История минской династии».

Для изучения социально-экономического строя Синьцзяна XVIII в. (после завоевания манчжурами) наибольший интерес в данном сочинении представляют главы 29—30, 32—33, 34, 35, в которых собраны интереснейшие материалы по аграрным отношениям, денежной системе, государственному аппарату управления и т. д.

Европейские синологи, занимавшиеся Синьцзяном, почти совсем не использовали Сиюй тучжи, несмотря на огромный интерес, представляемый данным источником. Объяснение этому можно видеть в том, что «Географическое описание Западного Края» являлось чрезвычайно редким сочинением в Европе. Так, Ст. Жюльену несмотря на тщательные поиски не удалось приобрести Сиюй тучжи.[1]

[1] По сообщению Huart'a. См. Recueil de documents sur l'Asie Centrale. Vol. XVI, Paris, 1881, Introduction, p. 10.

Если же мы и находим в отдельных работах ссылки на Сиюй тучжи, то при ближайшем рассмотрении окажется, что используются главным образом главы, посвященные географическому описанию, в качестве справочного материала в примечаниях.[1]

Однако, имеются и переводы из Сиюй тучжи. Так, C. Imbault Huart перевел главы 20—23 (天山南路回部所屬諸山), посвященные орографическому описанию Восточного Туркестана,[2] и главы 44—46 — о народах Центральной Азии (казахи, буруты — восточные и западные; кокандское ханство, Бадакшан, Болор, Бухара, Афганистан, Хиндустан и т. д.).[3]

В другой работе того же автора цитируются следующие главы Сиюй тучжи: 9 — географическое описание Восточного Туркестана;[4] 29 — о китайской и туземной администрации в Хами;[5] 34 — о представлении Хамийским джасак-беком подарков императору китайскому;[6] 32 — о создании в Хами военной колонии при Ханьской династии, в 73 г. н. э.;[7] и, наконец, Huart ошибочно ссылается второй раз на главу 32, цитируя небольшой отрывок (в 4 строчки) об освобождении жителей Хами от каких бы то ни было налогов.[8] Надо сказать, что в упоминаемой Юаром главе ничего подобного не говорится, ибо эта глава посвящена военно-пахотным поселениям, а по затронутому вопросу имеется указание в главе 34, стр. 3, причем приведенная Юаром цитата произвольно сокращена и искажена. Если к этому добавить, что ни в одном месте автор не указывает страницу китайского источника, — то можно сделать следующий вывод: Huart

---

[1] C. I. Huart. Histoire de l'insurrection des Tounganes sous le règne de Tao kuang (1820—1828)..., ibid., pp. 3—58.

E. Chavannes. Documents Sur Les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux. Сборник трудов орхонской экспедиции. VI. СПб., 1903. стр. 6—12, 14, 18, 21.

[2] Description orographique du Turkestan chinois traduite du Si Yu-t'ou tche, ibid., pp. 71—112.

[3] Notices sur les peuples de l'Asie Centrale traduite du Si Yu-t'ou tché, ibid., pp. 115—218.

[4] Le Pays de'Hami ou Khamil... pp. 12, 16, 18, 32.

[5] ibid., pp. 24—25.

[6] ibid., p. 26.

[7] ibid., p. 26.

[8] ibid., p. 26.

не только недостаточно использовал Сиюй тучжи — заметим, что им привлекались материалы исключительно о Хами, — но в этой крупице допустил неточность и ошибки.

Библиографические указания о Сиюй тучжи мы находим прежде всего в китайских справочниках; так, в Сыку цюаньшу цзунму ему отводится 3 (двойных) китайских страницы,[1] где излагается история составления «Географического описания Западного Края», подробно освещается содержание его (нами выше приведенное) и указывается, что это сочинение создано с целью исправления ошибок, допущенных в исторических трудах о Западном Крае, и пополнения имеющихся сведений о последнем.[2]

У упоминавшегося нами Юара также дана краткая библиографическая справка о Сиюй тучжи и приводится оглавление, причем указывается, что автор пользовался изданием 1872 г.[3] Это указание дает нам возможность установить, что число изданий Сиюй тучжи доходит, по крайней мере, до четырех. В нашем распоряжении имеются три издания: 1893 г. (19-й год эры Гуансюя) и два, дату которых определить трудно, так как кроме предисловия, где прилагается история первого издания, никаких иных указаний нет. В отличие от издания 1893 г. — два других большого формата.

5. Циньдин вай фань мэнгу хуйбу ван-гун бяочжуань, 欽定外藩蒙古回部王公表傳.

«Биографии инородческих, монгольских и туркестанских князей, составленные по высочайшему предписанию». Издано в 1779 г. 60 книг (бэней), 120 глав (цзюаней).

Согласно императорским указам, опубликованным в 1779 г., работа по составлению биографий монгольских и туркестанских чиновников, получивших княжеские титулы за свои заслуги перед Цинским домом, была поручена государственной истори-

---

[1] Циньдин Сыку цюаньшу цзунму, «Каталог книжного собрания четырех хранилищ», гл. 68, стр. 47—49.

[2] Там же, стр. 49.

[3] Recueil de documents . . . ibid., pp. 59—62.

ческой комиссии (Го ши гуань) и Палате внешних сношений (Ли фань юань).

Кроме экземпляра на китайском языке имеется еще и на манчжурском. В это большое сочинение входят не только биографии, но и описания отдельных джунгарских родов, полунезависимых княжеств туркестанских и других.

Содержание:

Главы 1—16. Таблицы (表, бяо), в количестве 16, как отдельных племен, так и их выдающихся представителей. Из этих глав 14 и 16 посвящены Хами, Турфану и титулованным туркестанским чиновникам, проживавшим в Пекине и в Синьцзяне.

Главы 17—120. Общие описания (Цзунчжуань, 總傳) различных вассальных и полунезависимых княжеств, народов, и биографии (Лечжуань, 列傳) отличившихся чиновников. Из этих глав часть посвящена Джунгарии и Восточному Туркестану.

Так, глава 94 представляет собой биографию (Даваци 綽羅斯和碩親王達瓦齊列傳).

Глава 95. Общее описание рода Дёрботов (杜爾伯特部總傳).

Главы 96—99. — Биографии отдельных джасаков-тайцзи, бэйлэ, гунов и цзюнь-ванов из рода Дёрботов. Всего 14 биографий.

Глава 100. Биографии тайши (тайцзи) из рода Хойтов, всего 2 биографии.

Глава 101. Общее описание тургутов.

Главы 102—105. Биографии джасаков-тайцзи, бэйлэ, гунов и цзюнь-ванов тургутских. Всего 13 биографий.

Глава 106. Общее описание Хошотов (和碩特部總傳).

Глава 107. Биографии Хошотских тайцзи. Всего 4 биографии.

Глава 108. Общее описание Хами.

Глава 109. Биография Хамийского джасака Абдуллы (Убейдуллы?) (札薩克一等達爾漢額貝都拉列傳).

Глава 110. Общее описание Турфана.

Глава 111. 3 биографии турфаньских правителей; среди них биографии известного Цзюньвана Эминь Хочжи (札薩克多羅君王額敏和卓列傳).

Главы 112—120. Биографии отдельных Хошотских, Элеутских и туркестанских тайцзи, бэйлэ, гунов и цзюньванов. Всего 21 биография. Среди них биографии известных Ходиса (君王品級多羅貝勒霍集斯列傳), глава 116, и Авдея (Одуя, 原封貝勒品級固山貝子鄂對列傳), глава 118.

Надо отметить, что некоторые биографии, помещенные в аннотируемом сборнике, вошли в другие китайские сочинения. Так, биографии Эминь Хочжи, Абдулы, описание Хами вошли в Хуйцзян тунчжи, 回疆通志. «Общее описание мусульманских границ»; и в Европе были использованы Юаром, который дал перевод биографии Абдуллы и истории Хами.[1]

6. Дайцин и тунчжи, 大清一統志. «Всеобщая география Цинской империи».

Год издания не указан, но во всяком случае издано после 1784 г., так как в отделе фаньли (凡例) упоминается 49 г. Цяньлуна (1784).

Вместо предисловия приложен императорский указ конца 1764 г., предписывающий приступить к составлению второго издания, в которое должно было войти описание вновь завоеванных стран за 20-летний период после первого издания (1744—1764).

Там же предлагается использовать имеющееся описание Западного Края — Сиюй тучжи.

Следовательно, описание Синьцзяна по Дайцин и тунчжи не представляет собой ничего нового и является, по существу, экстрактом из Сиюй тучжи.

В Европе были известны три издания Дай Цин и тунчжи. Первое 1743 г., состоящее из 354 глав, второе — из 424 глав

[1] C. Imbault Huart. Le Pays de Hami... pp. 40—72.

и третье из 500 глав.[1] Издание, которым пользовались мы состоит из 104 книг (бэней), 424 глав (цзюаней).

Синьцзяну посвящены главы 414—419, где дается описание каждого округа по следующим разделам: а) история района, время его возникновения; б) географическое расположение; в) входящие в состав района города; г) численность населения; д) земельные налоги, иногда указывается с какой площади взимается налог, — данные приводятся суммарные по округу; е) почтовые станции; ж) горы и реки; з) историческая справка о древних народах, населявших территорию данного округа; и) местные произведения.

Материалы «Всеобщей географии» по Синьцзяну были частично использованы Ст. Жюльеном для географического описания Илийской области в статье «Notices sur les pays et les peuples étrangers tirées des géographes et des historiens chinois[2]

Библиографические указания о Дай Цин и тунчжи даны у Wylie, Courant'a и у Esson Gale.[3]

7. Сун Юнь, 松筠, Сичуй цзунтун шилё, 西陲總統事畧, «Общее обозрение Западного Края». 1808 г. 6 книг (бэней), 12 глав (цзюаней) — автор бывший наместник Илийского края. Содержание тоже, что и Циньдин Синьцзян шилё (см. № 9).

8. Циньдин Хуйцзян цзэли, 欽定回疆則例.

«Высочайше утвержденные постановления о мусульманских границах (Туркестане)» или «Уложение Восточного Туркестана». Издание 1814 г. 4 книги (бэни).

---

[1] Об этом сообщает St. Julien в Journal Asiatique, 4-me Série, 1846, t. VIII, p. 228.

[2] Journal Asiatique, ibid., pp. 228—252, 385—445. В этой статье используются также данные Циньдин Синьцзян шилё, об этом см. ниже. Переводы из Дай Цин и тунчжи помещены на стр. 387—404, 404—416, 421—442.

[3] Wylie, A. Notes on Chinese literature. P. 35 — говорит об издании, включающем 500 глав. Maurice Courant — Catalogue ... P. 92, № 1441—1494. Esson Gale, Journal of the North China Branch ..., ibid., p. 117.

Составлены комиссией палаты внешних сношений (Ли фань юань) из 35 человек. В числе составителей фигурирует Илийский наместник Сун Юнь.

В Хуйцзян цзэли всего вошло 88 различных статей—постановлений о Восточном Туркестане, изданных с 1760 по 1814 гг.

Содержание статей разнообразное. Преобладающее число постановлений касается Туркестанского чиновничества. Ему посвящены первая, вторая и часть третьей книги (35 статей). Здесь идет речь об оплате чиновников, о пожалованиях почетных титулов и наследовании последних, о правилах занятия вакантных должностей, о выполняемых функциях различными беками. В третьей и четвертой книгах собраны статьи о денежной системе, выплавке монеты, о туркестанских мерах и их соотношении с китайскими, о торговых пошлинах, о торговле за пределами Восточного Туркестана, о конфискации земель прежних владетелей ходжей, о распределении среди беков крепостных янци и т. д.

Никакой системы в распределении статей нет. Постановления одинакового содержания разбросаны по всем книгам, точно также не выдержан до конца хронологический порядок. Поиски нужной статьи затрудняются еще тем, что отсутствует деление на главы (цзюани), и поэтому наличие оглавления почти ничего не дает.

Разнообразие тематики вошедших в Хуйцзян цзэли постановлений, естественно, должно привлекать внимание исследователей общественных отношений в Восточном Туркестане тем более, что здесь мы подчас находим весьма ценные указания по аграрному вопросу, являющемуся основным стержнем феодальных отношений. В европейских библиографических справочниках мы не находим оценки аннотируемого сборника, точно также нам не известны работы, где бы были использованы, хотя бы частично, помещенные статьи Уложения.

9. Циньдин Синьцзян шилё, 欽定新疆識畧, «Описание Синьцзяна, составленное по Высочайшему предписанию». Изд. 1821 г. (дата предисловия), 2 больших тома, 12 глав (цзюаней).

Фактически автором этого сочинения является Сун Юнь — чиновник монгольского происхождения, достигший в период царствования Цзяцина (1796—1819) звания Дасиöши (советника) из Уиндянь (武英殿大學士). Им написаны, по сообщению китайского справочника, три работы, в том числе и «Описание Илийского Края».[1]

Под этим «описанием», о котором говорит китайский биографический словарь, надо иметь в виду Сичуй цзунтун шилё (см. № 7) или Циньдин Синьцзян шилё, так как эти два сочинения тождественны и в основном посвящены Илийской области: различие заключается в ином расположении глав и в незначительном изменении текста.

Об авторстве Сун Юня мы узнаем также из приложенного к аннотируемому источнику предисловия императора, царствовавшего под именем Даогуана.

Предисловие датировано 1821 г. и в этом году, повидимому, издано данное сочинение. В подготовке к изданию этого памятника принимала участие коллегия из 45 человек под председательством князя (циньвана) Жуя (瑞) и члена императорского дома (宗室) Си Эня, 禧恩, — президента Дворцового Совета, Нэй у фу (內務府).

Содержание:

Вводная глава (цзюань шоу) состоит из стихов императора, посвященных покорению Восточного Туркестана.

Основные главы:

Глава 1. Синьцзян цзунту, 新疆總圖. Общая карта Синьцзяна с историческо-географическими объяснениями. Синьцзян шуйдао цзунсюй, 新疆水道總敘 — гидрография Синь-цзяна.

Глава 2. Бэйлу юйту, 北路輿圖. География Северной линии, т. е. страны, находящейся на север от Тянышана — Джунгарии.

---

[1] Чжунго жэнь мин дацыдянь, стр. 580. Здесь указывается, что кисти Сун Юня принадлежит «Общее описание Илийского края», Или цзунтун шилё, 伊犁總統事略.

Здесь приводятся древние названия городов Северной линии. Дается очерк усмирения Джунгарии, приводятся данные о гарнизонах, военных поселениях (главным образом о численности солдат-землепашцев и размерах обрабатываемой ими площади) — по городам: Урумчи, Куркараусу, Тарбагатаю, Баркулю и Гучэну.

Глава 3. Наньлу юйгу, 南路輿圖. География южной линии, т. е. страны, находящейся на юг от Тяньшана — собственно Восточного Туркестана.

Сюда входит описание завоевания Кашгарии. Приложена карта последней, приводятся древние названия городов. Затем следуют те же данные, что и в предыдущей главе, по городам: Кашгару, Янги-хиссару, Яркенду, Хотану, Аксу, Байчэну (или Пайчэну), Куча, Карашару, Бугюру, Турфану и Хами.

Глава 4. Или юйту, 伊犁輿圖. География Илийской области.

Глава 5. Гуаньчжи бин'э, 官制兵額. Численность войск, военная и гражданская администрация, в том числе и туркестанская, по городам Илийской области. На стр. 36—47 приводится интересная поименная таблица различных должностных лиц, служивших в Илийской области в период 1762—1815 гг.

Глава 6. Тунь у, 屯務. Военные поселения китайских, монгольских и манчжурских солдат, туркестанские и частные поселения торговцев.

Глава 7. Ин у, 營務. Описание гарнизонов, установленных в Джунгарии, численность войск в дивизиях китайской, манчжурской, элеутской, арсеналы и т. д.

Глава 8. Кучу, 庫儲. Казначейство и интенданство.

Сведения о поступлении и расходе продовольствия, фуража и т. д.

Глава 9. Цайфу, 財賦. Финансы. Денежная система. Добыча меди, олова, железа. Оплата рабочих свинцово-медных рудников. Налоги с лавок, разные сборы (со скота, с садов) в Илийской области.

Глава 10. Чан у, 廠務. Конские заводы, скотоводство. Товарообмен с казахами.

Глава 11. Бяньвэй, 邊 衛. Таможенные заставы и пограничные посты.

Глава 12. Вай и, 外 裔. Внешние народы (пограничные). Казахи и киргизы. Родословная их ханов. Кипчаки и др.

Наиболее ценный и оригинальный материал, который не представлен в других китайских сочинениях, сосредоточен в главах 6, 7, 9, и 10, составленных на основании документов — донесений чиновников и императорских указов.

Глава 6 дает богатейший материал для изучения аграрных отношений в Илийском крае, причем в отличие от всех выше перечисленных источников здесь приводятся не только цифровые данные по земельному налогу и, частично, по посевной площади, но дается подробное описание форм землевладения.

В Европе Циньдин Синьцзян шилё пользовалось заслуженным успехом. Использование его европейскими синологами, однако, ограничивалось географической и частично исторической частями. Совершенно неиспользованными остались экономические главы.

Иакинф использовал Циньдин Синьцзян шилё для изложения истории джунгарских ханов от Цэван-Рабтана до Амурсаны. Кроме того Иакинфом извлечены оттуда статистические сведения об ойратском населении и некоторые цифровые данные по Джунгарии.[1]

Неоднократно упоминавшийся нами Юар в цитированных здесь работах использовал в небольшой мере главу 3 для описания Хами, и для отдельных географических справок главу 1.

Кроме того, им же переведена историческая часть 3-й главы о завоевании Туркестана.[2]

---

[1] а) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, стр. 89—126, 135 и др. б) Статистическое описание Чжунгарии в нынешнем ее состоянии. С китайского. РВ. 1841, IV, 9, стр. 614—636.

[2] C. I. Huart. Recit officiel de la conquête du Turkestan par les chinois (1758—1760). Bulletin, Géogr. historique et descriptive. Année 1895, № 1, pp. 87—144. К сожалению мы не могли найти указанную работу Huart'a и поэтому не в состоянии дать ей оценку.

St. Julien перевел из «Описания Синьцзяна» отделы о пределах Новой линии (Limites de la nouvelle frontière), о реках и озерах, о численности войск — из глав 1 и 4.[1]

В европейских справочных пособиях упоминание о Циньдин Синьцзян шилё встречается в «Каталоге китайских книг» Courant'a.[2]

10. Циньдин Хубу цзэли, 欽定戶部則例.

«Высочайше утвержденные установления Министерства Финансов». Издание 11-го года правления Даогуана (1831 г.), 72 книги (бэни), 99 глав (цзюаней).

Статьи о Синьцзяне разбросаны по разным главам; не считая нужным приводить оглавление полностью, мы укажем на главы, где больше всего сосредоточено материала о Западном Китае.

Глава 4. О поселении на месте жительства бродячего населения.

Глава 6. О земельном налоге.

Глава 7. То же. Продолжение.

Глава 15. Житницы, казенные амбары.

Глава 17. То же. Продолжение.

Глава 73. О жалованьи чиновникам.

Глава 75. То же. Продолжение.

В основном данные Хубу цзэли относятся к 20-м годам XIX в., но некоторые из них применимы и к концу XVIII столетия. Пользоваться Хубу цзэли весьма трудно, так как никаких указателей со ссылками на страницы нет.

11. На Вэнь и гун чоухуа Хуйцзян шань хоу шии цзоуи, 那文毅公籌畫回疆善後事宜奏議. «Доклады На Вэнь и гуна (На Янь чэна) о мероприятиях после усмирения Туркестана». Собраны и составлены сыном На Янь чэна Жун Анем (容安). 1834 г., 80 глав (цзюаней).

---

[1] Journal Asiatique, 4-me série, 1846, t. VIII, pp. 233—252, 385—386, 404, 416—421, 442—445.

[2] M. Courant. Catalogue . ., p. 109, № 1826—1829.

Хотя доклады На Янь чэна — внука знаменитого Агуя, принимавшего участие в усмирении Илийского края в эпоху Цяньлуна, — посвящены восстанию Джангира и мероприятиям, связанным с подавлением этого восстания и умиротворением еще долгое время бушевавшей страны, и, следовательно, относятся к первой половине царствования Даогуана (1821—1833), — мы встречаем здесь указания, которые относятся к более раннему времени — именно к эпохе Цзяцина и даже Цяньлуна.

Правда, таких указаний немного, но они все же обязывают нас поместить «Доклады» в нашей работе в качестве источника для изучения Синьцзяна XVIII в.

Нет необходимости давать здесь все оглавление «Докладов», так как Синьцзяну посвящена незначительная часть их. Мы приведем краткий экстракт содержания докладов о Восточном Туркестане.

Глава (цз.) 22. О монголах и туркестанцах Западного Края. Доклады 1810 г.

Глава 59. О запрещении в Синьцзяне частной торговли чаем. Доклады и указы 1822—1825 гг., стр. 7—16.

Глава 68. О военных приготовлениях. Доклады и указы 1825—1830 гг., стр. 43—56.

Главы 73—80. Целиком посвящены Синьцзяну. Здесь приводятся доклады и указы на различные темы: о расходах в Западном Крае, о земельном налоге (глава 76; много данных, относящихся к эпохе Цяньлуна), о реформах денежной системы, о налоге на чай, о назначении беков, об уничтожении остатков повстанцев, об усилении пограничных военных постов, об установлении правил торговли с заграницей и т. д.

12. Вэй Юань, 委源, Шэн у цзи, 聖武記, «История императорских войн», т. е. войн Цинской династии. 1842 г., 14 глав (цзюаней).

Автор Вэй Юань, родом из уезда Шаоян (邵陽), в провинции Хунань, занимал пост секретаря Государственного Совета (Нэйгэ чжуншу шэ жэнь, 內閣中書舍人). Вэй Юань

являлся одним из известных китайских историков, его кисти принадлежат 11 многотомных трудов.[1]

Предисловие датировано 22-м годом Даогуана, т. е. 1842. Шэн у цзи неоднократно переиздавалась.

Содержание:

Глава 1. Завоевание Китая манчжурами.

Глава 2. Усмирение Усаньгуя и других князей (Саньфань).

Глава 3. Подчинение монголов при Канси, походы против джунгаров в эпоху Канси и Юнчжэна.

Глава 4. Усмирение джунгаров и туркестанцев при Цяньлуне. Подавление восстания в Туркестане при Даогуане.

Глава 5. Усмирение Тибета при Цинах. Завоевание Непала.

Глава 6. Подчинение Кореи при Канси. Войны с Бирмой и Аннамом при Цяньлуне.

Глава 7. Походы против Мяо цзы, усмирение восстания мусульман в Ганьсу и др.

Глава 8. Походы против Формозы и Кукунора при Канси и Цяньлуне.

Главы 9—10. Описание различных восстаний во внутреннем Китае и их усмирение в период царствования Цзяцина.

Главы 11—14. Об армии, ее снабжении.

В данном сочинении китайского историка нас больше интересует глава 4, посвященная описанию завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана в XVIII в. Эта глава состоит из 5 частей.

1) Усмирение джунгаров императором Цяньлуном.

2) Усмирение Туркестана (Кашгарии) при Цяньлуне.

3) Приведение в покорность при Цяньлуне вассальных владений на Западе (пограничных с Синьцзяном).

4) О последующих событиях в Синьцзяне после его присоединения к Китаю Цяньлуном.

5) Вторичное усмирение Туркестана при Даогуане.

---

[1] Чжунго жэнь мин да цыдянь, стр. 1741. Revue de l'extrême Orient, 1883, t. I, pp. 572—573.

Часть 5 — история усмирения восстания Джангира — относится к более позднему времени — 30-м годам XIX в.

Вэй Юань подробно сообщает о подготовке к походам в Джунгарию и Кашгарию, излагает историю этих походов, детально описывает сражения манчжурских войск с джунгарами и туркестанцами, а затем сообщает данные о мероприятиях цинского правительства в Синьцзяне, проведенных с целью удержания под своей властью вновь завоеванной страны.

Шэн у цзи не является первоисточником для изучения Синьцзяна. Это — историческое исследование, где материал систематизирован и сделаны соответствующие выводы, но где подчас отсутствует многое из того, что мы находим в приведенных выше источниках. В частности, в Шэн у цзи нет развернутой картины эксплоатации туркестанского крестьянства, отсутствуют подробные статистические и экономические данные. Но с другой стороны — здесь полнее, чем где бы то ни было, представлены факты исторические и хроника событий.

В Европе «История войн Цинской династии» пользовалась большим успехом. Об этом свидетельствует тот факт, что, за исключением 4-й главы и то не всей, остальные 13 глав более или менее полно использованы и переведены различными авторами, среди которых фигурируют: C. Imbault Huart, J. Ross, E. H. Parker, A. Wylie, G. Dévéria, M. Jametel, Rockhill, M. Courant, В. П. Васильев.

Из 4-й главы переведена последняя (5-я) часть, относящаяся к восстанию Джангира[1] и часть вторая, посвященная завоеванию Восточного Туркестана манчжурами.[2]

Библиографические указания о Шэн у цзи, очень краткие, встречаем у Wylie,[3] Courant'a.[4] Подробная рецензия на Шэн

---

[1] C. I. Huart. Histoire de l'insurrection de Tounganes sous le règne de Tao kuang (1820—1828).

[2] Capitaine Lepage. Soumission des tribus musulmanes du Turkestan par la Chine 1757—1759. Mission D'Ollone 1906—1909. Recherches sur les musulmans chinois, Paris, 1911, pp. 321—351.

[3] Notes on chinese literature, p. 23.

[4] Catalogue de livres chinois, p. 40, № 721—722.

у цзи написана Юаром, который дал несколько переводов из этого сочинения.[1] Ему же принадлежит статья о жизни и трудах Вэй Юаня.[2] О Шэн у цзи и о переводах отдельных частей этого сочинения, а также о других работах Вэй Юаня сообщает Maurice Jametel в предисловии к переводу главы о покорении Тибета из «Истории войн Цинской династии».[3]

13. Дун хуа сюйлу, 東華續錄, «Продолжение хроники маньчжурской династии» (Хроника маньчжурской династии с дополнениями). Предисловие датировано 1884 г. (10-й год Гуансюя), 60 книг (бэней), 120 глав (цзюаней). Составитель Ван Сянь цянь (王先謙).

В первую часть без дополнений (Дун хуа лу) входят 45 глав, охватывающих три периода: Шуньчжи (1644—1661), Канси (1662—1722) и Юнчжэна (1723—1735).

Дополнения (Сюйлу) состоят из 75 глав и посвящены эпохам Цяньлуна (1736—1795), Цзяцина (1796—1820) и Даогуана (1821—1850).

Дун хуа лу не историческое описание в обычном смысле, это, с одной стороны, скорее свод документов по различным вопросам, освещающим историю, экономику, политику, а с другой стороны — хроника событий. Здесь собраны доклады, донесения чиновников и императорские указы, которые являются или ответом на первые или изданы независимо от них. Кроме того, в этом сборнике мы найдем запись о более или менее значительных событиях; одним словом здесь дана ежедневная хроника.

Весь материал в «Хронике» расположен по годам, месяцам и дням. В Дун хуа сюйлу мы находим интереснейшие материалы по Синьцзяну занимающего нас периода, но поиски их затруд-

---

[1] Journal Asiatique, Septième Série, 1878, t. XI, pp. 135—139, предисловие Huart'a к его переводу из Шэн у цзи главы о войнах с Бирмой при Цяньлуне.

[2] Notice sur la vie et les oeuvres de Oueï-yan, par C. Imbault Huart, Journal Asiatique, août — septembre 1881, pp. 263—267.

[3] Histoire de la pasification du Tibet sous le règne de l'empereur Kien-long; traduite du chinois, par M. Jametel. Revue de l'extreme orient, 1883, t. I, pp. 572—595.

няются отсутствием какого-либо указателя; — приходится просматривать страницу за страницей, день за днем из многолетнего царствования Цяньлуна, чтобы найти необходимые данные.

Наиболее полноценными частями «Хроники» для изучения Синьцзяна в первый период его освоения маньчжурами являются главы 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22, охватывающие период 1757—1766 гг., т. е. первое десятилетие после завоевания страны. Здесь помещены интересные материалы об усмирении восстания двух ходжей, о создании аппарата государственного управления в Синьцзяне, об определении прав и функций беков, об установлении различных налогов, о награждении туркестанских чиновников, оказавших большие услуги Цинам при завоевании страны, о финансовой и аграрной политике Цинского правительства в Синьцзяне и т. д.

Здесь мы находим донесения знаменитого Чжао Хуй'я — покорителя Восточного Туркестана, его помощника Фу Дэ, Шухэдэ и других крупных цинских сатрапов.

Одно из этих донесений Чжао Хуй'я переведено миссионерами XVIII в. — Amiot,[1] Mailla,[2] но их переводы во первых неточны, в особенности у последнего, а во вторых неполны (это касается главным образом Mailla), что объясняется, повидимому, использованием документов в сокращенном, урезанном виде составителями сборников, откуда их извлекли переводчики.

В Дун хуа сюйлу эти документы помещены в более полном виде, чем где бы то ни было, за исключением разве столичной газеты, Цзин бао, публиковавшей их.

Материалы Дун хуа сюйлу были широко использованы M. Courant'ом для освещения истории ойратов, их борьбы с Цинской империей и истории войн маньчжуров с ходжами Восточного Туркестана.[3]

[1] Lettres édifiantes et curieuses écrites des missions étrangères 1819, t. XIII, pp. 238—243.

[2] Histoire Générale de la Chine, ou Annales de cet empire, traduites du Tongkien kang mou, par le feu Père Joseph Anne Marie de Moyriac de Mailla... Paris, 1780, t. XI, pp. 568—571.

[3] Maurice Courant. L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? Lyon — Paris, 1912, pp. 1—151.

Библиографические указания о Дун хуа сюйлу во многих изданиях имеются у Courant'a;[1] об издании с двумя дополнениями, посвященными эпохе Гуансюя, у Esson Gale'a[2]. Надо отметить, что последний автор дает чрезвычайно краткую и страдающую большими погрешностями аннотацию, не указывая точного количества глав, даты издания.

14. Ван Си ци, 王錫祺, Сяо фан ху чжай юйди цунчао, 小方壺齋輿地叢鈔 «Географический изборник кабинета Сяо фан ху».

Издание 1877 г., 12 томов, 64 главы, 5293 стр. (двойных — китайских). Составитель Ван Си ци, по прозванию Шоу Сюань, 壽萱, родом из Цинхэ, в провинции Цзянсу. Географ — по своим научным интересам.[3]

Составленный им сборник получил свое заглавие по кабинету автора, называвшемуся Сяо фан ху чжай.

Весь сборник охватывает 1200 фрагментов из различных сочинений. Синьцзяну посвящены всего 2 главы — 7 и 8, состоящие из 180 двойных страниц, куда входят 27 фрагментов по Синьцзяну и 19 по Монголии и Кукунору.

Для Восточного Туркестана составителем использованы авторы XVII, XVIII и XIX вв. Здесь представлены экстракты из Шэн у цзи, в основном из глав 3 и 4, посвященных походам против джунгаров во времена Канси и Цяньлуна; из Сиюй вэнь цзянь лу, главы 1 и 7; из Циньдин Синьцзян шилё, глава 6, и из многих других менее известных сочинений, главным образом, из частных описаний путешествий по Синьцзяну. Заметим, что ни в одном случае составитель не указывает названия сочинения, не говоря уже о главе или страницах, откуда им приводится фрагмент, помещая лишь фамилию автора.

В основном материал, вошедший в отмеченные выше главы, географического порядка, но встречаются фрагменты, посвященные истории, быту и экономическим условиям.

---

[1] Catalogue . . , pp. 27—28.

[2] Journal of the North China Branch . . . 1933, vol. LXIV, p. 113.

[3] Чжунго жэнь мин дацыдянь, стр. 152.

Во всяком случае, помещенные в аннотируемом сборнике данные являются весьма ценным добавлением к материалам всех остальных, приводившихся в нашей работе, источников. Упоминание о «географическом изборнике» имеется у Esson Gale'a, им приводится название и отмечается неофициальный характер издания сборника.[1]

15. Ван Тун лин, 王桐齡, Чжунго ши, 中國史 «История Китая». Chinese History of different dynasties for colleges and universities. Издание Бэйпин вэньхуа сюшэ, 1931 г., т. 4, стр. 430.

Синьцзяну посвящены отделы (章), 13, стр. 145—164, и 14, стр. 165—179. В 13-й отдел вошли описания походов на запад в царствование Юнчжэна, краткое изложение внутренней борьбы у джунгаров, завоевания Илийской области (Джунгарии) и последующего за этим мятежа Амурсаны. 14-й отдел посвящен стране на юг от Тяньшана, т. е. Кашгарии. Здесь дано географическое и историческое описание отдельных районов, распространение магометанства, образование государства ходжей. Кратко излагается восстание ходжей Борониду и Хоцзичжана (170—171 стр.) в г. Уше, Джангира (1820—1828 гг.), Юсуфа (1830—1831 гг.) и 7 ходжей (1847 г.).

Для исследователя, работающего над источниками, книга Ван Тун лина ничего не дает; это рядовой учебник, кратко сообщающий об исторических событиях без попытки анализировать их. Из того, что каждому событию, требующему специального исследования, уделяется 1—2 страницы, можно судить о неполноценности сообщаемых данных.

Единственно, что представляет некоторый интерес в аннотируемой книге — это таблицы, помещенные после каждого отдела.

Таких таблиц в указанных двух отделах — 8, а именно:

1) Генеалогия джунгаров, стр. 155.

2) Генеалогия хошотских ханов, стр. 156.

---

[1] Journal of North China Branch . . ., ibid., p. 112.

3) Хроника событий, связанных с борьбой Цинов с джунгарами, стр. 157.

4) Генеалогия тургутов, стр. 162.

5) Сравнительная таблица названий округов Восточного Туркестана в различные эпохи, стр. 167.

6) Таблица распределения владений в Синьцзяне в начале цинской эпохи, во времена Шуньчжи, Канси и Юнчжэна, стр. 170.

7) Генеалогия ходжей, стр. 178.

8) Хроника восстаний в Восточном Туркестане, стр. 179.

В конце 15 отдела (стр. 181—186), посвященного пограничным с Синьцзяном владениям, зависимым от Китая, приложена интересная сводная таблица подвластных Китаю владений в Западном Крае в эпохи Хань, Вэй, Суй, Тан, Сун, Юань, Мин и Цин.

Надо отметить, что и эти таблицы далеко не полны и местами неверны; так напр., в таблице № 8 (по нашей номенклатуре) руководство Ушским восстанием (1765 г.) приписывается Джангиру, в то время как последний выступил на историческую сцену лишь через 55 лет.

При составлении глав, посвященных Восточному Туркестану, автор использовал, главным образом, Шэн у цзи, Сяо тин сюнлу (瞲亭雄錄) и учебник по истории Китая — Чжунго лиши цзяо кэшу (中國歷史教科書).

Глава II

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

60-е годы XVIII в. отмечены крупными событиями в Китае, на его западных границах, событиями, отразившимися на судьбах двух больших государств — Джунгарского ханства и теократического государства в Восточном Туркестане, и всей Средней Азии. Этими событиями явились — поступательное движение армий цинской монархии и разгром когда-то могущественного государства Ойратского, захват Кашгарии, вступление на территорию Средней Орды (1760 г.) казахской, угроза Кокандскому ханству.

В тесной связи с этими событиями стоят укрепление позиций Цинской феодальной империи на ее крайних западных границах и освоение завоеванных стран в политическом и экономическом отношениях.

Поскольку последним вопросам — экономическому освоению завоеванных стран — Джунгарии и Кашгарии — в значительной степени посвящена моя работа, я не могу не осветить отмеченные выше события, причины, их породившие, и условия, предшествовавшие и подготовившие почву для них. Оговорюсь, что я в данном введении не беру на себя задачу дать историческое исследование — эта почетная задача требует особой работы, — а лишь стремлюсь кратко ответить на поставленные вопросы, чтобы подвести читателя к периоду «мирного» проникновения манчжуров во все поры хозяйственной и политической жизни Восточного Туркестана, которому посвящена моя работа.

Первый вопрос, который мы должны себе поставить, задавшись целью осветить движение манчжуро-китайцев на запад, —

это вопрос о причинах экспансии цинского феодализма, о причинах завоевания новых стран, именно Джунгарии и Кашгарии.

Если мы обратимся к китайским источникам, то увидим, что все они одинаково отвечают на поставленный нами вопрос: война с джунгарами вызвана набегами последних на границы Китая. Чтобы не быть голословным, я процитирую два источника. Один из них, останавливаясь на борьбе императора Канси с джунгарами, указывает, что эта борьба велась из-за Халхи.

«Канси считал Халху нашей окраиной. Если ее не защитить, чтобы предоставить возможность спокойно пасти скот в пограничных с Монголией районах, то это вредно отразится на жизни Монголии... И вот решил отправить войска».[1]

Второй источник — императорский указ, опубликованный Цяньлуном в 1762 г.[2] в связи с завершением военных действий в Туркестане, составленный в тоне восхваления доблести манчжурского оружия. В этом указе также отмечается, что военные походы императоров Канси, Юнчжана и Цяньлуна вызывались частыми нападениями ойратов на Халху и Тибет.

«В прежние времена джунгары не жили в мире, грабя и притесняя монголов. Со времен Галдана джунгары устраивали набеги, вторгались в Халху и Тибет. Вследствие этого мой дед и отец (Канси и Юнчжэн. *Л. Д.*), не жалея средств, в течение нескольких десятков лет неоднократно посылали войска на усмирение их (джунгаров). Тревожась, я полагал, что (в силу) дикости их трудно умиротворить. Они любили драться и грабить друг друга, порождая внутренние беспорядки и истребляя друг друга.

Когда Черэны[3] со своими подданными подчинились нам, я (Цяньлун), использовав этот случай, специально отобрал и

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 2, стр. 5v.

[2] 27-й год правления Цяньлуна, 5-ая вставная луна, 6-й день, что соответствует 27 VI—1762 г.

[3] 車凌, Чэлин, речь идет, повидимому, о трех тайши из рода Дёрботов, перешедших на сторону Китая с 3000 семейств своих подданных в период борьбы между Амурсаной и Даваци, в 1754—1755 гг. Об этом сообщает Вэй-Юань. См. ШУЦз., гл. 4, стр. 2 .

послал войска для уничтожения закоренелых мятежников... Армия наша обладала несокрушимой силой.[1] И не прошло одного-двух лет, как мятеж был подавлен и границы умиротворены. Желал мирным путем управлять этим народом (джунгарами), предоставив им спокойную жизнь. Однако, им не суждено было добиться этого счастья и судьба обрекла их на гибель. Они вновь возмутились. Поэтому снова послал особую армию для уничтожения их и усмирения Или...»[2]

Западноевропейскими публицистами и исследователями также неоднократно ставился этот вопрос, но их ответ не может удовлетворить нас.

Англичанин Бульджер, в статье, посвященной вопросу о позициях Китая в Средней Азии в середине XIX столетия, возвращаясь к политике императора Канси (1662—1722) в отношении среднеазиатских владений, пытается так обосновать военные походы Канси на запад против Джунгарии:

«В теории император еще сохранял свое право на супрематию над татарскими (?) князьями Джунгарии и Туркестана. Манчжуры обосновали эту теорию двумя правами. Они (манчжуры. *Л. Д.*) были императорами Китая и, следовательно, наследниками стремлений (претензий) великих Сунской и Танской династий. Они были также манчжурами, в известной степени представителями монголов и также традиций великих монгольских завоевателей».[3]

Мне кажется, что были причины более осязательные, чем стремление к поддержанию традиций. Точно также неудовлетворительным представляется, на мой взгляд, объяснение Бульджером воинственной политики Цяньлуна (1736—1795). Бульджер указывает на два момента: 1) личные побуждения Цяньлуна быть достойным подражателем Канси и 2) постоянные беспорядки

---

[1] 大兵所至勢如破竹, Сила армии уподобилась ломающей бамбук силе.

[2] ДХСЛ, гл. 20, стр. 6ᵛ—7ʳ.

[3] Demetrius C. Boulger. Central Asian Questions. Essays on Afghanistan, China, and Central Asia. London, 1885, p. 211.

на западных границах, желание в корне уничтожить опасность, идущую из Средней Азии.[1]

Другие авторы отмечают, что угроза нападения кочевников на Китай вызывала ответные меры со стороны цинского правительства. Этой точки зрения придерживается, напр., Абель Ремюза, указывающий, что в связи с угрозой выступления джунгаров Канси должен был принять предупредительные меры.[2] Таким образом, по мнению Ремюза, Китай оборонялся от кочевников. С другой стороны, Ремюза замечает, что причина распространения влияния Китая на Туркестан заключалась в беспокойном образе жизни туркестанского населения, именно — частые войны ослабляли кочевников и давали Китаю новые территории.[3] В этом замечании есть доля истины, как это будет показано дальше на исторических фактах.

Французский миссионер XVIII в. Амио полагает, что стремление Цяньлуна завоевать Восточный Туркестан и превратить его в китайскую провинцию объясняется непокорностью ходжей, управлявших страной (Восточным Туркестаном), тем, что они помогали восставшему против Цинов в 1755 г. джунгарскому хану Амурсане и «часто устраивали китайским войскам ловушки, от которых не всегда можно было избавиться».[4]

Таким образом, высказывания европейских авторов совпадают с официальной китайской версией. Надо отметить, что приведенные объяснения причин завоевания стран на западных границах Китая страдают односторонностью. Они (объяснения) совершенно не вскрывают внутренних причин движения на запад, игнорируя силы действующие внутри Цинской феодальной империи — развитие феодальных отношений, потребности феодальной экономики Китая того времени.

С другой стороны и внешние факторы — нападения кочевников и необходимость укрепления западных границ — осве-

---

[1] Ibid., pp. 214—215.

[2] Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale, par. M. Abel Remusat. Paris, 1825, p. 66.

[3] Ibid., pp. 65—66.

[4] Lettres édifiantes et curieuses... Lyon, 1819, t. 13, p. 236.

щены недостаточно полно цитированными авторами и источниками.

Военные походы Цинской империи в значительной мере обусловлены внутренними противоречиями феодальных отношений той эпохи. Если взять XVIII век — период расцвета завоевательной политики Цинов, то он внутри империи характеризуется дальнейшим обострением классовых противоречий, подготовкой к новому кризису феодальных отношений, периодически повторяющемуся на протяжении всей истории развития феодальной формации в Китае.

Приход к власти манчжуров повлек за собой дальнейшую концентрацию земельной собственности и экспроприацию крестьянства несмотря на ограничительные меры, предпринимавшиеся Цинской династией. Процесс обезземеливания и обнищания крестьянских масс не мог быть заторможен предоставлением пустующих земель, кстати мало доступных населению благодаря вымогательствам чиновников.[1] Кроме того, разлагающим образом на производительные силы действовала военная организация страны — подчинение всего хозяйства обслуживанию армии и разбухшей феодально-бюрократической системы. Огромный военный и гражданский аппарат, кормившийся за счет крестьянства, давил на экономику, обостряя классовые противоречия. Если к этому добавить, что на этой почве выросло ростовщичество, усилившее эксплоатацию крестьянства, станет понятным нарождение нового кризиса, первым проявлением которого явились восстания национальных меньшинств — Цзиньчуаньских тусы — в 1731, 1747 гг.; восстания мяо в провинциях Хунань и Гуанси в 1740 г. С особой силой кризис феодальных отношений проявляется в конце XVIII в., когда вспыхивает крестьянская война.[2]

В свете этих фактов, мне кажется, что военная экспансия Цинской династии, территориальное расширение ее владений

---

[1] Mabel Ping Hua Lee. The Economic History of China. New-York, 1921, p. 416.

[2] Восстания Ван Луня в Шаньдуне в 1774 г., мусульман в Ганьсу в 1780—1782 гг.; восстание секты Бай лянь цзяо в 1793 г.

за счет завоевания новых стран, могут быть объяснимы, с одной стороны, относительным перенаселением, в результате концентрации земли в руках феодальной бюрократии и крупных помещиков и обезземеливания крестьянства, частично разрешавшимся колонизацией вновь присоединяемых стран; с другой стороны, — военные походы мы можем рассматривать как известную отдушину, которая служила для того, чтобы направить в желательное для правительства русло внимание революционно-настроенного крестьянства и отсрочить взрыв социального протеста.

Не малую роль в завоеваниях играла установка на получение прибавочного продукта за счет производительного населения захваченных стран в чем, быть может, представители господствующего класса видели выход из создавшихся противоречий в общественных отношениях.

Другим немаловажным фактором я считаю развитие торговых отношений, поиски новых рынков. Китайский торговый капитал проник в Тибет и Монголию, однако для него был закрыт путь в Восточный Туркестан, который находился в зависимости от Джунгарского царства, а кроме того факт существования и укрепления последнего ставил под угрозу завоевания Цинов в Монголии и Тибете, не говоря уже о прекращении торговых связей с Центральной Азией.

Наконец, внешние причины — нападения кочевников — также играли большую роль в подготовке завоеваний на Западе. Однако, здесь имели значение не столь непосредственные нападения ойратов на границы Китая, сколь опасность усиления Джунгаро-Ойратского царства. А что такая опасность была вполне реальной можно судить по следующим фактам.

С середины XVI в., к северу от Восточного Туркестана, в Джунгарии заметно усиление западных монголов или ойратов.[1]

---

[1] Западные монголы делились на четыре большие племенные группы, тумана (dörben tümen) (Владимирцов, «Обществ. строй», стр. 135), известные под именем «четырех ойратов», Dörben Oyirad. В китайской истории они фигурируют под названием «Сы вэйлатэ», 四衛拉特, «четыре вэйлатэ», что соответствует «четырем (племенам) ойратов». В «Истории Минов», Минши,

Раздробленная на отдельные племена, враждовавшие между собой, Джунгария не была страшна для своих соседей. Но к концу XVII в. наблюдается консолидация ойратских племен и создание крупного ханства под эгидой Галдана из рода чоросского, принявшего титул Джунгарского хана.[1]

ойраты называются «Вала», 瓦剌. По вопросу о племенном составе ойратов в литературе имеются расхождения.

По китайским источникам ойратские племена состояли из: 1) чоросов, 綽羅斯, чолосы; 2) Дёрботов, 杜爾伯特, Дуэрботэ; 3) Хошотов, 和碩特, Хэшитэ; 4) Торгутов, Турготов, 土爾扈特, Туэрхутэ. К племенной группе Дёрботов примыкали Хойты, 輝特, Хуйтэ, которые впоследствии, — в связи с переселением торгутов в Россию, в 1636 г. — составили отдельную племенную группу и считались одним из четырех ойратских туманов (ДХСЛ, гл. 20, стр. 33).

Другой китайский источник, сообщая те же самые сведения, указывает еще, что Дёрботы родственны чоросам, так как потомок Чоросского Бо (Бей) хана, 孛汗, в седьмом поколении, Боронахар 博羅納哈勒, Болонахалэ, являлся основателем рода — Дёрботов (ЦДСЮТЧж, гл. 47, стр. 7ᵛ; о других перечисленных племенах, там же, стр. 1—7, 10—14, 15—16. О переселении тургутов в Россию — стр. 16). По Мэнгу ю му цзи, ойраты делились на хошотов, джунгар, дёрботов и торгутов, причем джунгары и дёрботы носили фамилию Чорос. Хойты же входили в состав племенной группы дёрботов до переселения торгутов в Россию (Попов. Записки о монгольских кочевьях. Пер. с кит. Попова П. С., СПб., 1895, стр. 115, см. также стр. 411—412).

[1] The History of the Khojas of Eastern Turkistan . . . p. 13. Отметим здесь, что покойный акад. Б. Я. Владимирцов в последней своей работе отрицает наличие единого главы у ойратов (в. XVII в.), так же как и существование союза четырех — Dörben Oyirad — «Четырех ойратов», указывая, что неверное представление об ойратах порождено появлением „известной книги Иакинфа Бичурина, «Историческое обозрение ойратов или калмыков» (СПб., 1834), кишащей неточными и ошибочными указаниями". Акад. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Изд. Акад. Наук, Л., 1934, стр. 167.

В подкрепление своего замечания акад. Владимирцов, указывая, что те, кто непосредственно сталкивался с ойратами «гораздо лучше видели истинное положение вещей», приводит следующую выдержку из описания посольства Унковского: «Сей калмыцкой народ до Бошуханова (т. е. Бошокту хана) владения не под единой властью были, но многие особливые тайши над помянутыми народами властвовали; а Бошухан многих под свое владение привел» (Веселовский Н. И. Посольство к зюнгарскому Хунтайджи Цеван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его на 1722—1724 г., документы, изд. с предисл. и примеч. Записки РГО по отделу этнографии, СПб., 1887. т. 10, вып. 2, стр. 195, цит. по Владимирцову; там же, стр. 157).

Едва ли не первыми почувствовали усиление ойратов князья Турфанские и Хамийские, в результате чего, повидимому, князь Турфанский, в поисках покровительства у Китая, признал себя вассалом последнего. По этому поводу в третий год правления императора Шуньчжи (1646) опубликован указ, из которого видно, что турфанский правитель Аблунь Мухань, считавший себя потомком Джагатая, прислал дань и просил считать его вассалом Китая.[1] Однако это не спасло турфанское княжество от разгрома, так же как и всего Восточного Туркестана, ойратами. Это событие тесно связано с именем Галдана. Успехи Галдана в Восточном Туркестане были обусловлены внутренней борьбой. Об этой борьбе как и о вторжении Галдана мы узнаем из местных источников.

К середине XVI в. Восточный Туркестан управлялся джагатайскими ханами, причем столицей был город Яркенд. При ханах большую роль играли ходжи, являвшиеся духовными советниками ханов. В борьбе между последними деятельное участие принимали ходжи. Источники сообщают о Махдуми Азаме как об основоположнике фамилии ходжей, в дальнейшем захвативших с помощью ойратов светскую власть. Ходжа Махдуми Азам был известен в Бухаре как мусульманский вероучитель. По прибытии в Кашгар, он, по словам Валиханова, пересказывающего Мухаммед Садыка, автора Тезкереи Ходжаган, «был встречен народным уважением и получил от кашгарских ханов богатые поместья».[2]

У Махдуми Азама, умершего в 1542 г.,[3] было семь сыновей, из которых двое известны как основатели двух религиозных течений. Младший Исхак Вали и старший Ишан-и-Калян имели последователей, которые впоследствии образовали два враждебных друг другу лагеря. Первый (Исхак Вали) был идейным вдох-

---

Приведенное свидетельство Унковского можно понять все же так, что с появлением Галдана наметилось объединение ойратских племен. Несомненно одно, что к этому времени усилилась агрессивность джунгаров-ойратов, дававших себя чувствовать своими набегами Китаю и его вассалам.

[1] Mémoires concernant les chinois, t. XIV, pp. 15—16.

[2] Соч. Ч. Ч. Валиханова, стр. 110.

[3] В. В. Бартольд. Отчет о командировке, стр. 242.

новителем так называемых черногорцев (Каратаглы), второй — основоположник белогорской группировки (Актаглы). Борьба между сторонниками этих двух течений усилилась при потомках Исхак Вали и Ишан-и-Каляна и достигла своего апогея при ходже Апаке, внуке Ишан-и-Каляна и сыне Мухаммед Юсуф ходжи.

К этому времени (середина XVII в.) ханом Восточного Туркестана был Абдаллах — сын Абд-ар Рахим-хана. Весь Восточный Туркестан был поделен между братьями Абдаллаха: Абул Мухаммедом, Ибрахимом, Исмаилом и Сеид Баба.

Абул Мухаммед получил восточную часть ханства (Турфан и Чалыш). Ибрахим хан — Хотан. Сеид Баба — получил Комуль (Хами).[1] Столицей попрежнему считался Яркенд, где находился Абдалах. Сын его Иолбарс был назначен правителем Кашгара.[2] Период царствования Абдаллаха отмечен войнами с киргизами и ойратами и внутренней междоусобицей. Заслуживает внимания факт борьбы между отцом и сыном — Абдаллах ханом и Иолбарсом, в результате которой первому пришлось уехать в Мекку, а власть перешла к Иолбарсу, относившемуся — по словам Мухаммед Садыка — с большим уважением к ходжам Юсуфу и Апаку.[3] Через год Иолбарс был убит, повидимому, при участии ойратов; это случилось около 1670—1671 гг. Его место занял Исмаил,[4] прибывший в Кашгар и Яркенд вместе с ходжей Апаком. В союзе с ним находился и ойратский предводитель.[5]

Впоследствии мы видим — у кашгарского автора — Исмаил хана борющимся с ходжей Апаком.[6] Об этом же говорит и Мухаммед Садык, который сообщает, что Исмаил принудил ходжу Апака бежать из Восточного Туркестана в Тибет и про-

---

[1] В. Бартольд. Отчет о командировке, стр. 250.

[2] Там же, стр. 246—247.

[3] Там же, 248; The History of the Khojas . . , p. 35.

[4] По Мухаммед Садыку, Исмаил был сыном Абдаллаха (см. The History of the Khojas . . , p. 35). По анонимному кашгарскому автору — Исмаил брат Абдаллаха. См. Бартольд, там же, стр. 247.

[5] Бартольд, там же, стр. 249.

[6] Бартольд, там же, стр. 250.

сить помощи через Далай-ламу у Галдан Бошокту, причем отмечается усиление влияния в Яркенде черногорских ходжей — сыновей ходжи Шади, двоюродного брата ходжи Апака.[1]

Объяснить борьбу ходжей только разногласиями в области религиозных отношений, как это делает Григорьев,[2] мы не считаем для себя возможным. Здесь дело не в этом. В то смутное для Восточного Туркестана время, с середины XVI в., когда велась бесконечная борьба между отдельными феодалами-правителями городов, ходжи, будучи советниками ханов, не могли не принять участия в политической борьбе за власть, за право безраздельного присвоения прибавочного продукта. Не забудем, что ходжи не только тесно срослись с феодальным строем, но и сами являлись крупными феодалами, об этом имеются показания источников. Так, неизвестный кашгарский автор, которого использует Бартольд, сообщает, что Пулад хан (он же Султан Ахмед) сын Тимур султана, правитель Аксу, впоследствии (1628—1629 гг.) возведенный на престол хана Восточного Туркестана, подарил ходже Шади (сыну ходжи Исхака) деревню после вторичного вступления на престол (1633—1634 гг.); несмотря на это, вскоре ходжа Шади изменил ему и перешел на сторону его соперника Абдаллаха.[3] От Мухаммед Садыка Кашгари мы узнаем, что черногорские ходжи владели землями в Файзабаде около Кашгара, Тогус-кенте — около Яркенда, Аксарае возле Хотана и в Ак-яре — в Аксу.[4]

С другой стороны известно, что белогорские ходжи владели огромной земельной собственностью. Достаточно сказать, что

---

1 The History of the Khojas . . , pp. 35—36. Валиханов, там же, стр. 111.

2 В. В. Григорьев. Восточный или китайский Туркестан. Вып. II, СПб., 1873, стр. 356—357.

3 Бартольд, там же, стр. 246.

4 Валиханов, там же, стр. III, говорит, что ходжи имели богатые вотчины— перечисленные селения; The History of Khojas, p. 38. Здесь отмечается «. . .the spiritual chiefs held land, viz. at Faizābad near Kashghar, Tokuzkent near Jarkand, Ak-sarai near Khutan, and Ak-yar near Aksu». Интересно отметить, что Тогускент означает «девять селений (деревень)». Повидимому, земельные владения ходжей охватывали целый район. R. Shaw в цит. здесь «Истории ходжей» перечисляет эти деревни. По его мнению это: Pialma, Guma, Zangoya, Chodar, Sanju, Boria. Dawa, Koshtak, Ui-Tughrak. Они лежат на юге и юго-востоке от Яркенда.

«мечети Апака ходжи (Häzrät — Afak) принадлежали близ Кашгара 43470 га пахотной земли, 48 пар мельничных поставов, 15 больших крестьянских дворов...»[1]

Естественно, что связанные с земельной собственностью, а через нее и с феодальными правителями, ходжи принимают активное участие в борьбе отдельных ханов за власть, т. е. за право владения землей и эксплоатации крестьянства.

В этом отношении они имеют много общих черт с представителями римско-католической церкви, которая, по словам Энгельса, «... окружила феодальный строй священным ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и в конце-концов она была самым крупным феодальным владетелем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения».[2]

Мы далеки от утверждения, что условия Западной Европы и борьба там в XVI в. целиком совпадают с обстановкой Восточного Туркестана в XVI — XVII вв., но роль церкви как там, так и здесь, имела много общего.

Религиозная окраска борьбы ходжей была необходима в целях лучшего использования крестьянских масс, легко поддававшихся религиозной пропаганде. Кроме того были, конечно, и разногласия чисто религиозного порядка, определявшиеся принадлежностью ходжей к различным мусульманским толкам.

Как было сказано выше, при хане Исмаиле (царствовал в 1671—1682 гг.) ходжа Апак бежал из Восточного Туркестана в результате борьбы с ханом. С помощью Галдана Бошокту, вторгшегося в Восточный Туркестан, ходжа Апак был посажен на престол в Яркенде, а его старший сын Яхья назначен Галданом правителем Кашгара. Бартольд, основывающийся на сообщении кашгарского автора, указывает, что борьба проис-

[1] G. Raquette. Eine Kaschgarische Wakf-urkunde aus der Khodscha — Zeit Ost-Turkestans, von ... Lund — Leipzig, 1930, S. 4. Ср. «Библиография Востока», изд. ИВ АН 1932, № 1, стр. 99, рецензия Малова С. Е.

[2] Энгельс. Ф. Об историческом материализме. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 13.

ходила не только между ходжей и Исмаилом ханом, но между последним и аристократией, среди которой находился и ходжа Апак. Это видно хотя бы из того, что в рядах ойратских войск находились и правители восточных городов (Хами и Турфана), внуки Абдар Рахима.[1]

Захват ханского трона Апаком с помощью ойратов и увод в плен в Или Исмаил-хана относится к периоду 1678—1683 гг.[2] С этого времени можно считать что Восточный Туркестан подпал под зависимость Ойратско-Джунгарского ханства, платя последнему ежегодную дань в размере 100 000 танга (тэнгэ).[3]

Подчинение Восточного Туркестана и получение с него дани, с одной стороны, обеспечивало содержание армии Галдана, а с другой — облегчало последнему возможность вторжения в Тибет и Китай. Кроме того для Китая это означало потерю рынков на западе, отказ от непосредственной торговли с владениями в Средней Азии, потерю мировых торговых путей.

Однако новая «монгольская опасность» для Китая заключалась не только в усилении ойратов в Восточном Туркестане. Во времена Галдана мы наблюдаем проникновение ойратов и в Северную Монголию (Халху), Кукунор и Тибет. Цинская династия организует отпор воинственным кочевникам. После длительной борьбы императора Канси с Галданом, приносившей победы и поражения обеим сторонам, военные действия закончились переговорами о мире (1690). Однако вскоре новое нападение войск Галдана на Халху вызывает новый поход китайских войск, в результате которого ойраты были разбиты. К 1696 г. относится смерть Галдана — наступает временное затишье на западных и северных границах Китая. При преем-

---

[1] Бартольд, там же, стр. 250.

[2] Валиханов относит это событие к 1678 г. Соч., стр. 111; Паласс и Иакинф — к 1679 г. Пленный шведский офицер, проживавший в Сибири и собиравший сведения о Восточном Туркестане — к 1683 г. (Григорьев. Вост. Турк., стр. 353). Кашгарский автор указывает, что вторжение Галдана в Восточный Туркестан имело место около 16[illegible]2 г. Бартольд, там же, стр. 250.

[3] The History of the Khojas, p. 37; 4 000 танга в месяц, по Мухаммед Садыку, Валиханов превратил в 400 000. Ср. Соч. Валиханова, стр. 111.

нике Галдана Цэван Рабтане возобновляется нападение ойратов на подвластные Китаю владения. В 1715 г. происходит разгром Хами и Турфана; в 1717 г. вторжение ойратского полководца Цэрэн Дондуба в Тибет.[1] Однако в 1719 г. китайско-манчжурские войска вытесняют оттуда ойратов.

При Галдан Цэрэне (1727—1745), сыне Цэван Рабтана, джунгарами проводится политика упрочения связей с Тибетом и подготовка к войне с Китаем. Для этой цели Галдан Цэрэн укрепляет родственные связи с Хошотским племенем, выдав за Хошотского хана Вэй Чжэна сестру свою Ботлок,[2] а с другой стороны, мы узнаем из генеалогии джунгаров, составленной по высочайшему указу императора Цяньлуна, что сыну покойного правителя Тибета Ладзан хана-Сорджи[3] было передано 10 семейств для его пропитания.[4]

Одновременно ведутся приготовления для нападения на Халху. При манчжурском императоре Юнчжене (1723—1735) продолжаются войны с ойратами. Посылка Юнчженом армии в 1723 г. для нападения на Или не увенчалась успехом. Китайская армия была разбита в Хэтунбо.[5] В 1731 г. новое вторжение ойратов в Халху. В 1732 г. нападение Галдан Цэрэна на земли Дзасакту хана Цэрэна, вассала Китая. В том же году Галдан Цэрэн был разбит и бежал за Орхон. В 1732 г. он предложил манчжурам заключить мир.

---

[1] По китайскому источнику, Цэван Рабтан приказал старшему Цэрэн Дондубу 第 零 敦 多 卜, Цэлин дунь добу, деду Даваци, взять войска в количестве 6000 человек и напасть на Тибет (ДХСЛ, гл. 20, стр. 33). Даты вторжения в Тибет указываются различными авторами по разному: Иакинф указывает 1717 г. («Историческое обозрение ойратов»), китайский автор — 1717 г. (Чжунго ши, стр. 157); другие приводят 1709—1710 гг.

[2] Второй раз; первый раз еще при Цэван Рабтане она была выдана замуж за Даньджуна, сына Ладзан-хана из рода Хошотов, Кукунорского хана, убитого при нападении на Лхассу ойратов в 1709—1710 гг. или 1717 г. (ДХСЛ, гл. 20, стр. 33).

[3] 索 爾 札

[4] 給 索 爾 札 戶 十 資 養; ДХСЛ, гл 20, стр. 33. Ср. Parker, The Kalmucks. The China Review, 1898—1899, vol. XXIII, p. 16.

[5] 和 通 泊 Чжунго ши, стр. 158.

После смерти Галдана Цэрэна, в 1745 г., в Джунгарии происходит борьба за трон между отдельными ханами. Не беря на себя задачи подробно осветить этот период истории джунгаров, отмечу, что, по сообщению китайских источников, первым по счету ханом после Галдан Цэрэна был его сын Цэван-Доржи Намджал[1], вскоре убитый своим братом — сыном Галдан Цэрэна от наложницы, Ламой Дорджи,[2] который захватил престол. Против узурпатора выступили Амурсана,[3] его брат Банджур[4] и Даваци.[5] После поражения Даваци и Амурсана бежали к казахам. В 1752 г. они вместе с Банджуром вернулись на свои старые пастбища.[6] Впоследствии Амурсана убил Ламу Дорджи. На престол был возведен Даваци. Вскоре, однако, против Даваци выступает с 10 000 войском Намку Цзиркар (?).[7] Даваци, потерпев поражение, вернулся на старые пастбища в Эмиль,[8] где встретился с Амурсаной. С помощью последнего Даваци удалось восстановить свою власть. Но с этого момента обостряются отношения между ним и Амурсаной, который сам стремится захватить ханский трон. Объединившись с Банджуром Нахачжи[9] и дорботом Намку,[10] совместно с казахами Амурсана

---

[1] 策妄多爾濟那木札勒

[2] 喇嘛達爾札

[3] 阿睦爾撒納 Амурсана — по генеалогии джунгаров, составленной китайскими учеными, был сыном Даньджуна, отец которого Лацзан хан управлял Кукунором; мать Амурсаны — Ботлок, дочь Цэван-Рабтана. Амурсана родился вскоре после выхода Ботлок вторично замуж за Вэйчжэна (см. ДХСЛ, гл. 20, стр. 33).

[4] 班珠爾, бань чжу эр.

[5] 達瓦齊 Даваци—внук старшего Цэрэн-Дондуба (Дуньдоба), отец которого Буму (布木) был седьмым сыном Батур хун тайджи (ДХСЛ, там же, стр. 33).

[6] Повидимому, в Тарбагатае.

[7] 訥默庫濟爾噶爾, Намоку Цзиэргэр, племянник Даши дава.

[8] 額密勒, Эмилэ.

[9] 納哈查, Нахача, — сын Сорджи, внук тибетского хана Лацзана.

[10] 杜爾伯特訥默庫

нападал на Эмиль, грабя пастбища. Даваци три раза отправлял войска против Амурсаны, но безуспешно. Затем лично, во главе тридцатитысячной армии, он осадил кочевья Амурсаны на Иртыше.[1]

Под давлением превосходящих сил Амурсана вынужден был вступить в китайское подданство и просить помощи у императора Цяньлуна. Это случилось осенью 1754 г.[2] По существу с этого времени можно говорить о полном распаде Джунгарско-Ойратского царства.

Такова вкратце история взаимоотношений Джунгарии с Цинской империей. В свете этих фактов становятся понятными приготовления Цинского правительства к решительному разгрому Джунгарии и к захвату Восточного Туркестана.

Резюмируя, я могу указать на следующие причины, обусловившие движение китайско-маньчжурских войск в Джунгарию и Восточный Туркестан и полное подчинение этих двух стран феодальной монархии Цинов.

1) Внутренние противоречия феодальной монархии Цинов обострились до такой степени к середине XVIII в., что неизбежен был новый взрыв крестьянской антифеодальной войны. Выход из этого кризиса цинское правительство видело в военных авантюрах, во внешних завоеваниях, могущих отвлечь внимание эксплоатируемых масс и временно ослабить внутренние противоречия — путем частичного разрешения аграрного вопроса за счет колонизации и усиления эксплоатации завоеванных «инородцев».

2) Потеря среднеазиатского рынка для китайского торгового капитала и прекращение связей с Западом через Восточный Туркестан в связи с усилением Джунгарии и подчинением ойратами Восточного Туркестана — усиливали агрессивность Цинского дома.

---

[1] 額爾齊斯 — река, на юге Алтайских гор, на западе от Кобдо, в 200 ли. На востоке от Тарбагатая в 300 ли.

[2] Для описания изложеных событий я использовал: ДХСЛ, гл. 20, стр. 33—34; СЮВЦзЛ, гл. 5, стр. 2—3; ШУЦЗ, гл. 4, стр. 1—2.

3) Существование сильного джунгарского ханства, охватившего своим влиянием Восточный Туркестан и Тибет, создавало непосредственную военную опасность для Китая — на западе — со стороны Хами и Турфана, на севере — со стороны Монголии, с юго-запада — со стороны Тибета.

4) Постоянные нападения джунгаров на Халху и угроза захвата Северной Монголии таили опасность прекращения торговых связей с Россией по северному пути — через Монголию.

Указанные обстоятельства толкали Цинское правительство на решительную борьбу с джунгарами, а условия, сложившиеся в середине XVIII в. в Джунгарии, междоусобица, вспыхнувшая там, обеспечили победу Цинской империи.

Дальнейшие события развивались еще быстрее. Цинские войска в составе манчжуров, китайцев, чахаров, солонов во главе с генералом Бань Ди[1] выступили по северной дороге. В качестве помощника его сопровождал Амурсана.

По западной дороге была направлена другая армия, под командованием Юн Чана.[2] Его помощником был перешедший на сторону манчжур Зайсан Салар.[3] Каждая армия состояла из 25 000 человек. Бань Ди выступил из Улясутая, Юн Чан из Баркуля. Застигнутый врасплох на Гэдэншане,[4] Даваци вынужден был бежать через Музартский перевал в Восточный Туркестан, где был, в сорока ли от г. Уша,[5] захвачен ушским хаким беком Ходисом и выдан Цинскому правительству. Это событие произошло 3 августа 1755 г.[6]

Свержением Даваци Цинское правительство добилось ослабления Джунгарского ханства, разбив когда-то сильное государство на отдельные самоуправляющиеся части — роды. Единовластие

---

[1] 班第

[2] 永常, Юн Чан — генерал-губернатор, цзунду, провинций Шэньси и Ганьсу.

[3] 隆喇爾

[4] 格登山 В 180 ли от Или, на северо-западе.

[5] По данным СЮВЦзЛ., гл. 5. стр. 5.

[6] ЦШГ, бцз; 11, стр. 25г.

в лице хана было уничтожено. Амурсана считался лишь помощником командующего армией,[1] получив, как и другие тайджи, титул цинь вана — князя первой степени за свои заслуги в борьбе с Даваци.

Вскоре, однако, Амурсана делает попытку освободиться от «опеки» манчжуров. Он ведет пропаганду среди казахов и бурутов, склоняя их на свою сторону, и заявляет им, что на границе не может быть мира, поскольку не он управляет четырьмя родами.[2] Обращаясь к ойратским родам с заявлением, что он не перешел на сторону Цинов, а что страна покорена силой — китайскими, манчжурскими и монгольскими войсками, он употребляет печать хун-тайши. Вскоре он открыто поднимает восстание, временный успех которого был обусловлен тем, что главные силы цинской армии после покорения страны были уведены обратно в Китай, а в Или оставалось всего 500 человек во главе с генералом Бань Ди. После непродолжительной борьбы отряд генерала Бань Ди был разгромлен. Однако силы повстанцев были сравнительно невелики. По сообщению Вэй Юаня, автора Шэн у цзи, они доходили до двух тысяч человек.[3] В начале следующего года, 1756, в Или отправлена вновь большая армия, которая в марте разбила повстанцев. Амурсана со своими последователями бежал в степи к киргиз-казахам. С этого времени до конца года тянется борьба Цинов с Амурсаной, поддерживаемым киргизами и казахами. В это же время возникает восстание других тай-джи, перешедших было на сторону Китая. Амурсана возвращается и объединяется с повстанцами. В действиях против повстанцев участвует армия Чжао Хуй'я, которая, разгромив джунгаров в районе Урумчи в марте 1757 г., преследует беглецов до границ казахских кочевий. В июле — августе этого года Амурсана скрылся на территории России, где впоследствии умер. В марте месяце 1757 г. новые восстания ойратов — чоросского хана Гелцан

---

[1] 副將軍, фу цзянцзюнь.

[2] ШУЦз, гл. 4, стр. 6г.

[3] ШУЦз, там же, стр. 7.

Дорджи, Даши чэрэна и других,[1] на усмирение которых отправились армии Чжао Хуй'я и ФуДэ.

Результатом этого похода, в конце 1757 г., явилось массовое истребление ойратов, полное обезлюдение страны (Джунгарии).

По преувеличенным данным китайского источника, в Джунгарии было уничтожено свыше миллиона человек. Надо сказать, что с легкой руки Иакинфа, переводившего этот источник — Синюй вэнь цзянь лу,[2] эта цифра фигурирует почти у всех русских и у многих западноевропейских авторов.

У китайского автора действительно сказано: «Казнили (убили) их (ойратов-джунгаров) мужчин, женщин и детей больше миллиона человек».[3] Мне кажется, что эта цифра взята китайским автором символически, в переносном смысле, обозначая множество, большое количество.

В другом китайском источнике приводятся данные о численности населения в Джунгарии, которые ближе к действительности, но и к ним надо отнестись критически. Авторы джунгарской генеалогии, подробно перечисляя 24 отока[4] и 9 цзисаев,[5] приводят численный состав их. По нашему подсчету в указанных отоках и цзисаях было 97 900 семейств. Однако источник, имея в виду еще состав 21 анки,[6] которые в тексте не перечисляются, указывает на другую цифру, именно 200 000 семейств или 600 000 душ.[7] Наконец Вэй Юань, автор Шэн у цзи, определяет

---

[1] ЦПГ, бцз, 12, стр. 4г.

[2] Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, стр. 165.

[3] 誅其男婦子女逾百萬人, СЮВЦзЛ, гл. 5, стр. 6г.

[4] 鄂拓克, Отокэ. Оток, по разъяснению китайского источника, — подчиненная хану группа, племя, род (部, бу). ДХСЛ, гл. 20, стр. 34. Акад. Владимирцев указывает, что отоком (otog) называлась «известная группа кочевых аилов, объединенная тем, что занимала определенную территорию под свои раскочевки, группа, на которую распадались улусы (ulus'ы) или туманы... «Общественный строй монголов», стр. 132.

[5] 集賽

[6] 昆吉, анцзи. Анки (анги), по указанию источника, — хозяйства, подчиненные тайцзи (тайджи). Анки в калмыцком языке означает—«ветвь, группа» (分支). ДХСЛ, гл. 20, стр. 34v.

[7] ДХСЛ, там же, стр. 35.

численность ойратского населения в несколько сот тысяч семейств, причем он сообщает, что из этого количества за время борьбы с Цинской империей 40 процентов умерло от оспы, процентов 20 укочевало в Россию и к киргизам, 30 процентов убито в сражениях.[1] Оставшемуся небольшому числу ойратов были предоставлены пастбища в районе Тарбагатая. Позднее, в 1771 г., из России вновь прибыли волжские калмыки.

На месте прежних ойратских кочевий созданы города и образованы округа. Так, на землях, где находились чоросы, создан Илийский округ с местонахождением наместника — цзянцзюня,[2] которому подчинялись обе линии — северная и южная, т. е. Джунгария и Восточный Туркестан. Кроме того, определен главноуправляющий, Цань цзань дачэнь[3] с проживанием в городе Хуйюань-чэне.[4] Назначены Линдуй дачэни[5] в количестве пяти человек, из которых один находился в городе Хуйнине.[6]

На месте кочевий дёрботов создан Урумчийский край с пребыванием одного дутуна,[7] одного линдуйдачэня и фудутуна[8] в Урумчи. В городе Дихуа[9] определен командир китайской дивизии — тиду.[10] В Баркуле — линдуй фудутун — 1, и в Гучене — 1; в Куркараусу линдуй дачэнь — 1.

На месте торгутских и хойтских кочевий создан Тарбагатайский округ с пребыванием одного Цань цзань дачэна и двух линдуй-даченов.

---

[1] ЩУЦз, гл. 4, стр. 11 r—v.

[2] Полный титул его — Цзун тун Или дэнчу цзянцзюнь, 總統伊犂等處將軍

[3] 參贊大臣

[4] 惠遠城

[5] 令頄隊大臣

[6] 惠寧城, Хуйнин чэн.

[7] 都統

[8] 副都統

[9] 迪化城, Дихуа чэн.

[10] 綠營提督, Лу ин тиду.

С покорением Джунгарии для Цинского правительства был открыт путь в Восточный Туркестан тем более, что внутренняя борьба между ходжами, умело использованная манчжурами, облегчала Цинскому дому задачу присоединения к обширным владениям Китая новой огромной территории. Однако с момента разгрома Джунгарии до присоединения Восточного Туркестана прошло три года упорной борьбы, с 1757 г. до 1760 г.

Об этой борьбе и о предшествующих ей событиях я позволю себе кратко рассказать.

Как было отмечено выше, при вторжении в Восточный Туркестан Галдана Бошокту в 1682—1683 гг. ханом Восточного Туркестана был посажен ходжа Апак, плативший дань ойратам. Царствование ходжи Апака было непродолжительным. По Мухаммед Садыку, ходжа вскоре осознал, что «звание ходжи не придает ценности царскому престолу»[1] и призвал из Турфана Мухаммед Эмина, которого уговорил отправиться в поход против ойратов, передав ему власть.[2]

Мне кажется что слова туземного автора надо понимать так, что ходжа Апак понял невозможность справиться со смутами внутри страны и с той борьбой, которую вели против него и представители джагатаидов, в лице хотя бы Абд-ар-Рашида, который был назначен Галданом Яркендским правителем.[3]

---

[1] В. Бартольд. Отчет о командировке, стр. 250.

[2] По Мухаммед Садыку, Мухаммед Эмин — брат Исмаил хана, уведенного в Или Галданом Бошокту. По кашгарскому анонимному автору — Мухаммед Эмин не брат Исмаила, он сын Сеид баба, т. е. племянник Исмаил хана. Сеид баба, как указывалось выше, получил в управление Хами при Абдаллахе, а его брат Абул Мухаммед (по китайским источникам Аблунь Мухань) — Турфан. Впоследствии, по смерти Абул Мухаммеда, Сеид баба управлял также и Турфаном. Он имел трех сыновей: Абд-ар-Рашида, Мухаммед Эмина и Мухаммед Мумина. После смерти Сеид баба, правившего в Турфане 25 лет, Абд-ар-Рашид был провозглашен ханом в Турфане; Мухаммед Эмин находился в это время в Чалыше (Карашар). Впоследствии мы наблюдаем борьбу между братьями, вызвавшую вмешательство Галдана Бошокту. Мухаммед Эмин вынужден был уйти в горы. Затем во время похода Галдана Бошокту на Кашгар и Яркенд (1682—1683 гг.) Мухаммед Эмин и его брат Мухаммед Мумин находились при Галдане. Абд-ар-Рашид должен был присоединиться к ним позднее. В. Бартольд, там же, стр. 251.

[3] Там же, стр. 251.

В результате этой борьбы ходжа Апак вынужден был сложить с себя светскую власть. Вскоре, однако, и Абд-ар-Рашиду пришлось уйти в горы из-за смут.[1] По китайским источникам, Абд-ар-Рашид[2] был уведен Галданом в Или, но после смерти последнего (Галдана) в 1696 г. бежал в Китай, а затем возвращен в Яркенд.[3] По Мухаммед Садыку, после набега Мухаммед Эмина на кочевья ойратов, Мухаммед Эмин, ожидая мести со стороны ойратов, бежал из Яркенда, но был убит своими телохранителями.[4] По кашгарскому автору (анонимному), с согласия ходжи Апака калмыцкий (ойратский) предводитель Пулад поднял восстание против Мухаммед Эмин хана.

Ни один из туземных авторов не датирует отмеченные события, но по некоторым фактам можно установить дату правления Мухаммед Эмина. Так, мы узнаем, что в 1683 г. в числе послов к бухарскому хану Субхану-кули упоминается посланник кашгарского хана Мухаммед Эмина, который просил о помощи против киргизов, захвативших владения в стране.[5]

После убийства Мухаммед Эмин хана власть снова захватил ходжа Апак, после смерти которого престол наследовал старший сын Апака — ходжа Яхья.

К сожалению, туземные источники, кроме имен ходжей и ханов и некоторых фактов из их борьбы внутренней и внешней (с ойратами и киргизами) ничего не сообщают, опуская даже дату.

Дальнейшие события, по источникам, напоминают внешне им предшествующие.

Через восемь месяцев после смерти ходжи Апака[6] был убит вдовой Апака, Ханым падишах, сестрой Мухаммед Эмина,

---

[1] Там же. стр. 251.

[2] 阿布都實特, А бу ду ши тэ. Китайские источники, путая джагатаидов с ходжами, указывают, что Абд-ар-Рашид (Абдушит) был дедом ходжей Бороииду и Хоцзичжана. ШУЦз, гл. 4, стр. 17ᵛ.

[3] ШУЦз. гл. 4, стр. 17ᵛ.

[4] The History of the Khojas... p. 37. Ср. Бартольд. Отчет о командировке, стр. 252.

[5] Tazkira-i-Muqim Khani Юсуфа Мунши, перевод проф. Сенковского, цит. по The History of the Khojas, pp. 37—38 — примечание.

[6] В 1693 г., там же, стр. 39 — примечание.

ходжа Яхья, вместе с отцом (Апаком) царствовавший всего 2 года и 2 месяца.[1] Убийство ходжи Яхьи было продиктовано, по указанию местных авторов, желанием Ханым падишах, впоследствии прозванной за целый ряд убийств Джалляд-ханым (Палач-ханыша), посадить на трон своего сына Мехди.[2] Через полгода Ханым падишах была убита. Один из сыновей ходжи Яхьи — ходжа Ахмед[3] был провозглашен ханом в Кашгаре, а в Яркенде власть захватил младший брат Мухаммед Эмина, Мухаммед Мумин, по прозванию Ак-баш хан.

Период его царствования характеризуется усилением влияния черногорских ходжей, базой которых был Яркенд, и борьбой последних с Кашгаром, где управлял ходжа Ахмед, — цитаделью белогорцев. Ак-баш хан вызвал из Ходжента правнука ходжи Исхака Вали черногорского ходжу Даниэля,[4] которому пришлось во время господства Апака бежать в Фергану. В результате последовавшей затем войны между Кашгаром и Яркендом Ак-баш хану пришлось бежать в Индию. В Яркенде ханом был провозглашен казахский султан Хашим. В Кашгаре — несмотря на пребывание ходжи Ахмеда, номинально являвшегося ханом, фактическими правителями были киргизы, призванные кашгарцами для борьбы с Яркендом. Впоследствии, как отмечает Мухаммед Садык, в связи с интригами ходжи Даниэля Хашим, казахский султан отказался от управления Яркендом и вернулся к себе на родину.[5]

---

[1] Бартольд. Отчет о командировке, стр. 253.

[2] Там ж, стр. 252.

[3] Ахмед (Ахмад) — отец Бурхан ад дина и хана Ходжана (Борониду и Хоцзичжан), игравших большую роль в борьбе с манчжурами. В китайских источниках вместо Ахмеда фигурируют: Мумотэ (Магмуд), 木墨特 (см. СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 1) или Маханьмутэ (Мухаммед) 瑪罕木特. ШУЦз, гл. 4, стр. 17v.

[4] Ходжа Даниэль центральная фигура в борьбе феодальных религиозных групп, которых я, следуя указаниям источников и европейских авторов, условно называю белогорской и черногорской группами. Он (Даниэль) происходит от ходжи Исхак Вали, основателя черногорской группировки. Отцом его был ходжа Убайдуллах, сын ходжи Шади, а отцом последнего являлся Исхак Вали.

[5] The History of the Khojas, p. 40. Ср. Валиханов. Сочинения, стр. 112. Hartmann M. Ein Heiligenstaat im Islam. Der Islamische Orient, VI—X, Berlin, 1905, S. 222.

С этого времени светская власть перешла в Яркенде и Хотане к ходже Даниэлю. Это событие можно датировать приблизительно 1696—1700 гг. К этому периоду, как было указано, относится смерть Галдана. В связи с борьбой ойратских ханов за престолонаследие Джунгария некоторое время не вмешивалась в дела Восточного Туркестана, допустив даже набег Мухаммед Эмина на ойратские кочевья.

Провозглашенный джунгарским ханом, Цэван Рабтан — после укрепления своих позиций в Джунгарии — вмешивается в борьбу ходжей в Восточном Туркестане. К 1713 г.[1] относятся новый поход ойратов на Восточный Туркестан, присоединение к ойратам Даниэль ходжи и захват ими Кашгара и Яркенда.

В Кашгаре на место ходжи Ахмеда избран новый Хаким бек. Ахмед ходжа и Даниэль ходжа уведены в Или, причем первый заточен в Эрен-Хабурге.[2]

Даниэль ходжа впоследствии, в 1720 г., был возвращен и ему Цеван Рабганом поручено управлять Кашгарией (Кашгаром, Яркендом, Аксу и Хотаном).[3] Попрежнему Восточный Туркестан должен был платить джунгарам, как и при Апаке, 100 000 танга, по 1 танга с души.[4]

---

[1] The History of the Khojas, p. 41 — примечание.

[2] По Мухаммед-Садыку, Ахмед ходжа оставался в Иран-Кабурге (Эрен-Хабурга) в течение семи лет. Иран-Кабурга — горный кряж, образующий северный навес над долиною р. Каш. The History of the Khojas, p. 41. Валиханов называет эту местность Эрэн-Хабурга. Соч., стр. 116. Mailla говорит о местности Абакасек (Abakasek). Histoire Générale, p. 563. Китайские источники, указывая, что здесь были заточены сыновья Ахмед ходжи — Борониду и Хоцзичжань, транскрибируют название этой местности знаками: 額林哈畢爾噶, Элинь-Хабиэргэ. ДХСЛ, гл. 20, стр, 7[r].

[3] The History of the Khojas, p. 42. Валиханов говорит о шести городах. Соч., стр. 113.

[4] The History of the Khojas, p. 42. Ср. Hartmann. Der Islamische Orient, S. 226. Валиханов, в основном придерживаясь рассказа Мухаммед Садыка, в данном случае фантазирует, заявляя о том, что: «ходжа (т. е. Даниэль) назначил по своему усмотрению правителей во вверенные ему города и определил доходы по возможности скромно, в год 100 000 тяньга, между тем как Апак ходжа получал со 100 000 душ 1000 тяньга». Соч. стр. 113.

Мухаммед Садык говорит здесь не о личных доходах Даниэля ходжи, а о дани, которую он обязан был платить джунгарам.

Старший сын Даниэля ходжа Джеган остался заложником при Джунгарском хане. Даниэль ходжа управлял страной непрерывно в течение семи лет до 1727 г. — момента смерти Цэван Рабтана. С 1727 г., после вступления на ханский трон в Джунгарии Галдан Цэрэна, управление Восточным Туркестаном попрежнему было оставлено за Даниэль ходжей и таким образом власть в Восточном Туркестане безраздельно принадлежала одной из борющихся религиозных фракций, именно черногорской, достигшей господства дорогой ценой, ценой подчинения Восточного Туркестана Джунгарскому ханству, которому попрежнему выплачивалась дань.

Эта дань, которая может быть рассматриваема как часть прибавочного продукта, присваивавшегося земельными собственниками-ходжами, при Галдан Цэрэне составляла только по одному Яркендскому округу 100 000 танга,—согласно указаниям китайских источников,[1] а по Кашгарскому округу она определялась ежегодно в 67 000 танга, 40 898 батманов зерна, 1463 чарика хлопка и 365 чариков шафрана.[2]

Естественно, что выплата такой или близкой к ней суммы, в первую очередь ударяла по непосредственному производителю — феодальному крестьянству, с которого сдирались две шкуры — джунгарами и местными правителями ходжами. В таких условиях становится понятной та борьба, о которой так много и вместе с тем скупо говорят туземные источники. В этой борьбе несомненно большое участие принимали крестьянские массы, задавленные двойной эксплоатацией, но ими пользовались в качестве орудия, для их же порабощения, оппозиционные религиозные фракции.

Дальнейшая история Восточного Туркестана вплоть до окончательного покорения его манчжурами развивается под знаком все большего углубления противоречий феодальных общественных отношений, разрешавшихся в классовой борьбе

---

[1] Из донесения Чжао Хуй'я от 13 октября 1759 г. ДХСЛ, гл. 18, стр. 18.

[2] Донесение Чжао Хуй'я от 13 сентября 1759 г., там же, стр. 16.

крепостного крестьянства с землевладельцами-ходжами; с другой стороны в борьбе отдельных групп господствующего класса феодалов.

Эта борьба с еще большей резкостью приняла религиозную окраску, форму религиозной распри между двумя основными течениями (белогорцев и черногорцев), возглавлявшимися ходжами, которые по существу боролись за власть и, следовательно, за право безраздельной эксплоатации населения.

Эта борьба, временно затихшая при Даниэль ходже благодаря разгрому с помощью джунгаров его противников, вновь обострилась при сыновьях Даниэля, получив еще дополнительный толчок со стороны манчжуров.

После смерти Даниэль ходжи[1] управление Восточным Туркестаном перешло к его (Даниэля) сыновьям. По Мухаммед Садыку, Галдан Цэрэн утвердил следующее распределение городов между сыновьями Даниэля: старшему Джеган ходже (Якуб) — Яркенд; Юсуфу — Кашгар; Низам-уд-дину, прозванному Хамош ходжей, — Аксу;[2] Абдуллах ходже — Хотан. Параллельно правителями городов — хакимами назначались люди, подкупленные и преданные джунгарам. Больше того, китайский источник говорит даже о назначении правителей из числа ойратов.[3]

Не встречая указаний на этот счет в местных источниках, я склонен думать, что китайский автор имеет в виду эмиссаров, посылавшихся от времени до времени в города Восточного Туркестана для наблюдения за сбором дани или для инспектирования.

---

[1] Дата его смерти не указывается ни одним автором, но мы можем отнести ее к 1730—1735 гг., так как имеется указание, что его старший сын Джеган управлял Яркендом в 1735—1736 гг. (The History of the Khojas, p. 43— примечание), в то же время известно, что Яркенд достался ему по распоряжению Галдан Цэрэна после смерти ходжи Даниэля.

[2] В рукописи Мухаммед Садыка указывается, что в Аксу был назначен Аюб, третий сын Даниэля; в использованной R. Shaw неизвестной рукописи «other book» речь идет о Хамош ходже. У Валиханова речь идет об Аюбе. The History of the Khojas, p. 43. Ср. Валиханов. Соч., стр. 113. M. Hartmann. Der Islamische Orient, S. 228

[3] ХЦЧж, гл. 4, стр. 1.

В качестве меры удержания за собой Восточного Туркестана джунгары практиковали вызовы в Или туркестанских ходжей, где последние часто проживали в течение ряда лет или же оставляли своих сыновей заложниками. Такие вызовы имели место и после смерти Даниэль ходжи. Так Юсуф ходжа часто наезжал в Или по вызову джунгарского хана.[1]

Последний визит Юсуф ходжи совпал с периодом смут в Джунгарии, когда власть захватил Даваци, в 1754 г.

Юсуф ходжа решил воспользоваться внутренней борьбой ойратов в целях провозглашения независимости Восточного Туркестана. Однако, как сообщает Мухаммед Садык, в борьбе с ойратами ходжа Юсуф встретился с препятствиями, значительно осложнившими задачу. Джунгары получили неожиданно союзников в туркестанском лагере в лице хакимов городов Уш-Турфана—Ходжи Сыбека,[2] Аксу—Абдул Вахаба, которые сообщили Даваци о приготовлении ходжи Юсуфа к войне с Джунгарией. Этот факт лишний раз подтверждает мой вывод о том, что джунгарские ханы для подчинения Восточного Туркестана использовали отдельных представителей феодальной верхушки, умело играя на противоречиях внутри господствующего класса феодалов в Восточном Туркестане Одновременно — в Кашгаре против Юсуф ходжи готовился заговор со стороны кашгарского ишик-ага Худаяра.[3] В Яркенде против брата Юсуф ходжи Джегана выступил хаким Яркендский Гази бек, инспирированный ойратами.

Заговор Худаяра был раскрыт, Худаяра казнили. В Яркенде же Гази-беку удалось арестовать ходжу Джегана. Вслед за этим Юсуф ходжа призвал кашгарцев к выступлению против

---

[1] The History of the Khojas, p. 44. Ср. Валиханов. Соч., стр. 113. M. Hartmann, ibid., S. 231.

[2] В китайских источниках он фигурирует под именем Ходиса 霍集斯, Хоцзисы. Ходис впоследствии перешел на сторону манчжуров, захватил и передал Цинскому правительству Даваци. В дальнейшем он принимает участие на стороне манчжуров в борьбе с белогорскими ходжами, потомками Апака,— Бурхан ад Дином и Хан ходжей.

[3] Ишик-ага или Ишкага — помощник хаким бека, градоначальника.

«неверных» — ойратов, одновременно обратившись за помощью к кокандскому и бухарскому ханам. Сын ходжи Джегана ходжа Садык, уведомленный о выступлении в Яркенде Гази-бека, собрал в Хотане войско из 6—7 тыс. человек кипчаков,[1] туркестанцев и, захватив семью Гази-бека, отправился в Яркенд.[2]

Эти события, происходившие в 1755 г., в другое время вызвали бы активное вмешательство джунгаров, но к этому времени, как мы знаем, в Джунгарии происходила борьба между Даваци и Амурсаной, закончившаяся победой последнего при поддержке манчжуров. При этих условиях ходже Юсуфу удалось быстро справиться с внутренней оппозицией отдельных хакимов, выслать ойратов, находившихся в туркестанских городах и восстановить власть черногорских ходжей в Кашгаре, Яркенде и Хотане.

Аксу и Уш-Турфан, повидимому, не входили в сферу влияния черногорских ходжей, так как мы в дальнейшем вновь встречаемся с хакимами Сыбеком (Ходисом) и Абдул Вахабом как с независимыми градоначальниками, игравшими большую роль в период покорения Восточного Туркестана Цинами, т. е. через три-четыре года после отмеченных событий.

Период 1755—1756 гг. для Восточного Туркестана характеризуется непримиримой борьбой за власть между представителями двух групп господствующего класса — ходжами-феодалами, в связи с возвращением из Или белогорского ходжи, потомка Апака, Бурхан-ад-Дина.[3]

Появление в Восточном Туркестане потомка белогорских ходжей через сорок с лишним лет после изгнания последнего

---

[1] Киргизы из рода кипчака.

[2] The History of the Khojas, pp. 45—47; Валиханов. Соч., стр. 114—115.

[3] Автор Сиюй вэнь цзянь лу сообщает, что из Или были отпущены оба брата Бурхан-ад-Дин и Хан-ходжа, после покорения Джунгарии и изгнания Даваци, в 1755 г. (СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 1^{v}); другие китайские источники указывают, что в Восточный Туркестан возвращен только один ходжа — старший брат, Бурхан-ад-Дин, а второй — Ходжа хан был оставлен в Или для управления туркестанцами, находившимися в Или. Впоследствии Хоцзичжан (Хан ходжа) бежал в Яркенд и присоединился к брату. Местные источники также указывают, что послан был Бурхан-ад-Дин. ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 5^{r-v}; ШУЦз, гл. 4, стр. 18 ^{v}; The History of the Khojas, pp. 49—50. Валиханов. Соч., стр. 116.

представителя рода Апака — Ахмед ходжи должно было неминуемо возродить с большей силой прежние противоречия между двумя группами господствующего класса, одновременно представлявшими различные интересы двух антагонистических религиозных фракций.

Если прежде борьба велась за известный раздел сфер влияния в стране между ходжами и поддерживающими их феодалами или за присвоение преобладающей доли прибавочного продукта, если исключить чисто религиозную борьбу, то теперь речь шла о монопольном господстве над страной какой-либо одной борющейся группы; речь шла о коренном перераспределении земельной собственности — конечно в пользу феодалов же, а следовательно о передаче прав на эксплоатацию крестьянства из одних рук в другие.

Такое изменение характера борьбы, в значительной мере, определялось вмешательством манчжур. Манчжурская империя ставила свои задачи независимо от интересов белогорских ходжей, но разрешала эти задачи с помощью последних. Вместе с тем белогорские ходжи пытались осуществить свои интересы, используя манчжуров.

Как для тех, так и для других (манчжур и белогорских ходжей) препятствием служили черногорские ходжи, объединившие под своей властью почти всю страну и ставившие вопрос о газавате — священной войне против неверных, призванной обеспечить независимость страны.

Чтобы достигнуть успехов с наименьшими затратами, манчжуры, естественно, должны были расколоть противостоящий им лагерь мусульман Восточного Туркестана, раздробить их силы. Сделать это было не так трудно, так как среди кажущихся сплоченными рядов поборников Ислама была глубокая трещина. Если белогорские ходжи были изгнаны, то остались их многочисленные последователи — об этом нам сообщают источники. Следовательно, посылая Бурхан-ад-Дина с небольшим отрядом, цинское правительство рассчитывало чужими руками овладеть страной. Однако оно не учло одного обстоятельства: победа белогорцев

еще не приводила к господству Китая над Восточным Туркестаном, наоборот, она (победа) предопределяла новую борьбу Восточного Туркестана с Цинской империей, ибо после уничтожения черногорцев национальный лагерь (туркестанский) был относительно монолитен и это облегчало борьбу за независимость. Вернемся однако к фактам.

Китайские и местные источники сообщают о событиях 1755—1756 гг. по-разному. Так, первые (китайские) совершенно не говорят о внутренней борьбе в Восточном Туркестане после захвата манчжурами Джунгарии и посылки с отрядом манчжуро-китайских войск Бурхан-ад-Дина,[1] ограничиваясь лишь сообщением, что летом 1755 г., когда цинская армия разгромила Даваци и покорила Джунгарию, освободив братьев ходжей,[2] старший — Бурхан-ад-Дин в сопровождении войск был отправлен в Яркенд для управления страной, а младший оставлен в Или чтобы управлять туркестанцами, там находившимися.[3]

Дальше указывается, что в момент мятежа Амурсаны (1756 г.) второй ходжа, младший брат, самовольно бежал на родину и соединившись с Бурхан-ад-Дином поднял восстание против Цинской империи.

По местным источникам дело обстояло значительно сложнее. В сокращенном виде рассказ Мухаммед Садыка рисует следующую картину.

---

[1] Китайские источники транскрибируют это имя по-разному:

а) Буладунь, 布拉敦. СЮВЦзЛ, гл. 6; ЦДСЦШЛ, гл. 3.

б) Болониду, 波羅泥都. ЦДСЦШЛ, гл. 3;

в) Буланидунь, 布拉尼墩. ХЦЧж, гл. 4;

г) Бунадунь, 布那敦. ШУЦз, гл. 4.

В европейской литературе Бурхан-ад-Дин фигурирует также под именем Джаган ходжи. См. Magasin Asiatique, 1826, v-II, p. 194.

[2] Младшего брата звали Хан ходжой или Хан ходжамом; китайские источники дают следующую транскрипцию его имени:

а) Хоцзичжань, 霍集占. СЮВЦзЛ, гл. 6; ЦДСЦШЛ, гл. 3; ШУЦз гл. 4;

б) Хэцзичжань, 和集占. ХЦЧж, гл. 4.

[3] ШУЦз, гл. 4, стр. 18 г; ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 5; этот источник говорит об отправлении старшего ходжи в Кашгар, а не в Яркенд.

Амурсана, добившийся с помощью манчжуров свержения Даваци, стремился к охвату своим влиянием Восточного Туркестана, в течение нескольких лет не платившего дани джунгарским ханам и, как мы знаем, при джунгарском хане Даваци, боровшегося с Джунгарией за независимость. Послать большое войско Амурсана не мог. Тогда на сцену выступают известные уже нам хаким беки ушский — Ходис и аксусский — Абдул Вахаб, теперь действующие на стороне Амурсаны и Цинов. Эти беки посоветовали использовать находящихся в Или сыновей ходжи Ахмеда Бурхан-ад-Дина и Хан ходжу. Их совет заключался в следующем: если, скажем, послать одного из этих ходжей с охраной в Кашгар и объявить, что он назначается от имени китайского императора правителем Кашгарии, то жители встретят его с радостью и страна подчинится ему, так как во многих городах имеются последователи белогорских ходжей.[1]

Из рассказа Мухаммед Садыка можно заключить, что речь шла не о стремлениях Амурсаны подчинить Восточный Туркестан — мы знаем что Амурсана играл подчиненную роль, — а о последовательной политике Цинской империи, которая, покорив Джунгарию с помощью Амурсаны, теперь протягивала руку к Восточному Туркестану, пытаясь использовать белогорских ходжей. Это подтверждают дальнейшие события.

Бурхан-ад-Дин был послан с небольшим отрядом китайских, ойратских и туркестанских войск[2] в Аксу, где был принят с радостью населением.[3] Из Аксу направился в Уш. Когда в Яркенде узнали о прибытии в Аксу Бурхан-ад-Дина с войсками, начались приготовления к борьбе. Ходжа Юсуф был в это время болен и находился в Яркенде, фактически не принимая участия в управлении. Он всячески возражал против наступления на Аксу, указывая, что киргизы, поддерживающие черногорских ходжей, ненадежны и что неизбежно поражение при посылке войск.

[1] The History of the Khojas, pp. 49—50. Валиханов. Соч., стр. 116.

[2] У Р. Шоу сказано, что отряд состоял из китайцев, калмыков и горцев (hillmen). The History of the Khojas, p. 50. Валиханов говорит об ойратах, туркестанцах и китайцах. Соч., стр. 116.

[3] The History of the Khojas, p. 50.

Вопреки его советам из Яркенда против Бурхан-ад-Дина была отправлена армия под начальством ходжи Яхьи.[1] В Янгишаре к армии присоединились киргизы и отсюда через Артыш объединенные силы направились в Уш. Через два дня после отбытия армии из Яркенда умер Юсуф ходжа. Ему наследовал ходжа Джеган (в Яркенде), по приказу которого сын Юсуфа Абдуллах был назначен правителем Кашгара.[2] Абдуллах в помощь яркендскому ополчению послал войска, собранные в Кашгаре, под командой своего брата Мумина,[3] которые (войска) догнали ходжу Яхью в Бешкереми[4] и отсюда вместе направились через Аксай[5] и Какшал[6] в Уш.

Силы Бурхан-ад-Дина бызи незначительны по сравнению с силами его противников.

При нем находились правители[7] Аксу, Уша, Куча,[8] Сайрама,[9] долонский бек и киргизские начальники.[10] Кроме того, с Бурхан-ад-Дином находились, повидимому, перебежавшие из Кашгара Шира Мухаммед Эмин бек, его сын Абдрахман бек, Юсуф бек, его брат Абду Саттар бек; Муса бек, сын Худаяр бека (казненного) Мухаммед Эминь бек. Из Яркенда: Мир Нияз бек, хаким из Каргалыка,[11] его сын Мир Аваз бек, Даулет ходжа; младший брат Аксусского хакима Абдул Вахаба — Омар

---

1 По Шоу, излагающему Мухаммед Садыка, ходжа Яхья — брат Юсуфа ходжи. The History of the Khojas, p. 50. Валиханов указывает, что Яхья — старший сын Джегана, следовательно племянник Юсуфа. Соч., стр. 117. Гартман также указывает, что Яхья сын ходжи Джегана. См. его генеалогическую таблицу — Der Islamische orient., S. 341.

2 The History of the Khojas p. 50. Ср. Валиханов. Соч., стр. 117.

3 Валиханов называет его Мулином, вместо Мумина. Соч., стр. 117.

4 Бешкерем, или Бишкерим — селение в 12 верстах от Кашгара на северо-восток, между рр. Артышем и Тюменью. Валиханов. Соч., стр. 102.

5 Река.

6 Р. Какшал, приток Аксу-дарьи.

7 Хаким беки, градоначальники.

8 Кучаским хаким беком был Алла-Кули. Hartmann, ibid., S. 259.

9 Сайрам — город в округе Аксу, находится в 245 верстах на восток от города Аксу. Валиханов. Соч., стр 106. Сайрамским хакимом был Мухаммед Ярбек. Hartmann, ibid., S. 259.

10 The History of the Khojas, p. 50.

11 Каргалык — селение в Яркендском округе, на р. Тызнабу.

бек, его сын Абд-ус-Саттар бек; Абд-ул-халик бек и все беки из Аксу; сын ушского хакима ходжи Сыбека (Ходиса) Музафар бек; ушский ишик ага — Шарет бек. Кроме хакима Долонского были долонские беки — Рахман Кули бек, Ферман-кули бек и Абд-ур-Рахим бек.[1]

Этот неполный перечень влиятельных лиц из городов, находящихся во владении черногорских ходжей, говорит о том, что в рядах последних не было единства и готовилась измена. Что касается вооруженной силы, то здесь (у Бурхан-ад Дина) находились тысяча человек ойратов под командой Данчин зайсана и четыреста человек китайских войск во главе с Турунтаем,[2] кроме этого были вооруженные туркестанцы.[3]

Мухаммед Садык рассказывает дальше, что ходжа Яхья, возглавлявший яркендское ополчение, осадил город Уш и послал депутацию к Бурхан-ад-Дину с предложением прекратить взаимную вражду, призывая бороться с Амурсаной и манчжурами. Бурхан-ад-Дин, отклонив это предложение, потребовал покорности, заявив, что он назначен правителем манчжурским богдыханом и Амурсаной и посоветовал кашгарским ходжам просить прощения у его покровителей.[4] В последующем сражении киргизы и значительная часть беков с подчиненными им войсками перешли на сторону Бурхан-ад-Дина. Черногорские ходжи вынуждены были бежать в Кашгар. Вскоре Бурхан-ад-Дин, встречая поддержку, выступил в Кашгар. Здесь он был встречен жителями, отказавшимися поддерживать черногорских ходжей. Последним пришлось бежать в Яркенд.

Осада Яркенда сначала не дала никаких результатов белогорским ходжам благодаря стойкой защите города яркендскими

---

[1] Hartmann, ibid., S. 259.

[2] 託倫泰, Толунтай, занимавший должность ши-вэя, 侍衛, о котором китайские источники говорят, что он был послан в Восточный Туркестан для установления налогов, но миссии своей не мог выполнить в связи с восстанием Хана ходжи (Хоцзичжана).

[3] Валиханов указывает, что было 5000 туркестанцев из Куча, Аксу и Турфана. Соч., стр. 116.

[4] The History of the Khojas, p. 51. Валиханов. Соч., стр. 118.

жителями, среди которых черногорские ходжи, как мы знаем, издавна имели большое влияние.

Однако, если не удалось взять Яркенд извне прямым ударом, то путем подкупа, предательств, взрыва изнутри, пала цитадель черногорских ходжей. Гази-бек, хаким города, и Нияз ишик ага, находясь в городе вели тайные переговоры с Бурхан-ад-Дином о сдаче Яркенда. В одну из вылазок Гази бек, по словам Мухаммед Садыка, возглавляя 40 000 отряд яркендцев, в решающий момент боя посеял панику в рядах своих войск, бросившись бежать. Это сражение решило участь Яркенда. Армия защитников города была разбита. Через некоторое время черногорские ходжи, находившиеся в Яркенде, решили оставить город и удалиться в горы.

После их бегства город был сдан Гази-беком Бурхан-ад-Дину, который послал отряд в пятьсот человек для преследования беглецов. Последние были настигнуты киргизами при переправе через Заравшан (р. Яркенд), разоружены и доставлены в Яркенд, где вскоре были казнены.[1]

Из тысячи человек спаслись только Абдулах, сопровождавшийся ходжей Назаром, Тохта ходжой, сыном Сабир Керек Ярага, и Мирзой Хайдар ханом, сыном Шихаб-уд-дин бакавула.[2]

Так кончилась вековая борьба между черногорскими и белогорскими ходжами. Восторжествовали последние, уничтожив почти весь род черногорцев. Однако, как я неоднократно указывал, за спиной победителей стояли манчжуры, вскоре напомнившие о своих правах на Восточный Туркестан. Марионетки (Бурхан-ад-Дин и его сторонники) в руках Цинов попробовали было освободиться от своих «покровителей» — манчжуров, но это стоило им дорого. Они также, как черногорские ходжи,

---

[1] Валиханов. Соч., стр. 120. The History of the Khojas, pp. 56—57. Здесь не указывается, что они были доставлены в Яркенд, а сообщается, что их отделили друг от друга и впоследствии они никогда больше не видели друг друга.

[2] Hartmann. Der Islamische Orient, S. 284. Валиханов говорит, что спасся Назар ходжа с двумя товарищами. Соч., стр. 120.

В The History of the Khojas указывается, что спасся Абдуллах с двумя сыновьями. См. p. 56.

поплатились почти всем своим родом. Страна же, ими представляемая, была окончательно покорена чужеземцами. Об этом в нескольких словах ниже.

Окончательный разгром черногорских ходжей и захват Восточного Туркестана Бурхан-ад-Дином при поддержке ойратских и манчжурских (китайских) войск, повидимому, относится к концу 1755 г. или к началу 1756 г., так как, по рассказу кашгарского автора (Мухаммед Садыка), Бурхан-ад-Дин выступает от имени Амурсаны и манчжурского императора и, следовательно, Амурсана еще не изменил последнему, а из китайских источников нам известно, что восстание Амурсаны против Цинского дома относится к октябрю 1755 г.[1]

Возможно, однако, и такое положение, что Бурхан-ад-Дин был послан с отрядом еще до восстания Амурсаны (в августе — сентябре 1755 г.), а закончилась борьба белогорских и черногорских ходжей к началу или в период наибольшего подъема восстания Амурсаны, т. е. в 1756 г.

Следовательно период пребывания у власти в Восточном Туркестане белогорских ходжей измеряется тремя-четырьмя годами, из которых два года (1758—1759) проходят в борьбе с Китаем.

Подготовка к войне белогорских ходжей с манчжурами относится к 1756—1757 гг., в период борьбы Амурсаны с Цинской империей, когда по сообщению китайских источников, младший брат Хан ходжа помогал Амурсану бороться с тайджи и зайсанами, преданными манчжурскому правительству.[2] После поражения и бегства Амурсаны к киргиз-казахам Хан ходжа, опасаясь, повидимому, репрессий со стороны цинского правительства, бежит в Яркенд и поднимает туркестанцев на борьбу с манчжурами. К этому времени относится отправление из Или шивэя[3] Турунтая[4] для определения налогов и дани в Восточном Турке-

---

1 11 октября Амурсана напал на Или. ЦШГ, 6цз., 11, стр. 25 v.

2 ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 5rv; ШУЦз, гл. 4, стр. 18 r.

3 侍衛

4 託倫泰, толуньтай.

стане. Миссия его, по лаконическому замечанию китайского источника, не увенчалась успехом.[1]

Вслед за этим, для выяснения обстоятельств бегства Хана ходжи и для мирного урегулирования назревающего конфликта, командующий войсками Чжао Хуй[2] командирует фудутуна Аминьту,[3] после представления императору доклада 3 декабря 1766 г.[4] Аминьту отправляется в город Куча в сопровождении перешедшего к манчжурам Одуя (Авдея), хаким-бека города Куча.[5] Аминьту с сотней манчжурских солдат был заманен в Кучу и убит повстанцами.[6] Это убийство относится к 2 июля 1757 г.[7]

После этого, по сообщению источников, Хан ходжа и Бурхан-ад-Дин открыто восстали, подняв все города против Цинской империи.[8] Активное выступление ходжей я датирую июлем — августом 1757 г. Несмотря на убийство официального представителя цинского правительства, последнее — до 1758 г. не принимает мер к усмирению Хана ходжи, что можно объяснить связанностью манчжурской армии в Джунгарии, где еще происходили бои. Об этом сообщает императорский указ от 2 июля 1757 г., опубликованный в ответ на донесение Цэн-гун джаба[9]

---

[1] ШУЦз, там же, стр. 18.

[2] 兆惠

[3] 阿敏圖, Аминьту, — по ШУЦз, гл. 4, стр. 18 v; по ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 5 v — Аминьдао.

[4] 12-й день десятой луны, 21 года правления императора Цяньлуна. ЦШГ, бцз., 12, стр. 3 г.

[5] 鄂對, Одуй. Иакинф называет его Авдеем. См. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, стр. 168.

Из «Истории Цинов» узнаем, что Одуй перешел на сторону Китая 22 августа 1756 г. ЦШГ, бцз., 12, стр. 3г.

[6] ЦДСЦШЛ гл. 3, стр. 5; ШУЦз, гл. 4, стр. 19; СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 3. Интересно отметить что последние два источника сообщают о том, что Аминьту был послан с войсками (100 человек манчжур, 2000 монголов и 1000 человек туркестанцев из числа приведенных Одуем и другими беками) под предлогом сбора продовольствия и фуража.

[7] ЦШГ, бцз., 12, стр. 5 v.

[8] ЦДСЦШЛ, там же, стр. 5.

[9] 成袞扎布, Чэн гунь чжа бу.

о выступлении Хана ходжи и убийстве фудутуна Аминьдао. Указ не одобряет предложения Цэн-гун джаба послать войска в Восточный Туркестан по прибытии главных сил в Или, предлагая воздержаться от военных действий против ходжей до тех пор пока не пойман Амурсана и окончательно не усмирена Джунгария.[1]

Надо отметить, что из некоторых намеков источников можно сделать заключение о колебаниях Бурхан-ад-Дина, который первое время, повидимому, не решался выступить против Цинов. Об этом свидетельствует указ императора Цяньлуна от 3 февраля 1758 г.,[2] в котором сообщается, что убийство правительственных чиновников, посланных в Восточный Туркестан, и организация сопротивления манчжурской армии — дело рук Хан ходжи. Что касается Бурхан-ад-Дина, — то он стремился жить в мире и по принуждению выступил против манчжуров. Там же указывается, что цинская армия направляется для наказания Хана ходжи за его преступления, а Бурхан-ад-Дину представляется возможность не только искупить свою вину, но и получить награду, если он схватит своего брата (Хан ходжу) и выдаст его манчжурским войскам. Чжао Хуй'ю и Ярхашаню[3] предписывалось опубликовать вышеизложенное решение императора в отношении Бурхан-ад-Дина и Хан ходжи и одновременно отправить военные силы против Восточного Туркестана.[4]

Кроме указания первоисточника — императорского указа, мы имеем свидетельства других источников относительно нерешительности Бурхан-ад-Дина или его нежелания—в силу безнадежности — бороться с Цинской империей. Так, авторы Вей Юань и Чунь Юань сообщают, что, как только младший ходжа

---

[1] ДХСЛ, гл. 16, стр. 18^{v} —19 ^{r}.

[2] 22-й год, 12-я луна, 25-й день. (癸未).

[3] 雅爾哈善, Ярхашань был назначен в конце 1757 г., когда Чжао Хуй был занят подавлением восстания ойратов в Или, «командующим армией по усмирению мятежников» 靖邊將軍. Цин ни цзян цзюнь.

[4] ДХСЛ, гл. 16 стр. 51—52.

бежал в Яркенд,[1] он и Бурхан-ад-Дин обсуждали вопросы о дальнейшей судьбе Восточного Туркестана, его управлении; причем, по сообщениям источников, Бурхан-ад-Дин желал собрать всех подчиненных (повидимому, хакимов городов. *Л. Д.*) и ожидать императорского указа с тем, чтобы подчиниться контролю Цинов.[2] Хан ходжа, напротив, настаивал на создании независимого государства и призывал к борьбе с манчжурами,[3] необходимость которой (борьбы) он мотивировал следующим образом:

«Если подчиниться решениям двора (цинского) — то одного из нас обязательно оставят заложником в столице, как это было при джунгарах. Наши предки из-за этого из поколения в поколение подчинялись другим. Ныне к счастью сильные соседи (т. е. ойраты. *Л. Д.*) уничтожены и нет ничего, что бы препятствовало (добиваться своей цели. *Л. Д.*). Если не использовать этот момент, (чтобы) создать независимое государство, тогда надолго будем рабами других.

Учтем и то обстоятельство, что поскольку Китай только что (вновь) захватил Джунгарию и еще не усмирил восстание, войска не смогут притти, а если и придут, то мы окажем им сопротивление, защитив важные пункты. Лишив (манчжурские войска) снабжения (продовольствия, фуража), можно не сражаясь одержать победу».[4]

По указанию китайских авторов, точка зрения Хана ходжи восторжествовала и вскоре после совещания ходжей по городам и селам были разосланы обращения с призывом готовиться

---

[1] ШУЦз, гл. 4, стр. 18; по СЮВЦзЛ — гл. 6, стр. 1^{v} — оба ходжи вернулись в Яркенд вместе.

[2] 大和卓木欲集所部聽天朝指揮受約束. ШУЦз, гл. 4, стр. 18^{v}. У Чунь Юаня это сказано в иной редакции: 布拉敦欲集各城聽候大皇帝諭旨, СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 1^{v}.

[3] ШУЦз, гл. 4, стр. 18^{v}; СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 1^{v}.

[4] ШУЦз, гл. 4, стр. 18^{v}. Почти в этой же редакции говорится и в СЮВЦзЛ, гл. 6, стр 1—2; ср. Иакинф «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. 167—168. Мне кажется, что автор ШУЦз в данном случае, как и во многих других, почти целиком пересказывает более раннего автора СЮВЦзЛ. Однако у Вэй Юаня (автора ШУЦз) в цитированной главе привлекаются и другие материалы, отсутствующие в СЮВЦзЛ.

к борьбе, заготовлять оружие, лошадей и съестные припасы.[1] При этом один из авторов указывает, что все дела решались Хан ходжей.[2]

По ходу рассуждения другого автора можно заключить, что Хан ходжа провозгласил себя даже Батур-ханом.[3] Из этих указаний источников напрашивается вывод:

а) Хан ходжа, повидимому, пользовался большим влиянием в Восточном Туркестане несмотря на то, что он появился там позднее своего брата Бурхан-ад-Дина, который к этому времени был единственным правителем, избранным с одобрения цинского правительства после разгрома черногорских ходжей;

б) весь Восточный Туркестан с появлением Хан ходжи был поделен между двумя братьями ходжами.

Однако этим не исчерпывалось соотношение сил в правящем классе. Была еще одна группа феодалов, стоявших у власти, которая противостояла первым двум. Ее представителями были хакимы городов Куча — Одуй, его сын Осман;[4] Байчэна — Кайдамат,[5] его сын Абдурман;[6] житель Аксу-Сати-берди,[7] его младший брат Акбек.[8] К ним можно еще присоединить хакимбека г. Уша — Ходиса.

Эта группа, как было указано выше, в период борьбы Бурхан-ад-Дина с черногорскими ходжами поддерживала первого.

---

[1] ШУЦз, гл. 4, стр. 18^{v}; СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 2.

[2] СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 2^{v}.

[3] ШУЦз, гл. 4, стр. 18^{v}. Здесь — после приводившейся мною тирады Хан ходжи следует фраза: 計既決集其伯克阿渾等自立爲巴圖爾汗, последние слова которой, повидимому, относятся к Хан ходже.

[4] 鄂斯滿, Осымань. Впоследствии, после смерти отца, Осман был хакимом в городе Аксу, а затем в Кашгаре. МХВГБЧж, гл. 118, стр. 8.

[5] 噶達墨特, Гэдамотэ.

[6] 阿布都爾滿, Абудуэрмань. Абд-ур-Рахман.

[7] 色提巴爾第, Сатибаэрди.

[8] 阿克伯克, Акэ бокэ. Иакинф называет его Тохто-сопи, хотя в тексте приводится указанная нами транскрипция. См. Описание Чжунгарии и Вост. Турк., стр. 168.

В связи с восстанием двух братьев ходжей представители третьей группы выступают против ходжей, соединившись с манчжурами.

Борьбу ушских, аксусских и кучаских феодалов с Бурхан-ад-Дином и Хан ходжей нельзя объяснять так, как это делает проф. Григорьев, указывающий, что здесь опять имеет место антагонизм между белогорцами и черногорцами. Свое положение Григорьев пытается подкрепить ссылкой на китайского автора,[1] который ему был недоступен и о рассказе которого он мог знать только по переводу Иакинфа. Кстати сказать, Иакинф ни слова не говорит о том, что перечисленные беки-феодалы принадлежали к черногорской группировке, так как источник об этом также не упоминает.[2] Таким образом — все сказанное Григорьевым есть плод его собственной фантазии и это характеризует научную добросовестность данного автора, который, в угоду заранее принятой в основе исследования схеме, сознательно искажает показания источника.

Конечно, легче всего было бы объяснить все классовые противоречия в Восточном Туркестане борьбой белогорских и черногорских ходжей, но это означало бы полное пренебрежение фактами, а подчас и искажение их.

Нужно здесь еще отметить, что феодалы, о которых идет речь, в частности ушский хаким бек Ходис, не могли быть черногорцами хотя бы потому, что в период ожесточенной борьбы между последними и белогорскими ходжами — они (Ходис и др.) поддерживали Бурхан-ад-Дина — белогорца. Я склонен думать, что третья группа господствующего класса, охватывающая значительно большее количество представителей феодальной знати, чем это было указано здесь, отстаивала интересы феодалов восточных городов (Уша, Куча, Аксу, Байчэна), сохранявших в той или иной мере свою независимость от посягательств единовластных ханов Восточного Туркестана в течение, по

---

[1] Григорьев В. В. Восточный Туркестан, II, стр. 393.

[2] Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, стр. 168—169. СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 2[г].

крайней мере, последних двух столетий, предшествовавших разбираемым событиям.

Эти города, в силу своего географического расположения, обычно находились больше под влиянием соседних государств, чем кашгарских и яркендских ханов или ходжей. Так было в период господства ойратов в Джунгарии, такое же положение наблюдалось и в середине XVIII в., когда Цинская империя, разгромив Ойратско-Джунгарское царство, устремилась в Восточный Туркестан.

Первыми, кто вступил в подданство Китая и затем активно боролся с претендентами на ханский престол всего Восточного Туркестана, были правители — хаким беки указанных городов.

Такой помощью манчжурам, возможно, эти хаким беки и их сторонники стремились сохранить свое влияние в управляемых ими городах, а главное — гарантировать неприкосновенность своих земельных владений, которые, по всей вероятности, были бы конфискованы в случае победы Бурхан-ад-Дина и Хан ходжи. Могли быть и другие соображения, о которых мы узнаем из китайского источника. Но они касаются ушского хаким бека Ходжи Сыбека (Ходиса). Ходис, как мы знаем, имел заслуги перед манчжурами, выдав им Даваци, последнего джунгарского хана. В дальнейшем он посылается вместе с Бурхан-ад-Дином для усмирения Яркенда и других городов,[1] но, оказывается, поддержка им Бурхан-ад-Дина была продиктована стремлением захватить власть в Восточном Туркестане в свои руки.

Составители биографии Ходиса отмечают, что он лично обращался к Амурсане, когда тот был назначен помощником командующего манчжурской армией в Джунгарии, с просьбой назначить его, Ходиса, правителем всего Восточного Туркестана, по усмирении Яркенда и Кашгара, т. е. после уничтожения черногорских ходжей. Об этих помыслах Ходиса сообщал в секретном донесении генерал Бань Ди.[2]

---

[1] МХВГБЧж, гл. 116, стр. 2^{r}.

[2] МХВГБЧж, там же стр. 2^{r-v}. Приведу выдержку из источника по поводу изложенного: (слева направо) 將軍班第遵旨遣霍集斯偕

Ходис был ловким политиком, часто менявшим ориентацию в зависимости от условий. Поэтому мне кажется вполне правдоподобным указанием источника о целях Ходиса. Весьма возможно, что переход Ходиса на сторону Цинов диктовался теми же соображениями. Не менее интересно и другое указание использованного выше китайского источника. Это указание проливает свет на внутренние противоречия в среде феодальной знати Восточного Туркестана.

Здесь отмечается, что, когда Бурхан-ад-Дин только-что вернулся из Или, где он был в заточении у ойратов, он ценил Ходиса и его старшего брата Абду бека,[1] предоставив им должности.

По возвращении — Хан ходжа, опасаясь усиления рода Ходиса, расселил в разных городах его сыновей и братьев, назначив Ходиса беком в Хотане, его старшего сына Музафара[2] беком в Уше, брата Абдубека — яркендским беком; другого сына Абусатара[3] — беком в Аксу.[4]

Такое распыление семьи Ходиса вряд ли достигало цели. Наоборот, мне кажется, этим шагом Хан ходжа ослабил свои позиции в других городах, кроме Уша, что проявилось в период борьбы с манчжурами, когда, повидимому, не без содействия родственников Ходиса, манчжурам были сданы некоторые города.

Таковы, повидимому, далеко не все, внутренние противоречия в среде господствовавшего в Восточном Туркестане класса феодалов-землевладельцев, составлявших одновременно ряды

布拉呢敦。歸撫葉爾羌諸城。而霍集斯私謁副將軍阿睦爾撒納。請俟葉爾羌°ᵖ喀什ᵖ葛爾就撫。以已爲回部長。班第密疏劾之。

[1] 阿卜都伯克, Абу ду бо кэ, вероятно, Абдул бек.

[2] 漠哈帕爾, Мо цзань па эр

[3] 阿布薩塔爾, Абу са тар.

[4] МХВГБЧж., гл. 116, стр. 4.

феодальной бюрократии, непосредственно управлявшей государством.

Естественно, что эти противоречия углублялись и обострялись общими противоречиями феодального строя Восточного Туркестана, антагонизмом между классом землевладельцев-феодалов в целом и его антиподом — крепостным крестьянством.

Этот антагонизм разрешался не только бегством крестьян в результате чрезмерной эксплоатации при господстве Хана ходжи и Бурхан-ад-Дина, как об этом сообщает китайский источник,[1] но, повидимому, и в активной борьбе крепостных с помещиками, о которой к сожалению мы не имеем для данного периода точных сведений.

В этих условиях, когда действовали центробежные силы внутри государства, приходилось бороться Бурхан-ад-Дину и Хан ходже с манчжурами.

Несмотря на упорное сопротивление сил, поддерживавших Бурхан-ад-Дина и Хан ходжу в их борьбе с Цинской империей, участь Восточного Туркестана была предрешена.

Китай, разгромив более сильное государство — ойратское ханство, теперь мог без сравнительно больших затрат подчинить и феодальное теократическое государство в Восточном Туркестане, разъедаемое внутренними противоречиями, ослабленное борьбой различных групп господствующего класса. И все же Цинской империи пришлось вести войну с Восточным Туркестаном, обычно именуемую китайскими источниками мятежом двух ходжей, в течение двух лет — с конца 1757 г. до начала 1760 г.

В 12-ю луну 1757 г. — по китайскому летоисчислению[2] Чжао Хуй'ю и Фу Дэ[3] предписывается отправить в следующем, 1758 г., войска в Восточный Туркестан. В по-

---

[1] ХЦЧж., гл.4, стр 1[v].

[2] 25-й день 12-й луны, 22-го года правления императора Цяньлуна, что соответствует 3 февраля 1758 г.

[3] 富德, Фу Дэ.

мощь им назначается Эминь ходжа[1] в качестве цаньцзань дачэня.[2]

Весной 1758 г. отправлен 10 000 отряд манчжурских и китайских войск во главе с генералом Ярхашанем.[3] Его сопровождает хаким бек города Куча Одуй. В июне (5-я луна 1758 г.) китайско-манчжурские войска осаждают город Куча. Осада длится около двух месяцев. Благодаря халатности Ярхашаня, не принявшего мер, по совету Одуя, к прегражденню путей отступления из Кучи осажденным, Хану ходже удается бежать с активным защитником города хаким беком Абду-Керимом и с 400 всадников на запад.[4]

В августе месяце (7-я луна) цинские войска захватили г. Куча. К этому же времени добровольно сдают города: Шаяр — бек Ухамоди,[5] Сайрам — бек Агуасыбокай.[6] Ярхашань наказывается за то, что упустил ходжей при осаде города Куча; на его место назначается Чжао Хуй,[7] до этого занятый окончательным усмирением Джунгарии.

Из Кучи Хан ходжа отступает в Аксу, где по его приказанию должен был находиться хотанский хаким бек Ходис, вынужденный подчиняться ходжам и искавший удобного случая перейти на сторону манчжуров. В Аксу ходжам попасть не удалось, так как город оказался закрытым. Такая же участь ожидала отступавших и в г. Уше, куда также, по указаниям

---

[1] 額敏和卓 Турфанский правитель, впоследствии получивший за свои заслуги перед Цинской империей звание князя второй степени, цзюнь вана.

[2] ДХСЛ, гл. 16, стр. 51ᵛ. По данным «Истории Цинов», Ярхашань, Эминь ходжа, Ханин Э, Шунь дэна, Айлун Э и Юсуп 5 марта 1758 г. (26-й день 1-й луны, 23-го года правления Цяньлуна) были назначены для усмирения Восточного Туркестана. ЦШГ, бцз. 12, стр. 6ᵛ.

[3] 雅爾哈善, Яэрхашань.

[4] ШУЦз, гл. 4, стр. 19; ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 5; СЮВЦзЛ, гл. 6, стр. 3—4.

[5] 烏哈墨第

[6] 阿瓜斯伯凱

[7] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 6. По данным «Истории Цинов», Чжао Хуй отправился в г. Куча 24 августа 1758 г. ЦШГ, бцз, 12, стр. 7ᵛ.

Ходиса, повстанцев не пустили. Вскоре, в октябре, эти города были сданы манчжурам.[1]

Хан-ходжа отступил в Яркенд, Бурхан-ад-Дин в Кашгар. В ноябре 1758 г. цинская армия под командой Чжао Хуй'я подступила к Яркенду, где заперся Хан ходжа, укрепивший подступы к городу. Осада Яркенда продолжалась больше трех месяцев и кончилась поражением цинских войск. Первое поражение армия Чжао Хуй'я понесла в местности Тонгуслук,[2] где были убиты генерал Гао Тянь си,[3] фудутун Сань Гэ[4] и др.[5]

Китайско-манчжурская армия была осаждена повстанцами на Черной речке (Кара-усу, Хэй-шуй), на востоке от г. Яркенда. Только благодаря прибытию свежих подкреплений во главе с генералом Фу Дэ Чжао Хуй'ю удалось избегнуть полного разгрома.

Соединенная армия Чжао Хуй'я и Фу Дэ после безуспешной осады Яркенда, понеся потери, вернулась в Аксу. Это было в марте 1759 г.[6] К этому времени (14 числа 1-й луны, 24-го г. Цяньлуна) Бурхан-ад-Дин прибыл в Яркенд на помощь Хан ходже.

Одновременно с осадой Яркенда проводилось наступление на Хотан, который защищался Абду Керимом,[7] соратником Хана ходжи.

Со стороны манчжуров под Хотаном оперировал Цэрэнджаб,[8] Габуш[9] и туркестанец Одуй. Им удалось, примерно, в апреле—

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 6; ШУЦз, гл. 4, стр. 20. «История Цинов» сообщает, что Уш был сдан манчжурам 30 октября 1758 г. До этого, 28 октября, Ходис перешел на сторону Цинов. ЦШГ, бцз, 12, стр. 8г.

[2] 通古思魯克, Тунгусылукэ.

[3] 高天喜, Гао Тянь си, командир бригады, 總兵, цзун бин.

[4] 三格

[5] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 7; ШУЦз, гл. 4, стр. 21.

[6] Армия Фу Дэ соединилась с войсками Чжао Хуй'я 16 марта 1759 г. ЦШГ, бцз, 12, стр. 8в.

[7] 阿布都克里木, Абу ду кэ ли му.

[8] 齊凌札布, Ци лин чжа бу, занимал должность шивэя.

[9] 噶布舒, Габушу, тоже шивэй.

мае 1759 г. захватить в Хотанском округе города Ильчи,[1] Карахаш[2] и Юрунгкаш.[3] В мае—июне-месяце в Хотан были посланы подкрепления китайско-манчжурской армии, осаждавшей город под командованием двух фудутунов[4] Батуцзира[5] и Харкура.[6]

В последовавших затем боях у повстанцев были убиты их руководители Абду-Халик[7] и Ходжи Яс.[8] Вслед за этим цинские войска захватили Хотан.[9] В июле-месяце (6-я луна 24-го года правления Цяньлуна) объединенные силы цинской армии в составе китайцев, манчжуров и монголов выступили из Аксу двумя колоннами по 15 000 в каждой. Одна колонна под командой Чжао Хуй'я наступала через Уш на Кашгар, другая, возглавляемая Фу Дэ, через Хотан на Яркенд.[10]

Бурхан-ад-Дин, помогавший Хану-ходже при первой осаде Яркенда, вернулся в Кашгар, откуда бежал в горы на запад, захватив людей и скот.[11] Кашгар был взят в конце августа 1759 г. Такая же участь постигла и Яркенд, откуда Хан ходже также пришлось бежать.[12] Яркенд был сдан беками, прежде поддерживавшими ходжей, примерно в то же время.[13]

С потерей этих городов белогорские ходжи лишились территориальной базы и поддержки масс. Еще до сдачи Кашгара

---

[1] 伊里齊, Илици.

[2] 哈喇哈什, Ха ла ха ши.

[3] 玉隴哈什, Юй лун ха ши.

[4] 副都統, фудутун — помощник командира дивизии.

[5] 巴圖濟爾, Ба ту цзи эр.

[6] 哈爾瑚爾, Ха эр ху эр.

[7] 阿布都海里克, Абу ду хай ли кэ.

[8] 霍集雅斯, Хо цзи я сы.

[9] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 8.

[10] Там же, стр. 8^{v}; ШУЦз, гл. 4, стр. 22^{v}.

[11] Бурхан-ад-Дин оставил Кашгар 14 августа 1759 г. ЦШГ, бцз. 12, стр. 9^{v}.

[12] Хан ходжа бежал из Яркенда 18 августа 1759 г. ЦШГ, бцз, 12, стр. 9^{v}.

[13] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 8—9; ШУЦз, гл. 4, стр. 22^{v}. По данным «Истории Цинов», 23 августа 1759 г. Чжао Хуй сообщал о взятии Кашгара и Яркенда. ЦШГ, бцз, 12, стр. 9^{v}.

и Яркенда многие беки, представители феодальной знати, раньше поддерживавшие Бурхан-ад-Дина и Хан ходжу, собирались перейти на сторону манчжуров. Об этом мы узнаем из донесения Чжао Хуй'я от 17 августа 1759 г.[1] Другой источник отмечает, что Бурхан-ад-Дин и Хан ходжа были покинуты широкими массами населения и получали поддержку лишь со стороны прибывших с ними из Или туркестанцев, прежде находившихся там в ссылке у джунгаров вместе с братьями ходжами, и ойратов, составлявших личную охрану ходжей.

В этом, по мнению китайского автора, заключалась причина их гибели.[2]

Дальнейшие бои ведутся на подступах к границам Бадакшана, куда бежали ходжи в сопровождении нескольких тысяч человек. Несмотря на упорное сопротивление повстанцев и частичное поражение китайско-манчжурской армии в некоторых сражениях — повстанцы в конце концов были разбиты в горах Хошиджук,[3] у оз. Исиркура,[4] где захвачено было до 12 000 человек пленных и около 10 000 голов скота; Бурхан-ад-Дин и Хан ходжа бежали в Бадакшан, захватив с собой жен, детей и старых слуг около 300—400 человек.[5] Это было в октябре 1759 г.

Бадакшанский султан-шах встретил беглецов с боем, в рузультате которого ходжи были убиты. Фу Дэ, преследовавший ходжей до Бадакшана, потребовал выдачи их голов.

Тело Бурхан-ад-Дина, по сообщению источников, было кем-то похищено, поэтому манчжурам переслали только голову Хан ходжи.[6] И только в 1763 г. нашли труп Бурхан-ад-Дина и отправили вместе с женой и сыном ко двору.[7]

---

[1] ДХСЛ, гл. 18, стр. 13—14.

[2] ШУЦз, гл. 4, стр. 23[г].

[3] 和什珠克嶺, Хэ ши чжу кэ лин.

[4] 伊西洱庫爾淖爾, Иси эр ку эр нор. Нор-озеро, следовательно, озеро Исиркур.

[5] ШУЦз, гл. 4, стр. 24; ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 10.

[6] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 11; ШУЦз, гл. 4, стр. 24; ДХСЛ, гл. 19, стр. 1[г]. «История Цинов» сообщает, что 12 декабря Фу Дэ докладывал о представлении Бадахшанским султаном головы Хан ходжи. ЦШГ, бцз., 12, стр. 10-[в].

[7] ШУЦз, гл. 4, стр. 24.

К концу 1759 г. (ноябрь — декабрь) весь Восточный Туркестан был усмирен.

Из рода Апака (белогорцев) уцелел только один из сыновей Хана ходжи — Сарымсак.[1]

Так закончилась борьба могущественной феодальной Цинской империи с полунезависимым государством Восточного Туркестана. Китай расширил свою территорию за счет присоединения новых владений на западе — Джунгарии и Восточного Туркестана, превращенных с 1760 г. в провинцию Цинской империи, Синьцзян. С этого времени история этих двух стран неразрывно связана с развитием Китая.

Разгромом двух феодальных государств — Джунгарско-Ойратского ханства и теократического государства Восточного Туркестана — Цинская империя значительно усилила свое влияние на народы Средней Азии, отныне играя не малую роль в их истории. Кроме того, этим разгромом Китай добился: а) ликвидации «калмыцкой» опасности, уничтожив сильного соседа: б) прочного закрепления за собой Монголии и Тибета; в) укрепления своих позиций в Средней Азии, путем создания передового военного заслона на далеком западе; г) восстановления западных торговых путей; д) сохранения в безопасности северных торговых путей с Россией (через Монголию); е) приобретения огромной страны с значительными богатствами недр (золото, драгоценные камни, уголь, металл); ж) возможности эксплоатации покоренных народов и присвоения манчжуро-китайскими феодалами прибавочного продукта.

Последнему вопросу посвящается вторая часть нашей работы. Здесь мы должны будем проследить, какими путями шло экономическое освоение завоеванных стран, какие сдвиги, изменения произошли в общественном способе производства, что нового внесли завоеватели в производственные отношения этих стран, главным образом в аграрные отношения, в каких формах происходило присвоение прибавочного продукта или, иными словами

---

[1] В. Григорьев. Восточный Туркестан, II, стр. 438; Hartmann. Der Islamische Orient, S. 340.

говоря, какие формы принимала эксплоатация производительного населения — крестьянства.

Я сознательно исключаю из предмета исследования вопросы торговой политики цинского правительства в Синьцзяне, влияния торгового капитала на общественные отношения и т. д., так как эти проблемы на ряду с другими, входящими в круг экономического исследования, требуют особой, отдельной работы.

Прежде чем перейти к экономической части моей работы, я позволю себе кратко остановиться на описании политического аппарата, проводившего аграрную политику цинского правительства в Синьцзяне.

Глава III

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА

Выше отмечалось, что в Джунгарии, на месте прежних ойратских кочевий, были созданы города и округа, где определены начальствующие лица, управлявшие Джунгарией.

Что касается сосланных из Восточного Туркестана жителей различных городов, принимавших активное участие в борьбе с Цинской империей, то они поселились в Илийском округе и занимались обработкой государственных земель, причем управлялись чиновниками из туркестанцев — беками. Система управления туркестанским населением в Джунгарии по существу не отличается от местной административной системы управления в собственно Восточном Туркестане. Поэтому я даю подробное описание государственно-бюрократического аппарата только собственно Восточного Туркестана.

Весь Восточный Туркестан разделялся в административном отношении на шесть округов и два полусамостоятельных княжества. Округа суть следующие: 1) Кашгарский, 2) Яркендский, 3) Хотанский, 4) Аксуско-Ушский, 5) Кучаский и 6) Харашарский (Карашарский); княжества: 1) Турфанское и 2) Хамийское.

Для обеспечения контроля над всей страной высшая гражданская власть, как и военная, сосредоточивалась в руках манчжур. Во главе управления округами стояли манчжуро-китайские правители — баньшидачэнь, подчинявшиеся главно-управляющему собственно Восточного Туркестана, цаньцзань дачэню, который в свою очередь находился в подчинении у цзянцзюня.

Кроме того, в городах определялись, как и в Джунгарии, линдуй-дачэни по одному или по два[1] — в зависимости от значения того или иного города.

Однако, силами одной только китайской администрации держать страну в повиновении было невозможно. Сатрапы цинского правительства учли это обстоятельство и в ряде донесений императору требовали установления гражданской администрации в городах и деревнях из местных жителей. С одной стороны этим подчеркивалось, что Цинская монархия учитывает национальные интересы туркестанцев и тем самым достигалось, в известной степени, ослабление национальных противоречий. С другой стороны, посредством подкупа верхушечных феодальных слоев туркестанского населения, державших в повиновении трудящиеся массы, китайскому правительству удалось обуздать разноплеменную страну и выколачивать прибавочный продукт с производительного населения.

Дуалистическая система управления применялась не только в Восточном Туркестане, но и в других местностях с не китайским населением, захваченных Цинами. Но наиболее совершенной, утонченной эта система была, конечно, в Синьцзяне. Ее характерной чертой было то, что внешне сохранялась прежняя организация государственного аппарата, веками существовавшая в Восточном Туркестане и определявшаяся феодальными отношениями. С существом этой организации также не произошло никаких изменений с приходом завоевателей. Ломки в политической надстройке, как и в экономическом базисе, в способе производства, не произошло. Осталась та же феодальная иерархическая лестница среди бюрократии. Больше того, сохранились те же должности, правда, с некоторым формальным ограничением прав. Произошла лишь смена верховного управления страной — отныне она подчинялась китайскому императору из Цинского дома и управлялась его назначенцами Цаньцзань дачэном и баныпи дачэнами. Далее, произошла лишь перегруппировка

---

[1] ШУЦз, гл. 4, стр. 24—25.

внутри того же класса туркестанских феодалов-землевладельцев, персональная замена одних другими представителями этого же класса.

Ниже я даю подробный перечень туземных должностей и соответствовавших им рангов, а сейчас приведу ряд выдержек из китайских документов, показывающих как шел процесс создания местной туркестанской администрации.

Мне кажется, что первым императорским указом, рассматривавшим систему местного управления в Восточном Туркестане, был указ от 2 сентября 1759 г. (24-й год правления императора Цяньлуна, 7-я луна, 11-й день) в ответ на донесение Цаньцзань дачэня Шу Хэ-дэ об округе Аксу. В этом указе определялись общие положения местного управления всего Восточного Туркестана и устанавливались ранги (классы) для соответствующих должностей. Вот что гласит указ:

«Шу Хэ-дэ представил доклад, в котором сообщал, что [Аксу является большим туркестанским городом с многочисленными селениями и деревнями,[1] раньше управлявшимися мираб беками. Ныне, хотя и необязательно брать за образец китайскую административную систему, но определить чины и должности следует, дабы все могли различать ранг и авторитет и относиться с доверием.][2]

То, что докладывал Шу Хэ-дэ, — верно. Повелеваю — в соответствии с его просьбой — считать хаким бека[3] чиновником 3-го класса;[4] ишик-ага бека[5] — 4-го класса; казначи бека[6] — 5-го класса. В будущем, в случае необходимости повысить чиновников в ранге, следует после представления дополнительно назначить. А мелким бекам-мирабам и другим — дать 6-й и 7-й

---

[1] 村莊, Цунь чжуан.

[2] В квадратные скобки взято содержание доклада Шу Хэ-дэ, цитируемого императорским указом.

[3] 阿奇木伯克, Аци му бокэ.

[4] 三品, сань пинь.

[5] 伊什罕伯克, Ишигань бокэ.

[6] 噶市納齊伯克, гэшинаци бокэ.

классы, выбрав и дополнительно назначив после освобождения вакансий. Во всех остальных городах распорядиться таким же образом...»[1]

Этим указом было положено основание туркестанской гражданской администрации, но здесь, однако, еще не определялись функции чиновников. Более подробно о должностях и функциях, им соответствующих, мы узнаем из донесения Чжао Хуй'я от 13 сентября 1759 г., который сообщает следующие данные по Кашгарскому округу:

«Известно, что главноуправляющий Туркестаном называется хакимом. В городах помощник хаким бека называется ишик-ага беком. Ведающий податями и оброком называется шан беком;[2] казий бек[3] следит за наказаниями. Мираб[4] заведует оросительной системой. Накиб[5] управляет рабочими.[6] Падишаб[7] наблюдает за содержанием преступников. Муфтий суфи[8] наблюдает за выполнением религиозного канона. Мутавали[9] заведует полями и строениями. Дугуань[10] управляет почтовыми станциями. Бачжгир[11] наблюдает за сбором пошлин. Арбаб[12] командируется для ускорения сбора налогов. Шихур[13] помощник дугуаня. Бакмадар[14] заведует исключительно садами и лесами. Мин бек[15] тысячник.

---

[1] ДХСЛ, гл. 18, стр. 15r-v.

[2] 商伯克, шан бокэ.

[3] 哈子, хацзы.

[4] 密喇布, милабу.

[5] 納克布, накэбу.

[6] 匠役, цзян'и.

[7] 帕察沙布, пачашабу.

[8] 茂特色布, моутэсабу.

[9] 木特斡里, мутэволи.

[10] 都管, дугуань.

[11] 巴濟格爾, бацзигэр.

[12] 阿爾巴布, арбабу.

[13] 市琿, шихунь.

[14] 巴克蔓塔爾, бакэмайтар.

[15] 明伯克, мин бокэ.

Ныне в Кашгаре вакантна должность хаким бека. Прошу временно назначить турфанского фу тайцзи[1] Муса».[2]

Следует отметить, что при назначении на должности соблюдался принцип классового отбора. Бюрократия формировалась из феодальной знати Восточного Туркестана. Об этом свидетельствует только что приводившееся сообщение Чжао Хуй'я о назначении на должность Кашгарского хакимбека фу тайцзи Мусы — сына турфанского князя Эминь ходжи. Но не только высшее туземное чиновничество формировалось из крупных феодалов. Чжао Хуй в цитированном сообщении указывает, что и на остальные должности следует назначать людей именитых, т. е. феодалов.

«А что касается всех остальных должностей, то выяснив о тех, кто отличился на военной службе, я отобрал и назначил 34 человека (речь идет только о Кашгаре. *Л. Д.*) из детей и внуков именитых туркестанских семей,[3] не последовавших за мятежниками».[4]

Выше было сказано, что коренной ломки аппарата в Восточном Туркестане не произошло, а имела место персональная смена властей. В дополнение к этому надо сказать, что иногда не производилась даже и персональная смена, в том случае, если прежние чиновники переходили на сторону Цинов при усмирении ходжей или сохраняли нейтралитет.

Так было, напр., в Яркенде с прежним хакимом Кашка беком и шан беком Сулейманом, которых оставили и после завоевания страны. Об этом читаем в докладе Чжао Хуй'я от 13 октября 1759 г. (8-я луна, 23-й день, 24-й год правления императора Цяньлуна).

«Из главных яркендских беков осталось чрезвычайно мало. Теперь только Токта ходжа,[5] прежде проявивший усердие,

---

[1] 副台吉, футайцзи.

[2] ДХСЛ, гл. 18, стр. 16[v].

[3] 著姓回人, чжусин хуйжэнь.

[4] ДХСЛ, гл. 18, стр. 16[v].

[5] 托克托和卓, Токэтохэчжо.

исполняет обязанности мираба. Кашка бек[1] раньше был хакимом Яркенда и других городов. Его родственник Сулейман также давно был шан беком. Мы, обсудив, решили назначить Кашка бека исполняющим обязанности хакима, а Сулеймана — исполняющим обязанности шан бека».[2]

Впоследствии, когда вся страна оказалась усмиренной, были назначены для управления городами новые лица, оказавшие большие услуги манчжурам в завоевании страны. Так, в Яркенде хаким беком посадили Одуя,[3] в Уше — Абдуллу.[4] Ашимота[5] назначили хаким беком в Хотане, Кайдамота — в Кашгаре.[6]

Мы видели, что уже в докладе Чжао Хуй'я, в основном, дан перечень должностей, существовавших в Восточном Туркестане. Однако этот перечень далеко не полный, его можно, по крайней мере, удвоить. Наиболее полную картину в этом отношении рисуют «Установления о Туркестане», Хуйцзян цзэли, и «Описание Туркестана», Хуйцзян чжи, которые приводят полный свод должностей и соответствующих им функций. В несколько меньшем объеме приводятся данные автором Сиюй вэнь цзянь лу, который, однако, расходится в описании функций с Хуйцзян цзэли. У западноевропейских и русских авторов — Mailla, Григорьева, Валиханова, Куропаткина и других, мы не находим исчерпывающего описания административной системы в Туркестане, так как они все опираются или на Сиюй вэнь цзянь лу в переводе Иакинфа или на приводившееся нами донесение Чжао Хуй'я от 13 сентября 1759 г., переведенное Mailla. Таким образом, наша таблица рангов и должностей наиболее полная из всех, когда либо печатавшихся европейскими авторами, не говоря уже о том, что в иероглифическом виде она появляется вообще впервые.

---

[1] 和什克伯克, Хэшикэбокэ. Кашка (Хашка).

[2] ДХСЛ, гл. 18, стр. 18[r].

[3] ЦШГ, бцз., 12, стр. 11[v].

[4] 阿布都拉, Абудула — шестой сын Ходиса. См. СЮТВЧж., гл. 11, стр. 34[r]. В этом же словаре (СЮТВЧж., гл. 12, стр. 26[v]), в разделе об ушских беках, приводится и другой Абдула — хакимбек 3 ранга.

[5] 阿什默特, Ашимотэ. Там же, стр. 11[v].

[6] Там же, стр. 11[v].

ТАБЛИЦА ДОЛЖНОСТЕЙ И ЧИНОВ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ[1]

№ по порядку	Наименование должностей	Ранг	Выполняемые функции по должности		
			по данным Циньдин-Хуйцзян цзэли	по данным Хуйцзян чжи	по данным Сиюй вэнь цзянь лу
1	2	3	4	5	6
1	Хаким бек . .	5—3	Общее управление делами в городах и деревнях	Общее управление всеми делами	Высший начальник Туркестана[2]
2	Ишик-ага бек .	6—4	Помощник хакима	То же самое	То же самое
3	Дурга бек (Даруга)		Чиновник при хакиме	—	—
4	Казначи бек[3] .	5—4	Заведует казначейством	Исключительно заведует делами по хранению казны	Заведует сбором земельных податей
5	Шан бек[4] . .	6—4	Заведует сбором оброка	Заведует делами по сбору с городов и селений оброка	—
6	Мутавалли бек[5]	7—5	Наблюдает за сборами с купчих на продажу домов, земель и садов	Заведует делами по покупке и продаже земель и домов	Заведует сборами с продажи земель и домов, и с тяжб
7	Мин бек . . .	7—5	Управляет тысячью туркестанцев	Тысячник, наблюдает за всеми делами по сдаче налогов подчиненными ему жителями	—

[1] Составлена по данным:

1. Циньдин Хуйцзян цзэли, кн. (бэнь) I, стр. 22[r]—23[v].
2. Хуйцзян чжи, гл. 3 (ненумерованная рукопись).
3. Сиюй вэнь цзянь лу, гл. 7, стр. 16[v]—17[r].
4. Циньдин хуан'юй Сиюй тучжи, гл. 30, стр. 26[r]—28.

[2] Иакинф называет его градоначальником или городничим. См. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», стр. 229.

[3] 噶雜那齊伯克, хэцзанаци бокэ.

[4] Хуйцзян чжи дает более полное определение его обязанностей: 司該處城村交納錢糧事務.

[5] 密圖瓦里伯克; Митували бокэ (Мутавалли).

№ по порядку	Наименование должностей	Ранг	Выполняемые функции по должности		
			по данным Циньдин-Хуйцзян цзэли	по данным Хуйцзян чжи	по данным Сиюй вэнь цзянь лу
1	2	3	4	5	6
8	Юз бек[1] . . .	7	Сотник, управляет сотней туркестанцев	—	—
9	Орчин бек[2] . .		Десятский	—	—
10	Арбаб бек[3] . .	7—6	Наблюдает за сбором недоимок	То же самое	Заведует сбором пошлин
11	Кэркэярак бек[4]	6—5	Взимает сбор с торговли	—	—
12	Бачжигир бек[5]	7—6	Наблюдает за сборами	Специально ведает сбором со скота	Заведует сборами с торгов
13	Сатыр бек[6] . .	6	Наблюдает за порядком на рынке и ведает торговлей	Заведует рынками и торговлей	Заведует уравнением рыночных цен
14	Базар бек[7] . .	7	Заведует мелкими делами на рынке	—	—
15	Казий бек[8] .	7—6	Ведает наказаниями	То же самое	То же самое

[1] По Хуйцзян цзэли: 玉資伯克; по Сиюй вэнь цзянь лу: 玉子伯克; по Хуйцзян чжи: 羽茲伯克

[2] 鄂爾沁伯克, Орцинь бокэ.

[3] 阿爾巴布, Арбабу; по Иакинфу «завед. сбором пошлин, с явочных о рождении, браках и смерти». «Описание Чжунгарии...», стр. 230.

[4] 克哷克雅喇克伯克 по Хуйцзян цзэли; по Сиюй вэнь цзянь лу: 克勒克雅拉克

[5] 巴吉格爾伯克, Бадзигэр бокэ (Хуйцзян чжи). Иакинф называет Багиром. Там же, стр. 229.

[6] 色特爾伯克, Сэтэрбокэ; 色依德爾伯克, Сэидэрбокэ (Хуйцзян чжи).

[7] 巴匝爾伯克, Бацзар бокэ.

[8] 哈子伯克, Хацзы бокэ (Хуйцзян цзэли); 哈茲伯克 (Хуйцзян чжи); 海子, Хайцзы (Сиюй вэнь цзянь лу).

(Продолжение)

№ по порядку	Наименование должностей	Ранг	Выполняемые функции по должности		
			по данным Циньдин-Хуйцзян цзэли	по данным Хуйцзян чжи	по данным Сиюй вэнь цзянь лу
1	2	3	4	5	6
16	Сыпаказий бек[1]	5	Особо разбирает тяжбы начальствующих туркестанцев	—	—
17	Райя-казий бек[2]	5	Особо разбирает тяжбы низшего сословия туркестанцев	—	—
18	Падишаб бек[3].	7—5	Следит за поимкой преступников и управляет тюрьмами	То же самое	То же самое
19	Мираб бек . .	7—5	Управляет оросительной системой	То же самое	То же самое
20	Бакмадар бек[4]	6	Заведует садами и огородами	То же самое	То же самое
21	Накиб бек[5] . .	7—5	Наблюдает за ремонтом и строительством и заведует рабочими	То же самое	То же самое
22	Ирхачи бек[6] .		Следит за исправлением городских стен, улиц и прокладыванием дорог	То же самое	—

[1] 斯帕哈子伯克, Сыпахацзы бокэ.

[2] 喇雅哈子伯克, Лаяхацзы бокэ.

[3] 帕提沙布伯克, Патишабу бокэ. Иакинф называет его «объездным и тюремным приставом». См. там же, стр. 230.

[4] 巴克瑪塔爾伯克, Бакэматар бокэ. Ср. уйгурск. баг-сад.

[5] 納克布伯克, Накэбу бокэ, Иакинф называет его Наикбу. Там же, стр. 229.

[6] 伊爾哈齊伯克, Ирхаци бокэ.

(Продолжение)

№ по порядку	Наименование должностей	Ранг	Выполняемые функции по должности		
			по данным Циньдин-Хуйцзян цзэли	по данным Хуйцзян чжи	по данным Сиюй вэнь цзянь лу
1	2	3	4	5	6
23	Карадугуань[1] .		Ведает вооружением военных станций	То же самое	—
24	Чжебэ бек[2] . .		Помощник Карадугуаня	То же самое	—
25	Шихур бек[3] .	7—6	Заведует снабжением почтовых станций	Помощник Дугуаня и заместитель Паиишаба и Арбаба	Заведует снабжением фуражем и дорожным довольствием
26	Дугуань . . .	7—5	—	Ведает почтой, снабжением путешественников фуражем и провиантом	Заведует почтой
27	Караул бек[4] .		Управляет караульными постами	—	—
28	Каш бек[5] . .	5	Наблюдает за добычей яшмы	То же самое	То же самое
29	Алтун бек . .		Руководит добычей золота	То же самое	—
30	Мис бек . . .		Руководит добычей меди	То же самое	—
31	Муфтий-суфи бек[6]	7—5	Наблюдает за выполнением религиозного канона	То же самое	То же самое

[1] 喀喇都管伯克, кала дугуань бокэ.

[2] 哲博伯克 (Хуйцзян цзэли); 哲坡伯克 (Хуйцзян чжи).

[3] 什琥勒伯克, Шихулэ бокэ (Хуйцзян цзэли); 石笏爾 Шихур (ХЦЧж) 什呼爾 (Сиюй вэнь цзянь лу).

[4] 喀嚕爾伯克, Калур бокэ.

[5] 哈什伯克, Хаши бокэ.

[6] 默提色布伯克, Мотисабу бокэ. По данным СЮТЧж (гл. 30, стр. 26), Муфтий бек не имеет отношения к гражданским делам.

(Продолжение)

№ по порядку	Наименование должностей	Ранг	Выполняемые функции по должности		
			по данным Циньдин-Хуйцзян цзэли	по данным Хуйцзян чжи	по данным Сиюй вэнь цзянь лу
1	2	3	4	5	6
32	Забтимактуб[1]	6	Заведует духовными училищами	То же самое	То же самое
33	Милур бек[2] .				
34	Добо бек[3] . .		Заведует сбором оброка с 2000 семейств (хозяйств)		

Приведенная таблица охватывает, повидимому, все, за немногими исключениями, должности и чины в Восточном Туркестане.

Сравнительно несложная номенклатура их показывает насколько неразвиты были общественные отношения в Восточном Туркестане, а вместе с тем свидетельствует о тесной связи, взаимопроникновении феодального способа производства и феодально-политической надстройки, ибо каждый представитель государственного аппарата олицетворял собой феодальные производственные отношения. Сборщик податей был одновременно феодалом-землевладельцем; управлявший оросительной системой — мираб бек являлся таким же феодалом, часто использовавшим служебное положение в личных интересах и во вред непосредственным производителям-крестьянам. Я уж не говорю о хаким беках, подчиненных лишь высшим китайским властям — в их

---

[1] 雜布第默克塔布伯克, Цзабуди мокэтабу бокэ.

[2] 密魯爾伯克, Милуэр бокэ.

[3] 多博伯克, Добо бокэ; по данным Сиюй тучжи, гл. 30, стр. 28.

лице помещик-феодал и государственный чиновник представляли собой единство.

Власть хаким бека почти ничем не была ограничена, в особенности до завоевания Восточного Туркестана китайцами. Но и после присоединения его к Китайской империи имели место факты безраздельного господства и злоупотребления властью хаким беками. Цинское правительство принимало соответствующие меры для всяческого ограничения хаким беков и других беков, установив прежде всего сменяемость туркестанских чиновников, которые назначались на основании правил, действующих и в других провинциях внутреннего Китая.

Об этом мы узнаем из императорского указа от 16 ноября 1759 г. (24 год правления императора Цяньлуна, 9 луна, 27 день), который отмечает, что:

«Управляющих делами хакимов и других чиновников также следует, в соответствии с правилами о сановниках (высших чиновниках) во всех провинциях, назначать при наличии свободных вакансий или же при освобождении должности в случае смещения за проступки».[1]

Этим же указом не менее четко определялись и права хаким беков. Хаким беки рассматривались как чиновники — исполнители воли китайского императора. Им запрещалось самовольно собирать налоги и злоупотреблять своим авторитетом, и, наконец, самым существенным в указе являлось запрещение передавать должности и чины по наследству, как это было в других районах Китая, населенных национальными меньшинствами, а также в Хами и Турфане.

Вместо наследственных тусы — во всем Восточном Туркестане, за исключением указанных двух округов, определялись сменяемые чиновники. Вот что говорит обо всем этом цитированный указ: «... Хаким беки — не более как управляющие делами крупные чиновники[2] и не смеют (не должны) называть себя ное-

---

[1] ДХСЛ, гл. 18, стр. 20[v].

[2] 辦事大員, Баньши даюань.

нами[1] и самовольно взимать налоги.[2] В случае освобождения должности хакима, следует выбрать честного чиновника[3] или же назначить (на эту должность. *Л. Д.*) ишик ага-бека, повысив его в чине, но не разрешать наследовать[4] (должность)».[5]

Таким образом, на основании этого указа и ряда других данных, мы можем установить, что туркестанская бюрократия не наследовала должности, и это было одним из существеннейших ограничений, введенных Цинской монархией в отношении туземных феодалов.

Это ограничение не позволяло последним усиливать свои позиции в государственном аппарате за счет длительного пребывания у власти и установления так наз. «фамильного господства».

Что касается других положений указа, в частности, запрещения присваивать налоги, то оно (запрещение) нередко игнорировалось; больше того, имело место не только присвоение законного сбора, но и широко практиковались дополнительные поборы, шедшие в пользу хаким беков.

Лихоимство, чрезмерная эксплоатация, частые незаконные экспроприации пышным цветом расцветали на феодальной почве Восточного Туркестана и служили поводом для смещения чиновников имперским правительством, пытавшимся отстранением ненавистных населению представителей феодальной бюрократии смягчить классовые противоречия, снять вину за эксплоатацию крестьянства с феодальной системы в целом.

---

[1] 諾顏, Ноянь; повидимому монгольское «ноен», князь. Вся фраза передана так: 毋許自稱諾顏

[2] 私收貢賦, Сы-шоу гунфу, т. е. собирать налоги в личную пользу.

[3] 揀選賢員, Цзяньсюа́нь сяньюань.

[4] 不准世襲, Бу чжунь шиси, не разрешать наследовать (из поколения в поколение).

[5] ДХСЛ. Там же, стр. 20ᵛ.

Однако эти паллиативы не приводили к улучшению экономического положения масс и не приостанавливали процесса разложения чиновничества, всей тяжестью ложившегося на трудящиеся массы. Единственным методом разрешения всех противоречий феодального общества туркестанское крестьянство, по праву, считало восстание.

Глава IV

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне определялась с одной стороны потребностями цинского феодального государства, а с другой — производственными отношениями в завоеванных странах — Джунгарии и Восточном Туркестане. Отсюда происходит и некоторое различие в формах земельной собственности, вновь насажденных завоевателями манчжуро-китайцами или оставленных ими ранее существовавших.

Если в Восточном Туркестане завоеватели столкнулись с вполне развитым феодальным общественным строем, производственной (экономической) базой которого было сельское хозяйство, земледелие, — со всеми присущими феодальному обществу формами эксплоатации, — то иное положение наблюдалось в Джунгарии.

Правда, и здесь до покорения страны в основном существовали феодальные отношения — при сохранении остатков родового строя.[1]

Но и при наличии феодализма у ойратов мы можем установить различие в уровнях развития производственных отношений Джунгарии и Восточного Туркестана, если учтем, что основой

---

[1] «... у ойратских племен родовой строй с экзогамией сохранился, о чем свидетельствуют и наши источники по среднему периоду (Зая Пандита. *Л. Д.*) и наблюдения над современным состоянием ойратов в разных местах».

Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 131—132.

этих отношений ойратов было кочевое скотоводство.[1] Этот факт, безусловно, обусловливал иную аграрную политику цинского правительства на территории Джунгарско-Ойратского ханства, чем в собственно Восточном Туркестане.

Кроме этого, нужно учесть и то, что Джунгария была почти совершенно обезлюдена и заселение ее жителями внутреннего Китая, ссыльными — преступниками, политическими ссыльными — из числа активно боровшихся с Цинами туркестанцев, во многом определяло отношения господства и подчинения, формы феодальной эксплоатации.

Наконец, значение Джунгарии как военного форпоста Цинской империи на западе, одновременно охраняющего подступы в Восточный Туркестан с севера, и отсюда необходимость содержания там (в Джунгарии) значительной армии — точно так же влияли на аграрную политику Цинов. Отметим еще, что интересы торгового капитала, для которого открывались перспективы широких торговых связей с Восточным Туркестаном, Кокандским, Бухарским и Хивинским ханствами, — также должны были учитываться при освоении завоеванных стран, и отсюда не случайным является факт создания в Джунгарии купеческого землевладения, факт передачи государством в аренду земли торговцам.

Джунгария при наличии свободной земельной площади и отсутствии земледельческого населения, естественно, служила объектом для заселения жителями внутреннего Китая. Колонизация завоеванной страны частично разрешала проблему относительного перенаселения Цинской империи путем предоставления экспроприированным крестьянским массам земельной площади

---

[1] Должен сказать, что незначительная часть ойратов, именно племенная группа дёрботов — занималась земледелием, одновременно со скотоводством, на р. Иртыше. Об этом нам сообщают китайские источники, указывающие, что земледельческие колонии дёрботов на р. Иртыше служили базой для снабжения войск Цэван-Рабтана при его набегах. См. СФХЧЮДЦЧ, т. 2 (巾 失), гл. (цз.) 7, стр. 57[v]; ШУЦз, гл. 4, стр. 3[v]. Позднее, при Амурсане, здесь еще сохранились ойратские земледельческие колонии. См. ДХСЛ, гл. 20, стр. 34[r]. Однако земледелие у ойратов существовало как исключение.

в Джунгарии. С другой стороны она (колонизация) создавала условия для присвоения дополнительного прибавочного продукта, расширяя тем самым, в известной мере, базу феодализма Цинской империи, и, наконец, она обеспечивала возможность содержания значительного числа войск в опустошенной стране, граничащей с кочевыми народами (монголы, киргизы, казахи) и служившей преддверием к более развитому в экономическом, политическом и культурном отношениях Восточному Туркестану.

Достаточно привести цифру численности войск в Джунгарии, чтобы сделать некоторые выводы о необходимости колонизации страны и насаждении там земледелия. Только в одной Джунгарии находилось около 40 000 войск,[1] включая гражданскую и военную бюрократию.

Естественно, что содержание такого количества войск требовало, помимо денежных средств, в больших размерах различных видов продовольствия, в особенности хлеба, доставка которого в Илийский и другие округа Джунгарии затруднялась из-за дальности и плохих путей сообщения.

Выходом из этого положения явилось использование пустующих земель и создание военно-пахотных поселений, на ряду с насаждением других форм земельного владения. Одновременно разрешались и другие задачи, о которых говорилось выше.

Земли, номинальным собственником которых считалось государство, передавались для возделывания китайским солдатам (зеленой дивизии), сибинцам, солонам, чахарам, которые образовали так наз. военные поселения, бин тунь.[2] В этих поселениях применялся также труд ссыльных преступников. Кроме военных поселений, свободная земельная площадь обрабатывалась высланными из Восточного Туркестана бывшими сторонниками ходжей, известными в литературе под именем таранчей. Их было больше 6 000 семейств. Они образовали особые поселения,

---

[1] Синьцзян яолё, гл. 2, стр. 9—20. В Шэн у цзи приводится другая цифра — около 30 000 чел. ШУЦз, гл. 4, стр. 15 дополнения (а—б).

[2] 兵屯

именуемые китайскими источниками поселениями туркестанцев, хуйтунь.[1]

Кроме того, из внутренних провинций Китая — Ганьсу, Шэньси и других — были переселены китайцы, манчжуры и дунгане, которые, заселив главным образом Урумчийский, Баркульский и частично Илийский округа,[2] получили от правительства землю в аренду. Эти земли, обрабатывавшиеся частными лицами, называются китайскими источниками ху тунь.[3]

Эти формы землевладения начали создаваться вскоре после завоевания Восточного Туркестана в 1761—1763 гг.[4] Значительно позднее, — в конце XVIII в. (1796 г.), предпринимаются меры к насаждению еще одной формы земельной собственности, так наз. знаменных (манчжурских) поселений, ци тунь,[5] окончательно оформившихся в 1802 г.

В данной работе я рассматриваю аграрную политику Цинов в Синьцзяне с момента завоевания страны до конца XVIII в., т. е. в период 1760—1800 гг. Беря в качестве предмета исследования знаменные поселения, я тем самым выхожу за принятые в работе исторические грани, однако, такое отступление, мне кажется, вполне допустимо и оправдано тем, что знаменные поселения, как особая феодальная форма землевладения, отличаются от других форм, в частности от военных поселений китайских солдат, и сопоставление их будет не лишним. Кроме того, знаменные поселения в эмбриональном состоянии существовали еще в конце XVIII столетия (1796—1797 гг.),

---

[1] 回屯

[2] За период 1760—1780 гг. цинскому правительству удалось переселить в указанные округа до 17 000 семейств или свыше 72 000 душ, не считая 20 000 ссыльных туркестанцев (6406 семейств). Кроме того, в Тарбагатайском и частично в Илийском округах к 1780 г. было до 6000 семейств или 27 000 с лишним душ торгутов и элеутов. Эти данные не охватывают солдат поселенцев с их семьями. СЮТЧж, гл. 33, стр. 13—17.

[3] 戶屯

[4] Если не считать военных поселений в Хами и Турфане, существовавших еще при императоре Канси, в 20-х годах XVIII в.

[5] 旗屯

и это дает мне основание для включения их в предлагаемую работу.

Все отмеченные формы землевладения в Джунгарии появились в результате завоевания этой страны Цинской империей. Это дает мне право утверждать, что триумфальное шествие завоевателей — китайско-манчжурских феодалов — для Джунгарии означало создание новых производственных феодальных отношений с земледелием в качестве основы.

Такую возможность насаждения новых общественных отношений через завоевание отмечает Маркс, когда он говорит:

«При всех завоеваниях возможен троякий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)».[1]

Говоря о навязывании народом-завоевателем побежденным собственного способа производства, Маркс на ряду с этим указывал на то, что не только одно завоевание порождало новые общественные отношения. Мы знаем, что эти отношения возникают тогда, когда имеются материальные предпосылки для этого, и завоевание в этих условиях может ускорить внедрение новых производственных отношений. Это не противоречит другим указаниям Маркса об общественно-экономических формациях, согласно которым смена общественных форм наступает тогда, когда материальные производительные силы на определенной ступени своего развития вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, которые из форм развития производительных сил превращаются в их оковы.

В Джунгарии, где предпосылки для насаждения новых общественных форм имелись и где внутренняя борьба представителей

---

[1] Карл Маркс. К критике политической экономии, Партиздат ЦКВКП(б), 1935, стр. 21.

феодальной знати и стоявших за ними племенных групп облегчала Цинской империи задачу покорения страны, завоеватели китайцы и манчжуры насадили новые, более развитые аграрные отношения. Однако необходимо отметить здесь ту особенность, что коренное население Джунгарии было в значительной мере уничтожено и страна была заселена различными переселенцами из внутреннего Китая и Восточного Туркестана. И, следовательно, феодальные отношения, господствующие в Китае, хотя и оказались пересаженными в Джунгарию, однако среда, в которой развивались и действовали эти отношения, в основном не являлась джунгаро-ойратской.

Таким образом, созданные цинским правительством в Джунгарии формы земельной собственности и соответствующие им отношения господства и подчинения являлись подлинными феодальными. Здесь мы имеем дело, по существу, со всеми тремя формами земельной ренты или тремя формами присвоения прибавочного труда, характеризующими феодальный способ производства. На конкретном фактическом материале я постараюсь детально показать, какая форма эксплоатации присуща каждому из перечисленных выше видов землевладения, здесь же отмечу, что в Джунгарии в описываемое время существовали: рента продуктами, отработочная — в виде остатков, на правах сосуществования с продуктовой, и денежная.

Преобладающей была рента продуктами; третья (денежная) — в зачаточном состоянии, возникающая из простого превращения ренты в продуктах.

Рента продуктами, по моему мнению, являлась характерной и господствующей формой присвоения прибавочного продукта государством в Джунгарии; она охватывала преобладающее число непосредственных производителей и распространялась на земли, находившиеся во «владении» переселенных из внутреннего Китая оброчных крестьян, плативших государству налог натурой (заметим, что эта категория земель была преобладающей); на земли государственных крепостных-ссыльных туркестанцев (таранчей), вносивших оброк натурой, фиксированный

не в процентах к урожаю, а в раз навсегда установленном количестве, значительно превышающем обычный для Джунгарии и Восточного Туркестана натуральный налог, равный $^1/_{10}$ урожая; здесь же сосуществовала и отработочная рента в виде феодальных повинностей на строительстве городов и дорог.

На землях, являвшихся собственностью знаменных солдат — манчжур, также бытовала натуральная рента, но рентовзимателем здесь выступает не государство, а знаменный поселенец, вступающий в арендные отношения с мелкокрестьянским арендатором.

Денежная рента существовала на землях, сданных государством в аренду торговцам, главным образом в Илийском, Урумчийском и Баркульском округах. Эта форма прибавочного труда тоже феодальная, в условиях Джунгарии, но в отличие от ренты в продуктах — фактический владелец или арендатор уплачивает собственнику земли (в нашем примере — государству) вместо продукта цену его.

Существование этой формы ренты, безусловно, свидетельствует о развитии денежных отношений в Джунгарии в конце XVIII в., что вполне естественно, так как вслед за армией завоевателей шли купцы, применявшие капитал не только в торговле, но и в земледелии. Это сращение торгового капитала с феодальным землевладением давало питательную почву ростовщичеству, а вместе с этим усиливало эксплоатацию мелкого крестьянства.

Кроме того, существование землевладельцев-торговцев порождало и другой процесс — процесс перехода земель из одних рук в другие сначала путем закладничества, а затем посредством продажи и покупки земель. Это явление имело место в знаменных (манчжурских) поселениях, что будет показано ниже.

Несколько особое положение занимает землевладение китайских солдат-поселенцев. Существующие здесь отношения господства и подчинения выходят за пределы известных нам трех феодальных форм ренты — или трех феодальных способов эксплоатации.

Таковы в общих чертах формы земельной собственности, созданные манчжурами в Джунгарии. Более подробно я буду говорить при рассмотрении каждой формы в отдельности.

В Восточном Туркестане (Тяньшань наньлу) аграрная политика Цинов приняла иное направление.

Если для Джунгарии вторжение манчжуров влекло за собой, как я указывал, насаждение новых производственных отношений, то завоевание собственно Восточного Туркестана не приводило к коренным переменам в способе производства, существовавшем до прихода завоевателей.

Произошли изменения другого порядка: во-первых, перегруппировка внутри господствующего класса феодалов-землевладельцев за счет устранения представителей местных, коренных, национальностей — уйгуров, узбеков и замены их манчжурами и китайцами; во-вторых, перегруппировка внутри местного национального лагеря — устранение одних и замена их другими туркестанскими феодалами; в-третьих, насаждение дополнительно к основным, старым, новых форм отношений, напр., по линии аграрных — насаждение военных поселений в Уше, Аксу, Карашаре, Хами и Турфане; создание «землевладения» испольщиков, обрабатывавших государственные земли.

Во всем остальном никаких изменений не произошло. Способ производства и вытекающие отсюда формы эксплоатации остались теми же, что и до завоевания китайцами-манчжурами Восточного Туркестана. Однако к феодальной эксплоатации прибавился еще национальный гнет, углубивший противоречия феодального Восточного Туркестана.

До завоевания китайцами Восточный Туркестан находился в вассальной зависимости от Джунгарского ханства, платя последнему подати и налоги. В большие города Восточного Туркестана — Кашгар, Яркенд, Аксу и Хотан — джунгарские ханы назначали правителей, которые, по сообщению китайских авторов, отличались жестокостью и лихоимством:

«Прежде в Восточном Туркестане,[1] когда он находился под властью элеутов,[2] хотя и была установлена определенная сумма податей, налогов,[3] однако последняя (сумма) была непосильной и туркестанцы затруднялись выплатить ее. Со всех перевозимых (для продажи) товаров, с золота и тканей брали больше, чем полагалось (сверх меры, правил установленных).

Еще, в 4 большие города — Кашгар, Яркенд, Аксу и Хотан — посылались элеутские правители, которые с алчностью[4] отбирали у туркестанцев деньги, женщин, хороших лошадей, охотничьи ружья и т. д. Туркестанцы не могли терпеть этого грабежа, живя среди огня и воды, и многие из них разбегались, не находя себе покоя».[5]

В мою задачу не входит рассмотрение условий господства джунгаров в Восточном Туркестане. Я охотно допускаю, что эксплоатация трудящихся туркестанцев была такой, как ее описывает китайский автор XVIII в., однако я должен отметить, что власть джунгаров была иногда номинальной и их экономическое воздействие ограничивалось сбором налогов и дани без вмешательства в общественный процесс производства Восточного Туркестана, основанный на натуральном, в основном, земледельческом хозяйстве.

Нечто иное мы наблюдаем после присоединения Восточного Туркестана силою оружия к Цинской империи. Оставляя способ производства существовать на старых началах, феодальных, победители целиком подчиняют его себе так же, как и весь государственный аппарат управления. Прежде всего, это овладение манчжурами и китайцами общественным процессом производства в Восточном Туркестане идет по линии перераспределения

---

[1] 回 部, Хуйбу.

[2] 厄 勒 特, элэтэ, имеются в виду ойраты.

[3] 賦 稅, фушуй.

[4] 恣 意, цзы и.

[5] ХЦЧж, гл. 4, стр. 1. Ср. Mailla, Histoire générale de la Chine, t. XI, p. 563. (Об управлении страной при Галдан Церене.)

земли — основного всеобщего предмета и средства труда, основы феодального производства.

«Народ-завоеватель, — говорит Маркс, — разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а тем самым определяет и производство».[1]

Сказанное Марксом вполне применимо к Восточному Туркестану. Здесь мы наблюдаем следующее. Цинская монархия через своих сатрапов наместников и управителей Синьцзяна конфискует земельную площадь, принадлежавшую раньше туркестанским феодалам, и парцеллярную собственность непосредственных производителей и распределяет ее среди китайских, манчжурских и местных туркестанских чиновников-беков, помогавших Цинам в покорении страны. Часть же конфискованной земли передается на кабальных условиях крестьянам, становящимся, таким образом, в феодальные арендные отношения с государством, олицетворяющим и представляющим интересы класса землевладельцев-феодалов, начиная с богдыхана — первого помещика в империи Цинов, и кончая туземным беком. Другая часть земли передается, как и в Джунгарии, солдатам, формирующим военные поселения. Однако последняя часть, занятая под военные поселения, незначительна, и этим Восточный Туркестан резко отличается от Джунгарии. Условия производства в военных поселениях Восточного Туркестана ничем не отличаются от таковых же в Джунгарии, поэтому эта форма землепользования не будет больше нас интересовать.

Остальные формы земельной собственности и владения землей в Восточном Туркестане являются типичными для феодального способа производства.

Чиновничье-помещичье землевладение, земельная собственность туркестанских князей, земли оброчных крестьян и государственные земли, обрабатываемые крестьянами на условиях испольщины, — вот что характеризует аграрные отноше-

[1] Карл Маркс. К критике политической экономии, Партиздат ЦКВКП (б), 1935, стр. 20.

ния собственно Восточного Туркестана в рассматриваемое время.[1]

Здесь, так же как и в Джунгарии, господствовала рента в продуктах; с основной массы непосредственных производителей государство — номинальный земельный собственник — взимало налог натурой, который мы должны рассматривать как ренту продуктами. На ряду с этим, в значительно большей, пожалуй, мере, чем в Джунгарии, в Восточном Туркестане сохраняла свое значение и более ранняя форма эксплоатации — отработочная рента, именно в поместьях беков и туркестанских князей.

Что касается денежной ренты, то я могу сказать, что и в собственно Восточном Туркестане она имела широкое распространение, но по характеру своему отличалась от денежной ренты в Джунгарии тем, что не взималась в определенных размерах с обрабатываемой земельной площади, а принимала форму частичной замены натурального налога-ренты ценой продукта; так было в округах Аксуйском (Аксу, Сайрам, Бай),[2] в Яркендском и Хотанском.[3] По существу, здесь имела место, повидимому, продажа на деньги собранного в качестве оброка зерна, возможно, тем же оброчным крестьянам, а может быть и другим лицам, по цене, определявшейся, вероятнее всего, рынком.[4]

Мы можем рассматривать и другие виды денежного сбора, исключая торговые пошлины и сбор с торговых лавок, в качестве денежной ренты, в частности подушный налог, хотя он взимался не только с земледельцев. Все эти сборы так или иначе составляли прибавочный продукт, отчуждаемый государством. Таким образом я разобрал, в общих чертах, все существовавшие в конце XVIII в. в Джунгарии и Восточном Туркестане формы земельной собственности и землевладения и присущие им феодальные формы эксплоатации. Перейду к конкретному рассмот-

---

[1] За отсутствием данных я совершенно не рассматриваю здесь вакуфное землепользование.

[2] См. СЮТЧж, гл. 34, стр. 19, 20, 21.

[3] См. ХЦЧж, гл. 4, стр. 9, 11.

[4] Средняя цена 1 даня зерна равнялась 6.4—7 цяней.

рению каждой из этих форм, истории ее насаждения, причем принимаю следующий порядок изложения: сначала рассматриваю формы землевладения в Джунгарии, а затем в Восточном Туркестане. Оговорюсь при этом, что военно-пахотные поселения в Восточном Туркестане не подвергаю особому анализу, так как они принципиально не отличаются от таковых же в Джунгарии, а данные о них включаю в отдельную таблицу.

А. ДЖУНГАРИЯ

I. СОБСТВЕННО-ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ. БИН-ТУНЬ

(Земли, обрабатывавшиеся китайскими и другими солдатами, за исключением манчжур)

Создание собственно военных поселений в Синьцзяне относится к 1761 г. (26-й год правления императора Цяньлуна). В 1760 г. императорским указом правителю[1] Илийского края Агую[2] было предложено наблюдать за созданием земельных поселений и в дальнейшем управлять ими.

Первоначально, в 1761 г., военные поселения были созданы в Илийском крае, составлявшем часть Джунгарии. Состояли военные поселения из 1000 человек солдат китайской (зеленой) дивизии, присланных из г. Аксу (собственно Восточный Туркестан). До 1769 г. из внутреннего Китая непрерывно посылались военные поселенцы, число которых достигло 2500 чел., из них посменно 500 чел. в течение 5 лет находились на военной службе, а 2000 чел. занимались обработкой земли.[3]

Дальнейшие изменения в численном составе военных поселений происходили почти регулярно через каждые пять лет и зависели от количества наличного зерна и численности охранных войск в Илийском крае. Следующая таблица показывает динамику

---

[1] 辦事大臣, Баньши дачэнь.

[2] 阿桂.

[3] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 3.

численности военных поселений Илийского края, а следовательно и размера посевной площади, так как на каждого военного поселенца полагалось определенное количество земли, именно 20 му.[1]

ТАБЛИЦА ЧИСЛЕННОГО СОСТАВА И ПОСЕВНОЙ ПЛОЩАДИ В ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ИЛИ[2]

Годы	Количество поселений	Число военных поселенцев	Размер земельной площади, обрабатываемой 1 поселенцем (в му)	Общий размер посевной площади (в му)
1761	10	1000	20	20 000
1769	20	2000	20	40 000
1778	25	2500[3]	20	50 000
1782	15	1500	20	30 000
1789	22	2200	20	44 000
1799	18	1800	20	36 000
1804	15	1500	20	30 000
1809	18	1800	20	36 000
1815	20	2000	20	40 000[4]

Как видно из этой схемы и из других указаний китайского источника, в Синьцзяне в каждом поселении было 100 чел. солдат. Поселение в целом ежегодно получало для посева 110 мешков (дань) зерна.[5]

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 4.

[2] Таблица составлена по данным ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 3—5.

[3] Там же, стр. 3—4. Цитированный китайский источник в двух местах сообщает о количестве солдат в каждом поселении и о размере посевной площади ими обрабатываемой. Это указание относится к 43 году правления императора Цяньлуна (1778); мы узнаем, что по докладу главнокомандующего Илийским краем Илэту (伊勒圖) было вынесено решение сократить количество поселений, доведя их число до 25, по 100 чел. солдат в поселении, причем каждым поселенцем обрабатывалось 20 му земли. Так как в дальнейшем нет никаких указаний на изменения в составе каждого поселения и в посевной площади, то мы принимаем эти данные для всего рассматриваемого периода.

[4] Там же, стр. 5. Разрешено главнокомандующему Илийским краем Сун-Юню с 1815 г. увеличивать ежегодно по 2 поселения.

[5] Там же, стр. 5г.

Весь урожай сдавался государству в казенные амбары, причем сбор с каждого поселения был не одинаков, в зависимости от размера урожая. Норма урожая равнялась 12—28 (т. е. урожай оценивался в сам-12 минимальный и сам-28 максимальный). Отсюда — количество сдаваемого хлеба составляло 1800—2800 дань с небольшим.[1]

За хороший сбор урожая военно-поселенцы вознаграждались, о чем сообщает как цитированный нами источник, так и Иакинф.

«В 35-й год правления императора Цяньлуна (1770 г.) главнокомандующим (цзянцзюнем) Илэту было определено: а) каждого военно-поселенца (солдата), ежегодно собравшего больше 28 долей урожая (свыше сам-28), награждать серебром (серебряными ланами) в размере стоимости двухмесячного пайка (довольствия), а офицеров особо отмечать; б) собравшего свыше 18 долей (сам-18) награждать серебром в размере стоимости месячного пайка, а их офицерам выносить благодарность. 15 долей (урожай в сам-пятнадцать) — считались средней нормой (минимальной)».[2]

Орудия производства — сельскохозяйственные орудия и скот для обработки земли военные поселения получали от правительства. Об этом свидетельствует то же «Описание Синьцзяна» и «Уложение министерства финансов» (Хубу цзэли).[3]

Из другого источника, данные которого относятся к концу XVIII в. (1799 г.) и к округам Урумчийскому, Баркульскому, Куркараускому и Турфанскому, мы узнаем более подробно о пользовании средствами производства в военных поселениях.

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 5. Приводим выдержку: «В каждом поселении 100 чел. солдат. Ежегодно они должны получить для посева (籽種) 110 (мешков) дань (石) зерна. После весеннего сбора в зависимости от размера урожая (числа долей, 分數) каждое поселение сдавало (государству) от 18 до 28 долей — не одинаково. Те, кто 18 долей —сдавали разного рода зерна 1800 дань с лишним, а те, кто 28 долей — сдавали 2800 дань».

[2] Там же, стр. 3.

[3] Цяньдин Хубу цзэли, гл. 94, стр. 55—56. Здесь указываются источники приобретения сельскохозяйственных орудий для поселений Илийского края и других частей Синьцзяна. См. также ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 32—33. См. Иакинф, Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, ч. II, стр. 241—242.

Оказывается, что правительство отпускало на трех солдат поселенцев полный комплект сельскохозяйственных орудий и на 100 чел. (т. е. на одно поселение) от 80 до 100 голов коров и лошадей. Там, где не было полного состава поселения (меньше ста человек), рабочий скот отпускался из расчета 8 голов на 10 человек поселенцев.[1] В комплект сельскохозяйственных орудий входили соха, 2 серпа, кирка, мотыка, 2 лопаты и полная упряжь, всего 15 предметов.[2]

Кроме сельскохозяйственных работ военно-поселенцы — китайцы так же, как и мусульмане-туркестанцы, выполняли ряд повинностей, не связанных с земледелием, а именно на строительстве городов. Вот что мы узнаем по этому вопросу из доклада правителя Или Агуя от 1760 г. и ответа на доклад со стороны Государственного совета (Цзюнь цзичу). В докладе обсуждается вопрос о дополнительной посылке в Илийский край военно-поселенцев и об их использовании на сельскохозяйственных работах и строительстве, причем не рекомендуется отрывать от сельскохозяйственных работ в период урожая, а использовать поселенцев в свободное время.

«...ныне хлеб еще не собран и не следует посылать солдат на строительство города, а дождавшись прибытия летом 1762 г. (27-й год правления императора Цяньлуна) 1000 чел. китайских солдат, отправляемых (дополнительно), вменить им в обязанность строить город и жилые постройки.

А обрабатывающим землю китайским солдатам (зеленой дивизии) и туркестанцам (хуйцзы) также приказать в свободное время помогать (на строительстве), определив срок окончания строительства в один год».[3]

Выше отмечалось, что норма сдачи хлеба в казенные амбары колебалась в зависимости от урожая. К сказанному можно лишь добавить, что в Илийском крае военно-поселенцы должны были

---

[1] Сань чжоу цзилё, 三州輯畧, гл. 4, стр. 10г—12в.

[2] СЧЦЛ, гл. 4, стр. 15г-в.

[3] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 31.

сдавать отборное зерно (細 糧) в амбары городов Хуйюань чэна, Хуйнин чэна, Суйдуна и Талки (Тарджи), но так как в этих хранилищах невозможно было хранить высокосортное зерно, то последнее заменялось простыми сортами (粗 糧) в соответствующей пропорции: 1 дань пшеницы (сяомай, 小麥) заменял 9 доу отборного зерна; 1 дань ячменя заменял 8 доу, 4 шена, 6 хэ и 7 чжо отборного зерна.

Поселения, имевшие урожай сам-18, сдавали 1806 дань, 3 доу, 9 шен, 7 хэ, 7 чжо отборного зерна, которое заменялось простыми сортами в количестве 2030 дань, 8 доу, 8 шен.

Снимавшие урожай сам-28 сдавали: 2806 дань, 3 доу, 7 шен, 3 хэ, 7 чжо отборного зерна или 3131 дань, 2 доу, 4 шена простого.[1]

Надо отметить, что кроме фиксации количества зерна, которое должно было сдавать военное поселение в целом, устанавливалась определенная норма на каждого поселенца, за выполнение или перевыполнение которой солдаты-землепашцы вознаграждались, а за невыполнение — порицались.

Нормы определялись с учетом урожайности. Об этом нам сообщает доклад командующего войсками Агуя от 1766 г. (31-й год правления императора Цяньлуна).

Докладчик Агуй отмечал, что в первый период существования военных поселений, в качестве меры поощрения служило вознаграждение поселенцев, собиравших свыше 11 дань зерна. Теперь, после освоения земли, надлежит изменить систему вознаграждения. Далее, им указывается, что в Или, Урумчи и Тарбагатае, несмотря на резкое различие в сборе зерна, вознаграждение почти ничем не отличалось, что докладчик считает ненормальным и предлагает следующие меры:

«(Если) каждый поселенец соберет 11 дань отборного зерна и (этого количества) не хватит для удовлетворения потребностей трех человек, кроме содержания самого землепашца, исходя из расчета, что каждому человеку на один день требуется 8 хэ,

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 8, стр. 2—3.

3 чжо зерна,[1] прошу впредь лишать награды» (такого поселенца. *Л. Д.*).

«Если каждый соберет 18 дань отборного зерна и кроме содержания его самого — еще можно будет содержать 5 человек — прошу наградить на основании существующих правил».

«Если же каждый солдат соберет 28 дань отборного зерна и кроме удовлетворения его личных потребностей можно будет еще содержать 8 человек — прошу, кроме существующей награды, отмечать дополнительно знаками поощрения.

При таких условиях не только ревностные будут еще больше соревноваться друг с другом, но и не особенно радивые поймут, что усердием можно добиться успехов в отношении (заготовки) провианта для пограничных войск».[2]

Это предложение одобрено государственным советом, а затем и императором.

Интересно отметить, что как в приведенном докладе, так и в других докладах, помещенных в «Циньдин Синьцзян шилё», устанавливается зависимость численности гарнизонных войск от количества поселенцев, обрабатывающих землю, причем определялась пропорция 1 : 3, т. е. один землепашец продуктом своего труда содержал трех солдат, занятых исключительно на военной службе.[3] Это лишний раз подчеркивает значение военных поселений, как особой формы землепользования, подчиненной интересам армии и ее снабжения. Но это, однако, нисколько не покрывает социально-экономической сущности этой формы землевладения.

Как я указывал, Джунгария была превращена в военную колонию Цинской феодальной монархии, в военный оплот на запад-

---

[1] Заметим, что 8 хэ, 3 чжо являлось нормой ежедневного снабжения провиантом солдат-землепашцев [см. Хубу-цзэли, гл. (цзюань) 94, стр. 52].

[2] ЦДСЦШЛ, гл. (цзюань) 6, стр. 34.

[3] Там же, стр. 28. В докладе того же правителя Агуя от 1760 г. (25-й год правления императора Цяньлуна), затрагивающего вопрос о дополнительном отправлении поселенцев (китайских солдат и туркестанцев), указывается, что один поселенец, занимающийся земледелием, при условии посева 1—$1^1/_2$ дань зерна (такое количество зерна — семени шло на обсеменение, приблизительно 20—22 му земли), сможет прокормить, кроме себя и своей семьи, еще трех солдат.

ных границах Китая и поэтому основная масса военно-пахотных поселений сосредоточивалась на территории Илийского края и в других частях Джунгарии. Назначение этих поселений — снабжение хлебом военных гарнизонов в этих местах. Таким образом военные поселения кроме Илийского края были в округах: Хами, Турфане, Урумчи, Уше, Куча, Карашаре, Тарбагатае и Баркуле, причем возникновение их относится к разным периодам времени. Приведу таблицу состава этих поселений и размера обрабатываемой земельной площади в них. Собственно Восточный Туркестан я выделяю в особую таблицу (см. прилож. № 3, № 4).

Приведенными данными исчерпываются все наши сведения о собственно военных поселениях, почерпнутые из китайских источников. Какой же вывод следует сделать в отношении этой формы землепользования. В чем социально-экономическая сущность военных поселений. Какое место они занимали в общей системе производственных отношений.

Можно ли считать, что формой присвоения прибавочного продукта здесь являлась отработочная рента.

Эксплоатация непосредственного производителя и присвоение прибавочного продукта при этой форме ренты, как и при других феодальных формах, предполагают, с одной стороны, наличие собственников условий труда, главным образом, земли и личную зависимость непосредственных производителей, их несвободу в той или иной степени и прикрепление к земле. Своеобразие отработочной ренты заключается в том, что присвоение прибавочного труда происходит в его натуральном виде (в виде труда) и отделено во времени и пространстве от труда непосредственного производителя на самого себя; труд на земельного собственника «непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другое лицо».[1] Основное условие при феодальных формах эксплоатации — внеэкономическое принуждение, прикрепление производителя к земле, имеет место и в данном случае с военными поселениями. В самом деле, собственником условий труда здесь

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, ГИЗ, 1929, стр. 267.

является не поселенец, а государство. Маркс указывает, что непосредственному производителю может противостоять не только частный земельный собственник, но и государство в качестве земельного собственника.[1]

Военнопоселенец не свободен, он принудительно прикреплен к земле, уход с которой карался законом.[2]

Специфичным здесь было то, что производство необходимого продукта, шедшего на поддержание существования производителя, происходило на одних и тех же земельных участках, а не на «собственных» наделах поселенца и таким образом не было отделено во времени и пространстве от производства прибавочного продукта. Этот необходимый продукт принимал в военных поселениях форму натурального, а иногда и денежного (очень редко) довольствия, жалованья, которое, однако, с экономической точки зрения никак не может быть рассматриваемо как заработная плата. Неотделимость прибавочного и необходимого продукта заключалась в том, что весь продукт труда, как было выше показано, сдавался государству.

Таким образом некоторые особенности не позволяют считать, что эта форма землепользования и присущие ей отношения собственников условий производства (в данном случае государства) к непосредственным производителям характеризуют отработочную ренту.

Но может быть мы здесь имеем дело с рентой продуктами? На этот вопрос надо ответить отрицательно.

Отличие ренты в продуктах от отработочной заключается в том, что прибавочный труд совершается не в его натуральном виде (в виде труда на земле феодала), а принимает форму продукта; что прибавочное производство (производство сверх необходимых

---

[1] Там же.

[2] Хубу цзэли, гл. (цзюань) 94, стр. 53. Изд. 1831 г. Уложение палаты финансов предусматривало наказание за побег с поселений. Вот что мы читаем в одной из статей уложения: «В случае побега манчжурских и китайских солдат, посылаемых в Урумчи, Или и другие пункты для смены обрабатывающих земли, при поимке наказывать на основании существующих правил, заменяя пятилетний срок пребывания на сельскохозяйственных работах — работою на мельницах...»

потребностей непосредственного производителя) происходит на земле, фактически находящейся во владении непосредственного производителя и им самим эксплоатируемой, а не в господском поместье; что производство прибавочного и необходимого продукта неотделимо во времени и пространстве.

Имеем ли мы эти условия в военных поселениях? Нет. Во-первых, здесь непосредственный производитель не владеет условиями труда, достаточными и необходимыми для собственного воспроизводства, иначе говоря, непосредственный производитель — военнопоселенец лишен всяких средств производства, не говоря уж о земле; он работает с помощью чужих условий производства, принадлежащих государству.

Во-вторых, — военнопоселенец сдает весь продукт своего труда, взамен чего получает на воспроизводство своей рабочей силы жалованье (денежное или натуральное). В-третьих, непосредственный производитель (поселенец) не свободен, силою законов он прикреплен к земле, он находится в зависимости от государства.

В-четвертых, у военнопоселенца нет самостоятельного, «собственного» хозяйства, — обработка земли осуществляется коллективом (в каждом поселении 100 человек), средства производства находятся в коллективном владении (рабочий скот отпускался на поселение, сельскохозяйственные орудия на трех поселенцев-солдат).

Следовательно, я должен сделать вывод, что разобранная здесь форма присвоения прибавочного продукта выделяется из всех известных нам феодальных форм. *По отмеченным выше признакам* военные поселения представляют собой какую-то переходную форму.

2. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗНАМЕННЫХ ВОЙСК (МАНЧЖУРСКИХ) ЦИ ТУНЬ

Знаменные поселения во многом отличаются от поселений китайских дивизий, отражая собой классовую национальную политику манчжурской феодальной монархии. Как и во внутреннем

Китае, в Синьцзяне они пользовались большими преимуществами в землепользовании. Если для собственно военных поселенцев (китайцев, чахаров, элеутов и др.) прикрепление к земле носило принудительный характер и служило средством высасывания прибавочного продукта, который шел на содержание, в основном, манчжурских войск, то создание знаменных поселений было вызвано желанием улучшить экономическое положение манчжурской армии — представительницы политически господствовавшей в Китае народности. Отсюда проистекают все существенные различия между этой формой землевладения и вышеописанной, различия, которые будут продемонстрированы на фактическом материале китайских источников, главным образом докладов чиновников и императорских указов.

Интересно отметить одно обстоятельство. Оплата войск была не одинаковой,[1] — господствующая народность (манчжуры) оставалась верной себе до конца, проводя различия в национальном отношении даже в армии, среди защитников феодальной монархии Цинов.

Манчжурские войсковые части были поставлены в привилегированное положение, получая натуральное довольствие без обязанности обрабатывать землю. Так продолжалось до 1802 г. В дальнейшем — в связи с удорожанием жизни и вытекавшей отсюда необходимостью увеличить жалованье войскам, что было не под силу цинскому правительству с его истощенными различными войнами финансовыми ресурсами, — манчжурских знаменных солдат обязали также заниматься земледелием, предоставив им земли вблизи городов Хуйюань чэна (Или) и Хуйнин чэна и снабдив их тягловой силой.

Однако снабжение манчжурских войсковых частей хлебом в основном шло за счет военных поселенцев не-манчжур, сдававших производимый ими продукт в казну. Для сбора и хранения хлеба, получаемого как с военнообязанных земледельцев, так

---

[1] См. об этом Бичурин, Смесь, стр. 626, 627, 628. Здесь приведены цифровые данные о различной оплате манчжурских, китайских и других войск в западном Китае; указывается общая сумма расхода на содержание войск.

и с поселенцев-крестьян (туркестанцев), не находящихся на военной службе, в городах Ухарлике, Талки (Таэрци) и Гулчже (Гулэчжи) существовали хранилища, амбары. Из этих городов хлеб доставлялся в г. Хуйюань чэн и распределялся среди манчжурских войск. Китайские войска получали деньгами — вместо хлеба,[1] а остальным дивизиям (солонской, чахарской, сибинской и др.) не выдавалось ни хлеба, ни денег.[2]

Отмечая преимущества манчжурских поселенцев, которые часто не являлись непосредственными производителями, а были владельцами земельного участка, я должен тут же заметить, что в процессе развития собственники условий труда — манчжурские поселенцы — из эксплоататоров превращались в эксплоатируемых, в особенности это относится к рядовой массе манчжурских войск; нивелировка среди командного состава проходила менее заметно. В этом факте сказалось влияние торгово-ростовщического капитала.

Как я указывал, возникновение знаменных поселений относится к 1802 г. С этой датой связывается нормальный трудовой процесс поселений. Однако мысль о создании этого рода поселений возникла значительно раньше. Так, в 1764, 1785 и 1790 гг. издавались императорские эдикты, в которых отмечалась необходимость формирования знаменных поселений для поддержания существования манчжурских охранных (гарнизонных) войск в Синьцзяне, число которых непрерывно увеличивалось.[3] Однако императорские указы, повидимому, подшивались в канцеляриях наместников и вынесенные решения оставались невыполненными; причиной этого, по мнению китайского автора, являлось отсутствие воды для орошения земли.[4] Наиболее интересным из этих указов был последний, изданный в 55-м году правления императора Цяньлуна (1790 г.). Поводом для его обна-

---

[1] С 1795 г.; до этого выплачивалось натуральное довольствие. См. ЦДСЦШЛ, гл. 8, стр. 3v.

[2] Они находились на самообслуживании, обрабатывая земельные участки. См. там же, стр. 3v.

[3] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 2.

[4] Там же.

родования послужил доклад главнокомандующего Илийским краем Бао Нина (保 寧), который испрашивал дополнительное ассигнование на натуральное и денежное снабжение манчжурских войск. Вот что содержит императорский указ:

«В Или манчжурские войска живут давно. Численность их с каждым днем растет. Их, конечно, следует снабдить средствами существования. Однако государство владеет определенным количеством материальных ресурсов и не в состоянии часто увеличивать (снабжения). На сей раз временно разрешить Бао Нину увеличить денежное и натуральное довольствие 400 солдат, но в дальнейшем такие просьбы недопустимы. Если же, из-за того, что население (имеется в виду манчжурские знаменные. *Л. Д.*) многочисленно, а средства ограничены, — невозможно существовать, — то (ведь) ныне в Или имеется обширная земельная площадь, которая может быть обработана, и, коль скоро манчжурские солдаты не умеют возделывать землю, можно распределить и раздать им по числу лиц (душ) эти земли (для того), чтобы они наняли людей для обработки (полей).

В таком случае получат прибыль (пользу)[1] и приобретут средства существования.

Повелеваю передать указ Бао Нину, приказав ему со всем старанием (с полным сердцем) принять соответствующие меры. Об исполнении доложить».[2]

Интересным моментом в этом докладе является указание на условия обработки земли манчжурскими поселенцами, именно на наем рабочей силы. Как будет видно из дальнейшего, эта система существовала в знаменных поселениях продолжительное время. В следующем документе, докладе командующего войсками (цзянцзюня) Сун Юня (松 筠), датированном 1802 г., сообщается о выборе земельного участка, расположенного вблизи воды.[3] В этом же году, в 4-й луне, тот же Сун Юнь докладывал о первых достижениях во вновь созданных поселениях. Из городов

---

[1] 租 息, цзуси — польза (прибыль).

[2] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 9.

[3] Там же, стр. 10.

Хуйюань чэна и Хуйнин чэна было послано 360 человек свободных от службы манчжур, которые, несмотря на запоздалую вспашку, собрали урожай сам-10. В дальнейшем, на востоке от города Хуйюань чэна был прорыт канал длиною в несколько десятков ли; на северо-западе от города использован для другого канала источник чистых вод, сооружена плотина и таким образом создана ирригационная система для орошения земель вблизи указанных городов и на этих землях организованы знаменные поселения манчжурских солдат этих двух городов.

На приобретение необходимых сельскохозяйственных орудий Сун Юнь испрашивал средства в кредит на три года, полагая использовать для этой цели доходы (проценты) казенных меняльных лавок. Тягловую силу (лошадей и коров) Сун Юнь просил выдать бесплатно из казны, на основании правил снабжения поселений зеленой (китайской) дивизии, с известным ограничением — не пополнять за счет казны павший скот.[1] В ответ на этот доклад последовал императорский указ, полностью удовлетворявший просьбу Сун Юня. Привожу перевод всего указа:

«Сун Юнь представил доклад, в котором просит отпустить в кредит для находящихся в Или манчжурских солдат, обрабатывающих землю, сельскохозяйственные орудия и скот. Предлагаемые (Сун Юнем) мероприятия хороши.

В Или земли тучны (плодородны), поля, годные для обработки, обширны. Прежде, в виду недостатка воды для орошения, не было предпринято мер, теперь этот цзянцзюнь вырыл канал и вывел воду для орошения. В прошлом году были предприняты попытки вспахать (землю) и достигнуты успехи.

Конечно, следует увеличить площадь земледелия, чтобы обеспечить в изобилии средствами существования манчжурских солдат.

Для приобретения необходимых орудий разрешить ему (Сун Юню) использовать капитал

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 10—11. Для собственно военных поселений этого ограничения не было. Выбывший из строя скот пополнялся казенными заводами.

(проценты)[1] казенных меняльных лавок[2] с условием возвращения (ссуды) в определенный срок.

Необходимый скот отпустить, согласно его просьбе, с казенных заводов, на каждое знамя города Хуйюань чэн по 80 коров, каждому знамени Хуйнин чэна по 40 голов.

Этот цзянцзюнь уже обязал всех ротных (селин, 協領) наблюдать за тем, чтобы правительственные войска с охотой обрабатывали землю, добиваясь этим успеха в занятии земледелием и в выполнении военной службы».[3]

Таким образом, мы видим, что в 1802 г. знаменные поселения были созданы на началах, отличных от условий поселений китайских дивизий. Это отличие, как это видно из указа, заключалось в том, что средства производства в знаменных поселениях находились в собственности поселенцев, хотя они и были приобретены в кредит с помощью государства. Тягловая сила (скот) отпускалась при открытии поселений бесплатно, но впоследствии приобреталась самими поселенцами.

Из другого доклада[4] мы узнаем, что вначале практиковалась совместная всеми знаменами обработка земли, т. е. существовало коллективное пользование землею, объяснявшееся неуменьем работать значительной части поселенцев и желанием привить навыки в земледельческом труде. Впоследствии, в связи с тем, что совместная обработка земли оказалась мало эффективной и повлекла за собой снижение производительности труда, так как при таком способе пользования землей последняя рассматривалась как государственная собственность, — командующий войсками Сун Юнь предложил распределить землю по-душно

---

[1] 息銀, сиинь, проценты с капитала. Здесь, повидимому, имеется в виду процент с ростовщического капитала, с ссуды, предоставляемой правительственными меняльными лавками.

[2] 公設官鋪, Гуншэ гуаньпу.

[3] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 11.

[4] Там же, стр. 11—13. Доклад Сун Юня от 1804 г.

и считать ее наследственной собственностью.[1] На каждого поселенца намечалось распределить по 30—40 му.[2]

На посев испрашивалось в кредит на трехлетний срок из казенных житниц зерно-семя; на этих же условиях выдавалось продовольствие (коулян, 口 糧) на содержание обрабатывающих землю.

Весь продукт труда знаменных поселенцев, повидимому, потреблялся ими самими, за небольшим исключением — часть зерна (какая — установить трудно) сдавалась в специально созданные в каждом знамени казенные амбары.[3]

Командный состав в манчжурских знаменах точно так же, как и рядовые, наделялся землей, так как было признано, что получаемого ими натурального довольствия от 260 до 140 гинов риса недостаточно для существования, причем было предложено заниматься земледелием свободным членам семьи.[4] Таково вкратце содержание доклада Сун Юня, датированного 1804 г. В связи с тем, что доклад представляет большой интерес, мы помещаем полный его перевод:

«В 9-й год правления императора Цзяцина (1804 г.) цзянцзюнь Сун Юнь докладывал императору: «В прошлом году удостоился милости императора, получив скот для землепашества. Вначале, при первых попытках возделывания земли, в связи с тем, что праздные (находящиеся без дела) в восьми знаменах не умели пахать и сеять, велел всем вместе заниматься земледельческими работами, с целью научить. По истечении двух лет было уже несколько сот человек научившихся работать. Если попрежнему велеть им совместно работать и собранным урожаем поддерживать восемь знамен, то будут считать землю государственной собственностью и с течением времени обленятся (распустятся). Следует распределить землю по-душно,[5] по системе обработки

---

[1] 世 產, Ши чань.

[2] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 12.

[3] Там же, стр. 13.

[4] Там же, стр. 12.

[5] 按 名, аньмин.

земель восьмизнаменными сибинскими дивизиями,[1] с тем, чтобы каждый лично возделывал землю и лично потреблял (продукты своего труда. *Л. Д.*).[2] В таком случае, обрабатываемая определенными лицами земля будет считаться наследственной собственностью этих определенных лиц.[3] Известно, что прежде сибинским дивизиям из казны не выдавалось довольствие — рисом и мукой, а все они сами занимались земледелием и сами потребляли. Теперь в обеих манчжурских дивизиях (речь идет о сибинцах. *Л. Д.*) имеются средства существования и не наблюдается затруднений.

Поселенцы манчжуры (знаменные) думали, что если они будут обрабатывать землю, то в будущем им непременно сократят довольствие (коу-лян), по этой причине они не старались преуспевать в занятиях (земледелием). Теперь, после неоднократных разъяснений, все они охотно получили землю и обрабатывают ее. Об этом довожу до вашего императорского сведения, дабы рассеять все сомнения. За последние два года в местах поселений отстроено много домов, которых хватит для расселения. Со следующего года начнется размещение в манчжурских городах Хуйюане и Хуйнине нескольких сот человек, в первую очередь тех, кто научился обрабатывать землю. С другой стороны, откомандированы старшие по возрасту, надежные линцуй мадзя[4] для общего руководства работой в знаменах.

Учитывая работоспособность, каждому человеку выделено по 30—40 му.[5] Посланы заслуживающие доверия чиновники для руководства возделыванием земли, которая считается личной собственностью. Еще выяснил, что ротные (селины) получают

---

[1] Здесь имеется в виду передача земельной площади из общего пользования всеми знаменами в коллективное пользование членами одного знамени и индивидуальное пользование внутри знамени.

[2] Имеется в виду, конечно, и содержание семьи. Последняя фраза в тексте выражена так (слева направо): 各令自耕自食, гэ лин цзы гэн цзы ши.

[3] Эта фраза передана так (слева направо): 某人耕者卽爲某人世產

[4] 領催馬甲

[5] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 12ᵛ.

ежемесячно жалованье натурой, рисом и мукой, по 260 с лишним гин (цзинь).[1]

Цзолины,[2] Фан'юй[3] и низшие чины, вплоть до цяньфын-линцуй-мадзя,[4] получают ежемесячно, каждый по 140 с лишним гинов риса и муки. Многим не хватает средств существования. Полагаю: что тем из свободных членов семейств (перечисленных чиновников. *Л. Д.*), кто пожелает работать, следует дать землю, которую каждая семья считала бы вечной (наследственной) собственностью.[5]

Для тех, кто сам обрабатывает землю, ожидаю разрешения на выдачу им заимообразно в следующем году из избыточного зерна в житницах (казенных амбарах) продовольствия (коу-лян) и зерна для посева (цзы-чжун),[6] которое будет возвращено в течение трех лет. Свободной земли в двух городах (Хуйюане и Хуйнине. *Л. Д.*) много. Если каждый год по-старому обрабатывать имеющиеся рисовые поля, то, всего лишь через несколько лет, все затраты[7] могут быть возмещены. За это же время излишками[8] (повидимому, после удовлетворения потребностей производителя. *Л. Д.*) от непрерывно собираемого урожая, вполне возможно прокормить нуждающихся (бедных). Через несколько лет после обработки земли и благополучного состояния необходимо будет установить в каждом из восьми знамен, подобно тому как это сделано у Сибо (сибинцев), по одному казенному амбару, куда ежегодно, учитывая возможности, сдавать в некотором количестве зерно для (общественного) пользования. Теперь в общем высчитано, что для того, чтобы содержать себя в тече-

---

[1] Цзинь (гин) = около 660 грамм.

[2] 佐領

[3] 防禦

[4] 前鋒領催馬甲

[5] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 12, 各家永爲世產

[6] 籽種

[7] 工本, гунбэнь — издержки производства, затраты.

[8] 餘利, юйли, прибыль, доход, излишки; собственно, в данном случае, имеются в виду излишки зерна.

ние продолжительного времени, правительственные войска города Хуйюаня нуждаются в 80 000 му земли; войска города Хуйнина — в 40 000 му. Если повсюду произвести тщательный осмотр, то окажется, что пригодной для обработки земли вполне достаточно. Ожидаю распространения великих императорских благодеяний на находящихся в Или слуг его и оказания им по истечении нескольких лет такой щедрости, которая позволит всем добиться успехов, как в исполнении военной службы, так и в мирном труде (земледелии)».[1]

На этот доклад последовало императорское решение передать доложенное на обсуждение в государственный совет (цзюньцзичу). Члены государственного совета совместно с советником Бао Нином,[2] обсудив доклад, вынесли решение, в котором, указывая на необходимость учета значения Синьцзяна в военном отношении и невозможность в связи с этим отрывать манчжурских солдат от военной службы, предложили поручить обработку земли свободному от службы населению, вместо солдат.

«... Синьцзян в военном отношении чрезвычайно важен и (поэтому) поля (землю) можно только передать свободному населению,[3] которое бы, вместо (солдат), занималось земледелием,[4] но не следует заставлять трудиться правительственных солдат,[5] несущих военную службу.

Это дело Сун Юнь (должен) как следует разрешить.

Побуждая знаменных обрабатывать землю, (нужно) чтобы это не служило помехой (препятствием) для несения военной охраны в важнейших районах Синьцзяна, тогда будет все хорошо...»[6]

---

[1] Весь доклад занимает три страницы китайского текста; ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 11^{v} — 13^{r}.

[2] 大學士保寧

[3] 閑散餘丁, сянь сань юй дин — избыточное свободное население (взрослые), праздное и неорганизованное.

[4] 代爲耕種, дай вэй гэнчжун.

[5] 官兵, гуань бин.

[6] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 13.

Эта установка манчжурского правительства в отношении знаменных (манчжурских) поселений в Синьцзяне проводилась в жизнь. Таким образом мы можем установить, что земельная площадь в этих поселениях обрабатывалась не юридическими владельцами, а свободным от военной службы населением знамен и частично наемной силой.

До 1812 г. в Илийском крае земли знаменных поселений разделялись на две категории: а) земли, распределенные по восьми знаменам и обрабатываемые каждым знаменем в отдельности; б) нераспределенные и обрабатываемые коллективно всеми знаменами. И те и другие земли засевались различными зерновыми культурами. Земли первой категории, из перечисленных, находились недалеко от городов (Хуйюань чэна и Хуйнин чэна) и составляли всего 24 000 му, по 3000 му на каждое знамя. Эти земли обрабатывались силами знаменных, свободных от несения военной службы, выделявшихся ротными и другими командирами. Продукт труда с этих земель шел на содержание семей данного знамени, причем вменялось в обязанность содержать также вдов, сирот и оказывать помощь бедным семьям.

Земель второй категории было 40 000 му. Обрабатывались они свободным от дела населением всех знамен под наблюдением ротных. Ежегодно подвергалась обработке только половина полей, другая половина отдыхала. На этих землях применялась также наемная рабочая сила в лице туркестанцев (таранчей) и ссыльных преступников, в связи с недостатком рабочих рук в знаменах.

Урожай с этих полей хранился в особых житницах, откуда к концу года собранное зерно передавалось восьми знаменам и использовалось для содержания вдов, сирот и бедных семей в дополнение к отпускаемому из числа собранного в каждом знамени.[1]

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 14—15. Приведенные мною данные о разделении знаменных земель на две категории взяты из доклада командующего войсками Или Цзинь Чана, от 1812 г. Ниже я привожу полностью этот доклад, представляющий большую ценность для изучения производственных условий в знаменных поселениях

В 1812 г. на высочайшее имя илийским командующим войсками (цзянцзюнем) и наместником Цзинь Чаном (晉昌) был представлен доклад, предлагавший внести ряд изменений в положение о знаменных поселениях. Наиболее существенным было предложение включить в число распределяемой по знаменам земли находящиеся в коллективном пользовании и обработке всеми знаменами, т. е. до сих пор нераспределенные, общественные поля. Это предложение мотивировалось знакомым нам, излагавшимся выше, соображением, что земли, обрабатывавшиеся каждым знаменем в отдельности, давали больший урожай, — благодаря большей производительности труда и лучшему уходу, так как они рассматривались собственностью знамени, чем общественные земли, труд на которых считался трудом не на себя.

Цзинь Чан предлагал перераспределить по знаменам только 20 000 му из 40 000 му, в связи с тем, что остальную площадь трудно было оросить и она по этой причине оказалась непригодной для возделывания.

Другое предложение, не менее важное, состояло в том, чтобы, в случае если собственной рабочей силы будет недостаточно для обработки земли, допустить сдачу знаменных земель в аренду (по каждому знамени) и взимать арендную плату по числу му сдаваемой площади.

Докладчик Цзинь Чан, внося это предложение, исходил из того, что этим мероприятием можно будет избавиться от необходимости нанимать для земледельческих работ туркестанцев и ссыльных-преступников, и, с другой стороны, можно использовать получаемую арендную плату для поддержания нуждающихся в знаменах семей, вдов, сирот.

Приведу доклад Цзинь Чана в том виде, в каком он помещен в «Циньдин Синьцзян шилё».

Докладу предшествует указание о том, что он представлен в 1812 г. и передан императором на совместное обсуждение членам государственного совета и Сун Юню (б. наместнику Или).

«В Или засеваемые манчжурскими дивизиями различными культурами[1] поля делятся на две категории: а) разделенные (распределенные) и б) не разделенные. Первых — разделенных земель — 24 000 му. Это земли, находящиеся недалеко от городов, переданные восьми знаменам, по 3000 му на знамя, прежним наместником Или Сун Юнем. Чиновники (цзолин, селин) должны были посылать туда людей для распашки. Ежегодно собираемым зерном каждое знамя само содержало вдов, сирот и бедные семьи, причем за осуществлением этого наблюдала канцелярия командующего.[2] В течение нескольких лет ежегодно достигались реальные результаты. Вторая категория земель в количестве 40 000 му — неразделенные поля, которые находятся на далеком расстоянии от города. Туда ежегодно посылались заслуженные чиновники (цзолин): Сулэфан,[3] Улэдэнбу[4] руководить совместной работой свободных (от службы) из восьми знамен.

Ежегодно из 40 000 му обрабатывалась половина полей, а другая половина отдыхала. Из-за недостатка рабочей силы дополнительно нанимали туркестанцев и ссыльных. Собираемое зерно хранилось в одном месте и к концу года передавалось восьми знаменам для дополнительной помощи вдовам, сиротам и бедным. Два-три года тому назад, на нераспределенных полях зимою было много снега и в связи с тем, что весна стояла холодная и продолжительная, снег таял медленно. Благодаря этому воды было достаточно и можно было извлечь большую пользу. Недавно же в Или снега зимою было мало. Весна была теплая и скопившийся в горах снег в весенние дни быстро растаял наполовину, в то время когда в начале сева воды требовалось немного. К лету влаги потребовалось больше, но снега в горах оставалось мало и, так как эти неразделенные земли расположены на возвышенности, было невозможно обеспечить их в достаточной мере водой. (По этой причине) за последние два-три года урожай на этих землях не сравним с урожаем на распределенных среди восьми знамен полях. Я (Цзинь Чан) целиком учитываю, что разделенная Сун Юнем земля рассматривается каждым знаменем в качестве (своей) личной собствен-

---

[1] 雜糧, цза лян.

[2] 將軍衙門

[3] 蘇勒方阿, Сулэфан'э.

[4] 烏勒登布, Улэдэнбу.

ности,[1] и поскольку не рассматривается как чужая (земля), — восьми знаменами достигнуты успехи и имеется стимул для работы. Поистине, эти мероприятия Сун Юня хороши.

На мой взгляд, необходимо, в соответствии с осуществленными мероприятиями Сун Юня, разделившего землю, исключить поля, которые не могут ежегодно получать воду, дабы предотвратить от запустения те земли, которым доступна вода, и разделить (последние земли) на 8 частей, дополнительно включив их в число распределенных восьми знаменам земель. Равно, приказать в каждом знамени самим наблюдать за обработкой полей свободными,[2] сделав это особой их обязанностью. За исключением непригодной земли останется еще, приблизительно, 20 000 му. Вместе с прежде распределенной землей это составит 40 000 с лишним му, засеваемых различными культурами. Всю эту площадь, исключив (даже), на основании старых правил об обработке земли в Или, половину полей ежегодно отдыхающих, — невозможно будет обработать из-за недостатка рабочей силы. (Поэтому) прошу — чтобы каждое знамя сдавало землю в аренду[3] и получало арендную плату[4] по количеству му и (в таком случае) не следует дополнительно нанимать туркестанцев и ссыльных.

Что касается вопроса о порядке распределения в каждом знамени среди сирот, вдов и бедных избыточного зерна, получаемого в качестве арендной платы, надлежит приказать всем чиновникам (селин),[5] чтобы они справедливым образом распорядились об этом.

Если наличные силы будут учтены, надеюсь, что не будет ни излишеств, ни недостатков и настанут вечное благоденствие, радость и удача. Ожидаю вашего императорского решения.

---

[1] Ши вей цзи-е, 視爲已業 — это выражение соответствует в другом контексте 視爲已產. В другом месте вместо знаков 已業 употребляются иероглифы 私業. В противоположность этому обороту встречаемся с другим, имеющим обратное значение: 視公產, ши гун чань ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 17г.

[2] 閒散, сянь сань.

[3] 佃人耕種, дяньжэнь гэнчжун — «(чтобы) арендаторы возделывали землю».

[4] 收租, шоу цзу — получать арендную плату. Вся фраза, начиная со слов «прошу чтобы», передана так (слева направо): 請令各旗佃人耕種計畝收租無庸再行添屬回子遣犯

[5] 協領

Что же касается полей манчжурских дивизий, засеваемых рисом, то в прошлом году был собран урожай свыше сам-20. Если и в дальнейшем проводить в жизнь установленные Сун Юнем мероприятия, поистине, будет великая удача».[1]

По решению государственного совета, вынесенному в том же 1812 г. в ответ на доклад Цзинь Чана, предлагалось распределить по знаменам общественные земли, обрабатывавшиеся раньше всеми знаменами вместе. Кроме того, предлагалось из 40 000 му общественных земель не исключать совершенно 20 000 му, якобы негодных для возделывания, а дать им временный отдых. Просьба Цзинь Чана о сдаче земли в аренду отклонялась на том основании, что она внушала опасения, как бы это не привело к скрытому закладничеству и продаже земли и тем самым к подрыву благополучия манчжурских солдат — с одной стороны, а с другой — высказывалось предположение, что передача земли в аренду и получение арендной платы вызовут разложение в знаменах и подрыв трудовой дисциплины. Вместо этого, государственный совет предлагал обрабатывать землю силами свободных людей в знаменных поселениях и ни в коем случае не сдавать в аренду. Нарушение этого правила влекло за собой строгое наказание как знаменных, так и покупающих землю: конфискацию земли и передачу ее другим. Точно так же считалось нецелесообразным нанимать для обработки полей туркестанцев и ссыльных, так как — по мнению государственного совета — в знаменных поселениях к этому времени, т. е. к 1812 г., было вполне достаточно лиц, обучившихся земледельческим работам.

Не считая нужным приводить весь доклад членов государственного совета, даю выдержку из решений по наиболее важным вопросам:

«... Что касается того пункта доклада Цзинь Чана, где говорится о том, чтобы «арендаторы обрабатывали землю и по числу му получать (с них) арендную плату, и (тогда) не следует дополнительно нанимать туркестанцев и ссыльных», — нам (членам

---

[1] См. ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 14г — 15г.

государственного совета) кажется, что в восьми знаменах, являющихся охранными войсками,[1] — свободного взрослого населения достаточно много; это население не имело занятий и в течение всей жизни не могло добыть средств к существованию. Теперь, если побудить их заниматься с усердием земледелием, хватит (им) на существование; к тому же избавятся от безделия (праздности), что (является), как раз, принципом (средством) воспитания и одновременно поддержания (существования).

Если же, как предлагает в докладе Цзинь Чан, велеть обрабатывать землю арендаторам (佃 人) и получать арендную плату по числу му (сдаваемой земли. *Л. Д.*), опасаемся, что (это) породит разложение (коррупцию). По той причине, что поля будут сданы в аренду[2] и можно будет спокойно ожидать арендной платы, — люди в знаменах перестанут трудиться и думать о нуждах, и трудно будет избавиться от привычки бездельничать (к безделью).

При передаче земли в аренду другим (чужим) лицам[3] опасаемся, что не избежать скрытого закладничества[4] и продажи, что постепенно приведет к переходу (земли) в другие руки, и со временем осложнений невозможно (будет) изжить.[5] В этих местах (имеется в виду Или. *Л. Д.*) нет постоянных жителей,[6] а имеются лишь ссыльные, которые по истечении срока (ссылки) стали жителями.[7]

---

[1] 戍 防 — Чжуфан — несменяемые, постоянно живущие гарнизонные (охранные) войска.

[2] 佃 出, дяньчу.

[3] 而 田 畝 佃 於 他 人, эр тяньму дянь юй та жэнь.

[4] 影 射 典 賣, иншэ дянь май.

[5] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 17. Этот абзац, начиная со слов — «при передаче земли в аренду...», передан так (слева направо): 而 田 畝 佃 於 他 人 恐 不 免 影 射 典 賣 輾 轉 易 手 日 久 膠 轕 不 能 清 理

[6] 土 著, тучжу.

[7] 爲 民, вэй минь.

После того, как земля будет сдана в аренду, обильная прибыль и имущество достанутся таким людям (т. е. бывшим ссыльным), а знаменные попрежнему будут нуждаться в средствах существования. Поистине, не в этом смысл забот императора о поддержании его знаменных слуг, находящихся в гарнизонах.

Мы, совместно обсудив, решили обязать впредь взрослых из состава восьми знамен собственными силами обрабатывать землю, не разрешая ее сдавать в аренду. Только в этом случае достижимы вечная радость и благоденствие».

«Если же обнаружится, что (кто-либо) нарушил запрещение сдавать землю в аренду и допустил частную продажу и покупку земель,[1] — то строго наказывать как знаменных (продавших землю. *Л. Д.*), так и покупателей.[2] Землю же конфисковывать в пользу казны[3] и передавать другим семьям, проявляющим усердие в возделывании земли — этим самым поощряя (одних) и устрашая (других).

Что касается туркестанцев и ссыльных, то в те дни, когда знаменные еще не умели возделывать землю, их (туркестанцев и ссыльных) поэтому нанимали в помощь.

Теперь же, через несколько лет, знаменные научились (работать) и не следует больше нанимать для помощи им в обработке полей. Следует выполнять то, что решил Цзинь Чан (т. е. не нанимать туркестанцев и ссыльных. *Л. Д.*)».[4]

Надо сказать, что несмотря на принятие этого решения государственным советом и издание специального императорского указа, искусственные мероприятия, направленные против аренды и продажи земли знаменными, ни к чему не привели. Жизнь оказалаеь значительно сложнее, чем это думали те, кто проводил аграрную политику в Синьцзяне.

---

[1] 以及私買私賣, и цзи сы май сы май.

[2] 典買之民, дянь май чжи минь — купившие благодаря закладничеству.

[3] 田畝入官, тяньму жу гуань.

[4] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 17г — 18г.

Процесс разорения военнопоселенцев-манчжуров — несмотря на помощь правительства — не прекращался. Развитие денежных отношений, влияние торгово-ростовщического капитала приводило к тому, что, минуя все запреты и официальные препятствия, земля сдавалась в аренду и закладывалась. К сожалению, китайский источник не рассказывает нам об этом процессе, отмечая лишь, что к 19 году правления императора Цзяцина (1814 г.), т. е. всего через два года после издания указа, «все земли, прежде распределенные по восьми знаменам, уже сданы в аренду (частным лицам) жителям,[1] а из общественных земель много полей, засеянных пшеницей и рисом, оказались заброшенными».[2]

В 1815 г. вновь было приказано знаменным обрабатывать землю и постепенно восстановлена старая система пользования землей военными поселениями.

Таковы наши данные о знаменных поселениях в Илийском крае, по существу отличавшихся от поселений китайской (зеленой) дивизии. Какие же можно сделать выводы на основании приведенных материалов?

Прежде всего я должен сказать, что знаменные поселения представляли собой одну из форм военно-феодального землепользования. Собственники условий труда в данном случае — феодальное воинство, причем в их лице сочетается, как правило, и непосредственный производитель. Земли этих поселений, хотя и передаются отдельным знаменным солдатам, включаются в систему военного коллектива — знамени. Таким образом, одновременно при индивидуальном владении земельным участком сосуществует коллективное управление и использование средств производства. Так, тягловая сила выдавалась на знамя, а не отдельному лицу. Наблюдение за обработкой земли осуществлялось в масштабе всего знамени. Следовательно, если брать знаменное поселение в целом, так сказать, военный коллектив, то можно сделать вывод, что оно представляло самообслуживаемое поме-

---

[1] Там же, стр. 20, 八旗舊分屯地盡已租給民人

[2] Там же, стр. 20.

стье, где собственники условий труда являлись в то же время непосредственными производителями. Однако не нужно при этом забывать, что в этом военно-феодальном поместье существовало классовое расслоение и эксплоатация здесь шла по линии использования командным составом, не говоря уж о высшей феодальной военной знати, рядовых из знамен. С другой стороны, эксплоатируемые манчжурские солдаты или члены их семьи, выполнявшие часто роль непосредственного производителя на земле военноначальника, собственника условий производства, находились по отношению к неманчжурам-крестьянам, поселенцам, — в привилегированном положении, хотя бы даже потому, что с них не брали никаких налогов, податей, оброка.

«С земель всех осми гуза (знамен) как податей и служб, так хлеба, соломы и холста не требовать от сего времени (с первого года правления императора Шуньчжи, т. е. с 1644 г. *Л. Д.*) вечно».[1]

В то же время мы встречаемся и с более сложными отношениями в знаменных поселениях. С одной стороны, практикуется использование наемного труда, — к сожалению источники не вскрывают характера взаимоотношений между знаменным поселением и привлекаемой со стороны наемной рабочей силой, не освещают вопроса об оплате наемных рабочих и прочих условий труда. С другой стороны, знаменные поселенцы вступают в арендные отношения и являются, таким образом, собственниками земли, реализующими ренту, отчуждающими прибавочный продукт, причем формой присвоения прибавочного продукта в знаменных поселениях илийского края являлась натуральная рента. Ее размеры, к сожалению, также не указываются источниками.

Сопоставляя знаменные (манчжурские) поселения с поселениями китайских солдат, я должен провести известное разграничение между этими двумя формами землепользования.

Если в военных поселениях (китайских) собственником условий труда, в том числе и всеобщего средства труда — земли,

[1] Леонтьев. Законы и установления китайского, а ныне манчжурского правительства..., т. I, стр. 287.

является государство, эксплоатирующее непосредственных производителей — солдат-поселенцев, то здесь, в манчжурских поселениях, хотя государство и вмешивается в процесс производства и декларирует условия пользования землей, но фактический владелец земли — знаменный поселенец — не находится в такой зависимости от государства, как это имело место с китайским солдатом-поселенцем.

Знаменный поселенец, по существу, собственник условий труда — вспомним, что средства производства приобретались самими поселенцами, правда в кредит у государства.

Далее, земля тоже, по существу, переходила в собственность непосредственного производителя (несмотря на то, что государство, в лице Цинского дома, рассматривало себя юридическим собственником земли), — это видно, хотя бы из факта сдачи в аренду, закладничества и даже продажи земельных участков, переданных правительством поселенцам-манчжурам.

Интересно отметить в подтверждение нашего вывода о классовой дифференциации внутри знаменных поселений, что распределение земель манчжурам, находившимся на военной службе, проводилось по принципу иерархического различения. Так, если я указывал, что рядовой военнослужащий получал 30 му земли, то высшие чины восьми знамен одних огородных земель получали по 180 му.[1] Верховное командование, так наз. уксуни — принцы крови — получали пахотных земель по несколько тысяч му.

«Уксуням знамя желтого с каймою 610 цимари;[2] знамя желтого — 1776; знамя белого — 600 цимари; знамя красного 20 736 цимари; знамя белого с каймою — 28 619 цимари».[3]

Таким образом, на примере распределения земли мы можем наглядно видеть классовую политику феодального манчжурского государства.

---

[1] Леонтьев, там же, стр. 302. Эти данные относятся не к Синьцзяну, а к Китаю в целом.

[2] Один цимари равен 6 му.

[3] Леонтьев, там же, стр. 301.

3. ЗЕМЛИ, ОБРАБАТЫВАВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КРЕПОСТНЫМИ

(«Туркестанские поселения» Хуй тунь)

Если рассмотренные формы землепользования — военные (китайские) и знаменные поселения — представляют на первый взгляд завуалированные виды эксплоатации, то туркестанские поселения (Хуй тунь) являли собой ярко выраженную, открытую форму феодальной эксплоатации непосредственного производителя собственником условий производства, в данном случае, государством.

Народ-победитель, манчжуры, превращает побежденных жителей Восточного Туркестана в крепостных, переселяя их в опустошенную Джунгарию, где они образуют поселения. Формирование поселений туркестанцев в Илийском крае относится к 1760 г. В этом году была отправлена первая партия туркестанцев из г. Аксу в количестве 300 человек. С 1762 до 1767 г. из городов Уша, Яркенда, Хотана, Хами и Турфана дополнительно отправлено 6000 семейств для обработки земли. В 1773 г. из 6000 туркестанских семейств было образовано 9 поселений (тунь, 屯), которые возделывали землю и сдавали государству оброк зерном.[1]

Каждая семья[2] сдавала 16 дань, а всего таким образом ежегодно вносили 96 000 дань.[3] В дальнейшем, в связи с ростом населения в туркестанских поселениях и увеличением посевной площади, в 1794 г., цзянцзюнь Бао Нин в докладе императору просил увеличить количество сдаваемого поселенцами хлеба на 4000 дань и таким образом довести до 100 000 дань.[4] На доклад последовал указ, в котором рекомендовалось воздерживаться от увеличения оброка, учитывая неурожаи.

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. (цзюань) 6, стр. 23—24. Выражения: на лян, 納糧, цзяо лян, 交糧, мы переводим — «сдавать, вносить государству оброк зерном».

[2] Ху, 戶 — хозяйственная единица, семья, двор.

[3] ЦДСЦШЛ, гл. (цзюань) 6, стр. 24.

[4] Там же. См. также гл. (цзюань) 8, стр. 2—3.

«Впредь, если будут неурожайные годы, не следует увеличивать сбор хлеба в казну, дабы показать этим заботу (правительства о населении. *Л. Д.*)».[1]

С этого времени, т. е. с 1794—1795 гг., установлен твердый сбор с каждой семьи (двора) поровну[2] в размере 16 дань, 6 доу, 6 шен, 6 хэ, 6 чжо.[3] В 1804 г., в 9-й год правления императора Цзяцина, туркестанским поселенцам дополнительно переданы земли свинцово-медных заводов с обязательством ежегодно сдавать 2000 дань пшеницы на снабжение рабочих этих заводов.[4] К сожалению китайские источники не указывают размера всей посевной площади, переданной туркестанским поселенцам, и размеров надела на каждого поселенца. Однако я могу предположить, что «наделы» эти составляли 20—30 му, так как мне известно, что каждая семья засевала по $1^1/_2$ даня разных культур[5] или 15 доу, а на 1 му земли требовалось около $^1/_2$—$^3/_4$ доу зерна.

Следовательно, общая земельная площадь, обрабатывавшаяся туркестанцами, составляла 18—20 тыс. му.

Земля, безусловно, являлась номинальной собственностью государства (Цинского дома) и государство, следовательно, было непосредственным присвоителем прибавочного продукта. Туркестанцы принудительно прикреплялись к земле, и, обрабатывая ее, сдавали часть своего продукта государству.

Средства производства. Китайские источники не дают никаких прямых указаний на то, чьими орудиями труда возделывалась земля в поселениях туркестанцев — государственными или их собственными, а этот вопрос для нас основной, решающий, так как он определяет форму присвоения прибавочного продукта. Если мы установим, что в этих поселениях турке-

---

[1] Там же, гл. (цзюань) 6, стр. 24.

[2] Тань, 攤, равными долями, поровну.

[3] ЦДСЦШЛ, гл. (цзюань) 6, стр. 24. Эта фраза в тексте передана так: 每戶攤交糧十六石六斗六升六合六勺零

[4] Там же, стр. 24, 26.

[5] СЮТЧж, гл. 32. стр. 24ᵛ; ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 28ᵛ.

станцы работали «при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»,[1] то они ничем не будут отличаться от рабов, которые этим только и отличаются от крепостных.

Зерно-семя для посева — одно из условий труда — безусловно принадлежало непосредственным производителям — туркестанцам. В китайских источниках встречаются указания, что когда в 1760 г. в Или были поселены 300 чел. туркестанцев и предполагалось со следующего года послать из Аксу еще 500 чел., им предлагалось захватить с собой, каждому, пшеницы и ячменя для посева по 5 доу, проса (穀 黍) и риса всего 5 доу.[2]

Что касается земледельческих орудий, лошадей, скота и другого инвентаря, туркестанцы, как указывает китайский источник, должны были быть снабжены на основании правил переселения мусульман этого года, т. е. 1760 или 1761 г.[3]

Однако в просмотренном нами уложении финансовой палаты мы нашли только указания относительно снабжения сельскохозяйственными орудиями ссыльных, ставших поселенцами в Синьцзяне, и направленных на поселение жителей, повидимому, добровольно переселяющихся, которые именуются в уложении — хуминь.[4] Вот что сообщает уложение относительно снабжения средствами производства крестьян-поселенцев:

«Посылаемым в Синьцзян для занятий земледелием жителям (крестьянам) выдавать подъемных (дорожных) денег на каждые сто ли 1 цянь, 2 фэня — взрослым, и 6 фэней малолетним.[5]

Для трех взрослых и малолетних предоставлять одну телегу. В зимнее время каждому человеку выдавать меховую одежду — по одной штуке. На семью выдавать один котел. Заимообразно выдавать одну палатку, которую возвратить по прибытии на поселение.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, ГИЗ, 1929, стр. 266.

[2] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 27, СЮТЧж, гл. 32, стр. 24г.

[3] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 28.

[4] 戶民, хуминь.

[5] 小口, сяокоу.

Каждой семье (户) передать 30 му земли, выдав семена и один полный комплект земледельческих орудий.

Выдать в кредит на починку дома — 2 лана, на приобретение тягла — 8 лан.

Выдавать заимообразно, не собравшим еще урожая ежедневно, на содержание, — рисом 8 хэ, 3 чжо или мукой 1 гин — взрослым; половину этого — малолетним. Выданное в кредит взимать по срокам».[1]

В отношении ссыльных, отбывших срок ссылки, то же Уложение рекомендует:

«...на трех человек выдать 1 комплект земледельческих орудий.

Заимообразно выдать лошадь и корову;... деньги на постройку жилых помещений, провиант и семена отпустить заимообразно, на основании правил о жителях (户民), с условием возвращения всего по срокам».[2]

Другой китайский источник — Шэн у цзи, — перечисляя существовавшие в Джунгарии поселения — военные, знаменные, туркестанские, частные — указывает, что они снабжались скотом из казенных заводов,[3] не говоря, правда, на каких условиях.

На основании сопоставления свидетельства приведенных источников мы можем сказать, что в мусульманских поселениях фактический владелец земельной площади — непосредственный производитель — обрабатывал землю частично своими средствами производства, а частично — средствами государства, являвшегося также номинальным, юридическим собственником земли. Этот вывод подтверждается указом государственного совета (Цзюнь цзичу) от 1760 г. в ответ на доклад правителя (баньши-дачэнь) Агуя, в котором подвергается обсуждению вопрос о семенах, скоте и тягловой силе и отмечается, что: «если велеть (приказать) переселяющимся для обработки земли туркестанцам сразу

---

[1] Хубу цзэли, гл. 94, стр. 52—53.

[2] Там же, стр. 53.

[3] ШУЦз, гл. 4, стр. 14.

достать необходимые продовольствие, семена, скот и лошадей, то во всех городах (в каждом городе) у туркестанцев (хуйцзы) неизбежно будут затруднения».[1]

Естественно, что если бы здесь речь шла о государственных средствах производства, это не вызвало бы никаких затруднений у переселенцев; поэтому, нам кажется, что указ имеет в виду постепенное приобретение инвентаря самими мусульманами. Утверждать же, что в данном случае имел место труд при помощи чужих условий производства и не самостоятельно, следовательно, поселенец-туркестанец (хуйцзы) являлся рабом — мы не можем, считая скорее возможным отнести этих поселенцев к государственным крепостным.

Туркестанские поселенцы, согласно указаниям китайских источников, сдавали не весь продукт своего труда, а только часть. Нам известно, что эта часть фиксировалась и составляла — 16 дань, 6 доу, 6 шэн, 6 хэ, 6 чжо с каждой семьи (ху).

Эта фиксация количества сдаваемого хлеба дает нам возможность установить какая часть произведенного продукта оставалась в руках непосредственного производителя.

Прежде всего нам известно, что за вычетом сдававшегося государству хлеба, который шел на содержание войск, остававшийся у непосредственного производителя продукт его труда использовался для нужд поселенца и его семьи и для воспроизводства сельскохозяйственного процесса. Об этом говорит доклад правителя Агуя от 1760 г. Приведу выдержку из доклада по интересующему нас вопросу:

«...в текущем году (1760) 300 чел. туркестанцев засеяли 300 дань зерна; кроме содержания их самих, жен и детей и оставления необходимого посевного фонда, (этого) еще хватит для 1000 с лишним правительственных солдат и нестроевых в течение нескольких месяцев».[2]

«Если в будущем году, весною, последовательно будут переселены 500 чел. туркестанцев, то вместе с этими 300 чел. (при

---

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 27.

[2] Там же, стр. 28г.

условии), если каждый будет засевать 1 дань, 5 доу зерна, и при урожае в сам-15, можно будет получить 18 000 дань зерна; при урожае в сам-20 — 24 000 дань».[1]

Дальше в докладе указывается, что этого количества хлеба хватит на содержание в течение года 1000 семейств туркестанцев и 2500 чел. солдат.

Мы в свое время отмечали эту зависимость численности войск в Джунгарии от количества поселенцев и получаемого ими урожая. Сейчас нас интересует не это. В приведенном отрывке для нас важно указание на то, что поселенцы оставляют фонд для посева и для собственного содержания.

Естественно, что если прибавочный продукт фиксировался и был постоянной величиной, необходимый продукт претерпевал изменение в зависимости от урожая. Отсюда — и соотношение между прибавочным и необходимым трудом было неодинаковым, а, следовательно, и норма эксплоатации в урожайные годы была одна, а в неурожайные — другая.

Один из китайских источников, сообщающий нам данные о количестве засеваемого туркестанскими поселенцами зерна и о норме урожая, — на основании чего мы можем определить размеры валовой продукции поселенца, — не учитывает возможные колебания нормы урожайности. А что такие колебания были — видно из доклада Агуя, цитированного мною. В этом докладе отмечалось, что возможен урожай в сам-15 и сам-20.

В Сиюй тучжи указывается, что в 1760 г. 300 чел. переселенных из Аксу в Или туркестанцев посеяли 90 дань, 5 доу проса,[2] а собрали 1133 дань; пшена[3] посеяли 211 дань, а сняли урожай в 2622 дань.[4] Из этих цифр видно, что урожай составлял сам-12.5. В другом месте этот же источник сообщает, что норма урожая у туркестанских поселенцев в Илийском округе равня-

[1] Там же, стр. 28[v].

[2] 黍米, шуми.

[3] 粟米, суми.

[4] СЮТЧж, гл. 32, стр. 24[r].

лась: по пшенице приблизительно 2000% (сам-20), по просу[1] — около 4000% (сам-40). Там же указывается, что пшеницы и ячменя засевалось каждой семьей 1 дань, а проса 5 доу ($^1/_2$ дань).[2]

Эти данные, как я отметил выше, совершенно не учитывают колебаний урожая и поэтому пользоваться ими мы должны с осторожностью.

Во всяком случае, после сопоставления всех данных я могу установить, что средняя норма урожайности составляла сам-14—20 по хлебным злакам (главным образом по пшенице). Если учесть, что посев составлял $1^1/_2$ дань, то валовая продукция, получаемая каждым хозяйством, равнялась 22.5—30 дань. В годы высокого урожая, при посеве 1 дань пшеницы и $^1/_2$ дань проса — поселенец получал 20 дань пшеницы и 20 дань проса.

За вычетом из этого количества оброка, сдаваемого государству и составлявшего 16 дань, получаем остаток — необходимый продукт,—который, следовательно, равнялся 6.5—14—24 дань. Таким образом прибавочный продукт составлял 71—53—40% всей валовой продукции. Как видно из этих данных, норма эксплоатации была весьма высокой и присваиваемый государством прибавочный продукт выходил за рамки обычного оброка, составлявшего 10% урожая непосредственного производителя.

Необходимый продукт, оставшийся в руках непосредственного производителя, давал возможность полуголодного существования для туркестанских крепостных крестьян. В самом деле, если учесть, что на ежедневное содержание взрослого требовалось, приблизительно, 8 хэ, 3 чжо ржи, а на малолетних половина этого (такая норма существовала для переселенцев),[3] то получим следующие показатели потребного на год продовольствия: для взрослого—8 хэ, 3 чжо × 365 = 3 дань, 2 шэна, 9 хэ, 5 чжо. для 1 ребенка—4 хэ, 1.5 чжо × 365 = 1 дань, 5 доу, 4 хэ, 7 чжо.

Если взять семью из четырех человек (включая двух взрослых), то потребуется на год — 9 дань, 6 шэн, 8 хэ, 4 чжо зерна.

---

[1] 穀黍, гушу.

[2] СЮТЧж, там же, стр. 24v.

[3] Хубу цзэли, гл. 94, стр. 52—53.

К этому надо прибавить 1.5 дань семян. Таким образом общая потребность будет равна — 10—11 дань. Кроме того, надо учесть потребность в фураже для рабочего скота.

Следовательно, оставшейся у непосредственного производителя после сдачи государству сельскохозяйственной продукции хватало на существование при голодной норме.

Кроме натурального оброка, туркестанцы-крестьяне обязаны были выполнять феодальные повинности в пользу государства на строительстве городов [1] и ремонте дорог.[2]

Подведу некоторые итоги. Туркестанские поселения, по терминологии китайских источников, представляют собой феодальную форму землепользования, при которой непосредственный производитель принудительно прикреплен к земле номинальным собственником ее, в данном случае государством, которое отчуждает прибавочный продукт посредством налога-оброка. Этот налог-оброк должен рассматриваться в качестве земельной ренты, именно ренты продуктами. На ряду с рентой в продуктах здесь существуют остатки более ранней — отработочной ренты, принимающие форму государственных трудовых (феодальных) повинностей на строительстве городов и дорог. Непосредственный производитель, в данном случае фактический владелец земли и — частично — собственник средств производства, ведет хозяйство самостоятельно и зависимость его от государства определяется, с одной стороны, необходимостью платить налог, а с другой — отбывать феодальные повинности. Я называю этого непосредственного производителя (туркестанского поселенца) государственным крепостным с той оговоркой, что личная несвобода производителя ограничивается оброчными обязательствами и эпизодическими повинностями.

Управление туркестанскими (мусульманскими) поселениями в Илийском крае строилось по системе туземного административного управления в собственно Восточном Туркестане (Кашгарии). Во главе всех поселений стоял хаким бек из турке-

[1] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 31.
[2] ДХСЛ, гл. 19, стр. 3[v].

станцев. Первым (по счету) хаким беком был второй сын турфаньского цзюньвана (князя 2-й степени) Эмин Хочжи[1] — Муса,[2] назначенный на эту должность в 1760 г. и получивший позднее титул «графа, помогающего государству».[3]

В 1766 г. на должность илийского хаким бека 3-го класса назначен третий сын Эмин Хочжи-Оломуцзабу,[4] получивший титул тайцзи 1-й степени.[5] Интересно отметить, что должность хаким бека в Илийском крае, по существу, была наследственной, так же как и титул тайцзи (так по крайней мере было до 1805 г., о чем сообщает нам китайский источник).[6] Всего чиновников из туркестанцев в Илийском крае, осуществлявших управление переселенными из Восточного Туркестана крестьянами, было 81 человек, включая и хаким бека. Из них: 1) хаким беков 3-го ранга — 1 чел., в руках которого сосредоточивалось все управление; 2) ишик-ага беков 4-го ранга — 1 чел. (помощник хаким бека); 3) казначи беков 5-го ранга — 2 чел., заведывающих сбором податей, оброка; 4) шан беков — 2 чел., заведующих провиантом; 5) казий беков 6 ранга — 1 чел. (судья по уголовным делам); 6) мираб беков 6-го ранга — 1 чел. (управляющий оросительной системой); 7) дугуань беков — 1 чел. (заведующий военными станциями и почтой); 8) мин беков — 7 чел. (тысячники), управляющие тысячью туркестанцев; 9) шихур беков — 1 чел., заведует снабжением почтовых станций фуражом и путевым довольствием; 10) падишаб беков — 1 чел., выполняет полицейские обязанности (пристав); 11) бачжгир беков — 1 чел. (сборщик налогов); 12) садыр беков — 1 чел., наблюдает за порядком на рынках; 13) юз беков — 60 чел. (сотники); 14) юз беков 7-го ранга — 1 чел., наблюдающий за добычей железа.[7]

---

[1] 額敏和卓, Эминь хэчжо, Эмин Хочжа.

[2] 茂薩

[3] 輔國公, фу-го-гун.

[4] 鄂羅木雜布, Оломуцзабу.

[5] —等台吉, идэн тайцзи.

[6] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 24—25.

[7] Там же, гл. 5, стр. 31[v]—32[v]. См. также Сичуй цзунтун шилё, гл. 7, стр. 20—21.

В заключение приведу данные о местах расселения туркестанских поселенцев в Илийском крае.

ТАБЛИЦА РАССЕЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ (ТУРКЕСТАНСКИХ) ПОСЕЛЕНИЙ

№ по пор.	Название местности	Количество семейств (хозяйств)	Источники орошения
1	Кайнак (Хайнук)	600	горные источники
2	Каш	500	воды реки
3	Болобургосу	1100	речные воды
4	Цзи ргэлан (Джергалан) .	900	горные источники
5	Ташисытань	400	» »
6	Борот хой	600	» »
7	Хонохай	800	» »
8	Дардамту (Дардамты) .	500[1]	» »
9	Олосытань	600	» »
	Всего . .	6000	

ТАБЛИЦА ДОПОЛНИТЕЛЬНО РАСПРЕДЕЛЕННОЙ СРЕДИ ТУРКЕСТАНЦЕВ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ В ИЛИЙСКОМ ОКРУГЕ[2]

№ по пор.	Название местности	Количество семейств (хозяйств)	Источники орошения	Примечание
1	Уланькутул (Уланькотел)	—	речные воды в местности Хаш	Эти земли раньше принадлежали свинцово-медному заводу, переданы туркестанцам, которые содержали рабочих завода, сдавая 2000 дань зерна
2	Нилха (Нилэха) . . .	—	горные источники	Земли перечисленных четырех районов дополнительно переданы туркестанцам в 1901 г. в результате доклада илийского наместника Сун Юня
3	Улостай (Улиясуту) .	—	то же	
4	Чунжи (Чуньцзи) . .	—	воды источников	

[1] Эти земли распределены среди туркестанцев в 1794 г. (59-й год правления императора Цяньлуна).

[2] Обе таблицы составлены на основании данных ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр 26. См. также Сичуй цзунтун шилё, гл. 7, стр. 22.

4. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ, СДАВАЕМЫЕ В АРЕНДУ

(Частные поселения. Ху тунь)

а) Земли, арендованные купечеством (крупное землевладение)

На ряду с созданием военного типа землевладений и государственно-крепостнического хозяйства (туркестанские поселения) — в Илийском крае мы имеем частное землевладение, которое развивалось параллельно с военными поселениями после завоевания Джунгарии и ее колонизации.

Эта форма землепользования, начиная с 60-х годов XVIII в., всячески поощрялась китайско-манчжурским правительством, так как созданием ее преследовалась цель усиленной колонизации опустошенной страны, причем эта колонизация шла, главным образом, за счет китайско-манчжурского, частично дунганского населения, если не считать принудительно переселенных туркестанцев, составивших кадры государственных крепостных.

С 1763 г. начинается заселение Илийского края выходцами из внутреннего Китая и передача им государством земель для обработки.

Завоеванные земли распределяются государством среди подданных китайско-манчжурского происхождения, причем интересно то, что первыми землевладельцами были торговцы. Земля передавалась на арендных началах, повидимому на условиях долгосрочной аренды. Из китайских источников нам известно, что распределенные земли, «наделы», были не одинаковыми. За пользование земельной площадью правительство взимало налог, который может рассматриваться как рента, главным образом, деньгами — в Илийском округе.

В среднем, примерно, каждой семье (хозяйству) передавалось по 30 му земли, но были и такие хозяйства, которые имели по 1000 с лишним му. Объяснение неравномерности распределения надо искать в различии в имущественном положении получавших землю. Так как если даже земля и не продавалась государством

в частную собственность ее непосредственных владетелей, — а о продаже источники ничего не сообщают, — то и тогда владеть большой площадью могли только зажиточтные слои населения, так как площадь в 1000 му естественно требовала огромных затрат на обработку, приобретение сельскохозяйственных орудий, скота, семян, а также на наем рабочей силы, ибо усилиями одной семьи такую площадь невозможно было возделать.

Таким образом, мы видим, что классовая дифференциация в сельском хозяйстве Илийского края ведет свое начало с момента колонизации страны. С другой стороны, надо отметить, что на ряду с чиновничье-помещичьим землевладением, обслуживавшимся крепостными, здесь создавалось крупное купеческое землевладение. Таким образом, для Джунгарии после ее покорения манчжурами-китайцами, по крайней мере для Илийского края, характерно было сращение торгового капитала с земледелием. Из китайских источников нам известно, что получение земель купечеством на арендных началах продолжалось с 1763 г. до 1808 г. Вот что сообщает по этому поводу Сичуй цзунтун шилё (Общее описание Западного края):

«С 28-го года правления императора Цяньлуна (1763) до 13-го года правления Цзяцина (1808) торговцы Чжан Цзы-и[1] и другие в числе 32 чел.[2] постепенно (последовательно) вспахали всего 39 618 му, 6 фэнь земли под пшеницу; с каждого му взимался налог[3] по 5 фэнь. Всего ежегодно было определено налога 1980 лан, 9 цянь, 3 фэня».[4]

---

[1] 張子儀

[2] Здесь 名, мин, человек, употребляется, повидимому, в смысле главы семьи, так как в Циньдин Синьцзян шилё используется, применительно к данному случаю, термин 戶, ху, хозяйство, семья.

[3] Выражение 征銀, или 徵銀, я перевожу «собирать налог», но здесь этот термин имеет значение «налог за пользование землею», т. е. арендная плата. Так, в другом месте, передавая по существу то же понятие, автор употребляет другие знаки, именно 徵租銀, чжэн цзуинь, что яснее передает понятие арендной платы, налога за аренду.

[4] Сичуй цзунтун шилё, гл. 7, стр. 4. См. также Циньдин Синьцзян шилё, гл. (цзюань) 6, стр. 5. Как я указывал, оба источника принадлежат одному

«С 28-го года правления императора Цяньлуна (1763) до 13-го года правления императора Цзяцина (1808) торговцы Чжан Шан-и [1] и другие, в числе 200 человек, обрабатывали 10668 му, 6 фэнь огородной земли и рисовых полей. С каждого му взималась арендная плата (налог) в размере 1 цяня. Всего ежегодно взималось 1066 лан, 8 цянь, 6 фэнь».[2]

Из приведенных цитат видно, что в первом случае во владении торговцев находилось у каждого, в среднем, больше 1200 му земли. Во втором случае примерно 50 му.

Нам приходится выводить среднюю цифру, так как дифференцированных данных нет, но вполне возможно, что распределение земель и среди торгового сословия шло неравномерно.

Различие в арендной плате (налоге) в приведенных случаях объясняется, повидимому, неодинаковым качеством земли, определявшим посев разных культур.

б) Земли, обрабатывавшиеся крестьянами-поселенцами, ссыльными (мелкое крестьянское землевладение)

На ряду с крупным землевладением, сосредоточенным в руках купечества и чиновничества, в Илийском крае формировалось и мелкое землевладение. Об этом нам сообщают те же источники. Это частное землепользование создавалось как добровольно прибывшими в Джунгарию жителями, так и ссыльными-преступниками, срок ссылки которых кончился, и, частично, отделившимися членами солдатских семей. Размер землевладения у всех перечисленных, за исключением ссыльных, был одинаков, по крайней

и тому же составителю — Сун Юню и представляют по существу одно и то же сочинение с различным названием и с небольшими отличиями в изложении. По отношению к данному факту различие в изложении заключается в том, что в Циньдин Синьцзян шилё приводится лишь начальная дата обработки земель торговцами, именно 1763 год, в то время как в Сичуй цзунтун шилё указывается на длительность процесса освоения земель торговцами, с 1763 г. по 1808 г.

[1] 張尙義.

[2] СЧЦТШЛ, гл. 7., стр. 4.

мере в начале поселения. Каждое хозяйство владело 30 му земли, платя налог — ренту [1] государству по 5 фэнь с каждого му, независимо от урожая. Бывшие ссыльные-преступники получали по 12—15 му на человека (семью), внося в казну налог натурой так же, как и члены солдатских семей, выделившиеся и образовавшие самостоятельные хозяйства. Сбор натурой с этих хозяйств равнялся 8 шэнам с каждого му земли.[2]

При поселении частные хозяйства получали в кредит, в рассрочку на 3 года, скот и продовольствие.[3]

Образование мелкого частного землевладения в Илийском крае относится к 1772 г. (37-й год правления императора Цяньлуна). Вот что сообщает об этом Сичуй цзунтун шилё:

«В 37-м году правления императора Цяньлуна (1772) разрешено было, по представлении доклада командующего войсками (цзянцзюня) Шухэдэ, передать (распределить) вновь прибывшим жителям [4] Чжуан Ши фу [5] и другим в количестве 48 семей, пожелавшим войти в состав поселенцев, обрабатывающих землю, по 30 му земли на семью (ху, 戶) и выдать из казны заимообразно скот для обработки земли и продовольствие.[6]

В течение трех лет, с момента начала обработки земли, в счет погашения кредита платили налог (арендную плату) [7] с каждого му 1 цянь. После выплаты (погашения) долга вносили налог (арендную плату) по 5 фэнь с каждого му».[8]

---

[1] 租 銀, цзуинь.

[2] СЧЦТШЛ, гл. 7, стр. 4. Циньдин Синьцзян шилё, гл. (цзюань) 6, стр. 6. В первом источнике указывается цифра 8 шэн, 8 хэ, 9 джо; во втором источнике только 8 шэн — в отношении солдатских семей. Ссыльные сдавали, согласно указаниям китайских источников, по 8 шэн с му (там же).

[3] Сичуй цзунтун шилё, гл. (цзюань) 7, стр. 3.

[4] Выражение 客 民, кэминь, я перевожу: «вновь прибывшие жители» или пришлое, приезжее, не коренное население. В Циньдин Синьцзян шилё (гл. 6, стр. 5) употребляются другие знаки для обозначения этих же переселенцев, именно: 戶 民, хуминь.

[5] 莊 世 福.

[6] 口 糧, коулян.

[7] 納 租 銀, на цзуинь, «вносили арендную плату».

[8] СЧЦТШЛ, гл. 7, стр. 3. См. также ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 5.

Не считая бо́льше необходимым цитировать китайского автора, укажу, что дальше приводятся данные о распределении земли в 1774 г. жителям Чжан Чэн иню[1] и другим в числе 23 хозяйств; в 1781 г. — 30 семействам во главе с Ван Сы син'ом[2] — на тех же основаниях.[3]

В 1780 г., по представлению цзянцзюня Илэту, отделившимся членам солдатских семей Жэнь Ши цай'ю[4] и другим в количестве 114 хозяйств, распределено земли 3420 му.[5]

Распределение земель ссыльным-преступникам с 1763 г. по 1808 г. претерпевало непрерывное изменение.[6] К 1820 г. бывш. ссыльных-крестьян насчитывалось 288 человек, каждый из которых обрабатывал 12 му земли и вносил в казну налог с каждого му — 8 шэн зерна.[7]

На основании приведенных данных мы можем составить таблицу-схему (см. стр. 171) распределения частного землевладения в Илийском крае в конце XVIII — в начале XIX вв.

В эту таблицу включены данные по обеим группам частного землевладения.

Приведенная таблица показывает, хотя и недостаточно, расслоение в сельском хозяйстве Илийского края. К сожалению я не имею возможности проследить куда и к чему вела эта классовая дифференциация, каковы были взаимоотношения различных классовых групп в сельском хозяйстве. Китайские источники вскрывают только характер присвоения прибавочного продукта государством, но не проливают света на формы эксплоатации внутри частного землевладения. Таким образом остается в частности открытым вопрос о способах обработки земель, находящихся в арендном пользовании у купечества. Мне лишь известно,

---

[1] 張成印.
[2] 王已典.
[3] СЧЦТШЛ, гл. 7, стр. 3ᵛ; ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 6
[4] 任世才.
[5] СЧЦТШЛ, гл. 7, стр. 3—4; ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 6.
[6] СЧЦТШЛ, гл. 7, стр. 4—5.
[7] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 6.

ТАБЛИЦА-СХЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЧАСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ИЛИЙСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XVIII И В НАЧАЛЕ XIX вв.[1]

№ по порядку	Фамилии землевладельцев	Год поселения и получения земли	Число хозяйств (ху)	Размер надела (средний) в му	Общее количество посевной площади в му	Налог-рента с каждого му	Общая сумма налога	Засеваемые культуры
1	Торговцы Чжан Цзы-и др. . . .	1763—1808	32	1238	39618.6	5 фэнь	1980 лан 9 цянь 3 фэнь	Пшеница
2	Торговцы Чжан Шан-и др. . . .	1763—1808	200	53.3	10668.6	1 цянь	1666 лан 8 цянь 6 фэнь	Рис и огородные культуры
3	Переселенцы (кэминь, хуминь) Чжуан Ши фу и др.	1772	48	30	1440	5 фэнь	72 лана	—
4	Чжан Чен инь и др.	1774	23	30	690	5 фэнь	34 лана 5 цянь	—
5	Ван Сы син и др. .	1781	30	30	900	5 фэнь	45 лан	—
	Всего .	—	333	—	53317.2	—	3199 лан 2 цяня 9 фэнь	—
6	Выделившиеся члены солдатских семей Жэнь Ши цай и др.	1780	114	30	3420	8 шэн	273 дань 6 доу[2]	Пшеница
7	Бывшие ссыльные-преступники . .	1763—1819	288 ч.	12	3456	8 шэн	276 дань 4 доу 8 шэн	—
	Итого .	—	735	—	60193.2	—	—	—

[1] Данные, помещенные в этой таблице, заимствованные из указанных в нашей работе источников, совпадают с приводимыми данными Хубу цзэли. См. Хубу цзэли, гл. 8, стр. 7.

[2] В СЧЦТШЛ указана другая сумма — 304 дань, 3 шэна, 8 хэ.

что торговцы-землевладельцы, которые, безусловно, сами не являлись непосредственными производителями, платили государству денежный налог (ренту), но как возмещались эти затраты купечества, т. е. вложенный в землю «капитал» и в каких отношениях находилось купечество с непосредственными производителями — решить на основании имеющихся данных очень трудно.

Я должен отметить, что 32 хозяйства из 735, т. е. 4.3% всех частных хозяйств Илийского края, располагали 65.7% всей земельной площади. Эти цифры говорят о резком социальном неравенстве и, следовательно, о глубоких классовых противоречиях в синьцзянской деревне.

Необходимо добавить, что купеческое землевладение отличалось не только своими крупными размерами, следовательно количественно, но и качественно оно (купеческое землевладение) представляло иную форму землевладения.

Показателем этого является то, что фактический владелец земли, в данном случае — торговец, не является непосредственным производителем, обрабатывая землю наемным трудом или сдавая ее в аренду, и в свою очередь присваивает часть земельной ренты.

С другой стороны — в отличие от других поселенцев, обрабатывавших государственные земли, торговцы платили государству земельный налог деньгами и, следовательно, на этих землях существовала денежная рента, как превращенная форма ренты в продуктах.

Эта подчеркнутая мною особенность купеческого землевладения определяла дальнейшие перспективы развития этой формы землепользования. Из арендаторов государственных земель купечество превращалось в крупных земельных собственников. Такой процесс предопределялся существованием денежной ренты — последней формы, формы разложения той земельной ренты, которая является нормальным видом неоплаченного прибавочного труда (т. е. феодальной ренты).

Денежная рента в своем развитии приводит к превращению земли в свободную собственность; вот что говорит Маркс по этому поводу.

«... денежная рента есть в то же время форма разложения рассматривавшейся до сих пор земельной ренты, prima facie совпадающей с прибавочной стоимостью и прибавочным трудом, земельной ренты как нормальной и господствующей формы прибавочной стоимости.

В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне промежуточные формы, как, напр., форму мелко-крестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность, или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором».[1]

Начало этого процесса мы можем наблюдать в Джунгарии, в конце XVIII в., но нужно оговориться, что здесь речь шла не о крестьянской свободной собственности, а о купеческой, и что этот процесс не привел к созданию формы капиталистического способа производства, так как для этого не было предпосылок в общих отношениях производства.

Формирование частного землевладения, на ряду с Илийским краем, имело место в других частях Джунгарии. Оставляя пока в стороне собственно Восточный Туркестан, я привожу данные по Джунгарии. Как и в Илийском округе, округа Урумчи, Баркуль и Куркараусу заселялись колонистами из внутреннего Китая, которые оседали на земле и обрабатывали ее.

О колонизации указанных округов мы находим следующие указания в китайских источниках: О Баркуле — в Сиюй вэнь цзянь лу говорится следующее: «Жителей[2] переселено достаточно много».[3]

Об Урумци — «из Ганьсу переселено жителей (Миньху) несколько тысяч человек и сослано из внутренних провинций

---

[1] Маркс. Капитал, т. III, ч. II, ГИЗ, 1929, стр. 273.

[2] Повидимому, имеются в виду китайцы, так как в тексте это выражение передано знаками миньху, 民 戶; для обозначения же туркестанцев автор, обычно употребляет другие знаки — хуйцзы (回 子).

[3] СЮВЦзЛ, гл. I, стр. 5. Указанное переселение относится к 1766—1770 гг.

несколько тысяч преступников, которые поселились в Чанцзи [1] и Манасе и распахали пустыри».[2]

Более подробные сведения о заселении округов Урумчи, Куркараусу и Баркульского и об обработке земельной площади там мы находим в Сань чжоу цзилё.[3] Здесь же приводятся и данные о земельном налоге, взимавшемся правительством.

В предисловии к главе о налогах, в указанном источнике, отмечается, что в трех перечисленных округах налог (оброк) взимался не деньгами, а натурой, что за 40 лет, с 1762 г., переселено около 20 900 крестьянских семей (включая и торговцев) и поднято приблизительно 9500 цин (950 000 му) целины.[4] Дифференцированные данные по уездам трех округов я свожу в прилагаемую ниже таблицу (см. приложение № 5).

Приведенная таблица свидетельствует о росте частного землепользования в Джунгарии за сорок лет, со дня покорения страны. Рост этот в особенности заметен в Урумчийском округе, где посевная площадь возросла почти в четыре раза.

К сожалению, данные, которыми я располагаю, не позволяют вскрыть социальное неравенство и провести дифференциацию по социальным группам. Но что такие группы в землевладении существовали — это несомненно. Один из использованных мною для составления таблицы источников отмечает, что распределение земельной площади осуществлялось не в одинаковых для всех размерах.[5]

Если эта дифференциация в землепользовании имела место в момент колонизации края, то естественно, что через 40—50 лет, к началу XIX в., процесс классового расслоения, если взять только землевладение поселенцев, исключая чиновничье-помещичье, — вполне определился.

---

[1] По Иакинфу, Чжанкэ.

[2] СЮВЦзЛ, там же, стр. 6.

[3] «Краткое описание трех округов» 三州輯畧 гл. 3, 田賦, тянь фу, земельный налог, стр. 43—71.

[4] СЧЦЛ, гл. 3 стр. 42[v].

[5] Сань чжоу цзилё, гл. 3, стр. 43[r], 43[v], 46[v], 47[r-v], 50[r], 52[v], 64[r].

Во всяком случае, как и в Илийском, в перечисленных выше трех округах (Урумчийском, Баркульском и Куркарауском) среди частного землепользования выделяется купеческое землевладение, сращивающееся с помещичьим.

Размер земельной площади, находившейся в частном владении в Урумчийском, Куркарауском и Баркульском округах, значительно превышает размер таковой же в Илийском крае, что объясняется значительно большей колонизацией гражданским населением первых округов и большей милитаризацией Илийского округа.

Формой присвоения прибавочного продукта государством здесь также была натуральная рента, совпадавшая с налогом — оброком. Размеры налога, повидимому, были такими же, как и в собственно-Восточном Туркестане, составляя 10% валового сбора урожая. В Урумчийском округе взималось 9 шэн, 6 хэ, 3 чжо с му, в Баркульском округе, в среднем, 7 шэн, 6 хэ.[1]

Б. ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН

1. ЧИНОВНИЧЬЕ-ПОМЕЩИЧЬЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

Формирование землевладений служилой бюрократии — гражданской и военной — непосредственно связано с насаждением нового политического аппарата управления страной после ее окончательного завоевания манчжурами и китайцами. Это создание нового аппарата в Восточном Туркестане шло, однако, не по линии коренной ломки государственных организаций, а по линии смены одних лиц другими.

Победа Цинов в Восточном Туркестане привела к подрыву экономической базы бывших правителей, — благодаря конфи-

[1] Колебания в норме налога объясняются неодинаковым урожаем. По данным министерства финансов на 20-е годы XIX в. в Урумчи в среднем взималось 7 шэн, 8 хэ с му. Так, в Уложении министерства финансов сообщается, что в Урумчи торговцы и крестьяне (商戶人民, шанху жэньминь), обрабатывающие 9525 цин, 8 му земли, ежегодно должны вносить оброк зерном 74 914 дань. Хубу цзэли, гл. 8, стр. 8.

скации их владений, и к физическому уничтожению тех, кому не удалось скрыться в Коканд и Андижан и кто не вступил в соглашение с китайско-манчжурскими властями. Оставив систему управления, ее организацию, в прежнем состоянии, главнокомандующий китайско-манчжурской армией — усмиритель Джунгарии и Восточного Туркестана, Чжао Хуй, назначил во всех городах новых чиновников из представителей туземной бюрократии — беков, наиболее преданных новым властителям — манчжуро-китайцам.

Эта смена бюрократии в Восточном Туркестане произошла второй раз за промежуток времени с 1757 по 1760 г.

Первый раз, когда была покорена Джунгария и были освобождены из заточения Бороииду и Хоцзичжань, которым передано управление Восточного Туркестана, во всех городах произошла смена хаким беков — правителей городов.[1]

Второй — после подавления восстания Бороииду и Хоцзичжаня в 1760 г.

Китайский автор, чиновник, служивший в Восточном Туркестане, вскрывая эксплоататорскую роль прежних правителей страны — ойратов, а затем ходжей и их приближенных, затушевывает, маскирует, борьбу феодалов внутри туземно-национального лагеря, с одной стороны, и с другой — борьбу этих последних с китайско-манчжурскими феодалами за право и возможность присваивать прибавочный продукт непосредственных производителей — трудящихся туркестанцев. Освещая эту затемненную источниками сторону, вернее не сторону, а сущность событий, разыгравшихся в 60-х годах XVIII в., мы вместе с тем предоставим слово упомянутому китайскому автору для характеристики системы эксплоатации, осуществлявшейся туземными феодалами до восстания Бороииду и Хоцзичжаня, но после покорения Джунгарии и передачи Восточного Туркестана названным ходжам.

«Впоследствии (т. е. после передачи управления Восточным Туркестаном ходжам — Бороииду и Хоцзичжаню. *Л. Д.*) Хоц-

---

[1] ХЦЧж, гл, 4, стр. 1.

зичжань притеснял туркестанцев и выступил против нашей армии. Налоги зерном, деньгами, тканями, скотом и трудовые (феодальные) повинности[1] распределял по своему произволу поровну, независимо от численности населения (количества податных)[2] и земельной площади. Назначаемые для управления большие и малые беки, начальники и ахуны, от старшего до младшего (от высшего до низшего) подражали бесчинствам и экспроприировали население. Туркестанцы[3] попрежнему вынуждены были разбегаться...»[4]

Так китайский чиновник рисует положение Восточного Туркестана до свержения Хоцзичжаня и Бороииду и его вассалов. Но изменилась ли картина со средоточением верховного управления страной в руках китайско-манчжурских феодалов и заменой туземной бюрократии другими лицами из местных феодалов? Конечно, нет. Произошла лишь перегруппировка внутри феодального лагеря и соответствующее этому перераспределение земельной собственности.

Привлеченные на сторону Цинов туземные беки одаривались землей, размер которой зависел от степени важности занимаемой должности и чина. В соответствии с последними к бекам прикреплялись и крестьяне, носившие название Яньци.[5] Земля вместе с крестьянами передавалась в собственность бекам на то время, пока они находились на государственной службе. С потерей должности утрачивалось право собственности на землю. Таким образом, пожалование землей рассматривалось как компенсация за службу в дополнение к денежному жалованью, определявшемуся чином и занимаемой должностью.

---

[1] 役 差 搖, и ча яо, барщина, феодальные повинности.

[3] 人 丁, жэньдин, податные.

[2] 回 民, хуй минь.

[4] ХЦЧж, гл. 4, стр. 1.

[5] СЮВЦзЛ, гл. 7, стр. 17, см. также Синьцзян вайфань цзилё, книга II, гл. Хуйцзян фычту цзи, стр. 15; см. Циньдин Синьцзян шилё, глава (цзюань) 6, стр. 1. Подробнее об Институте Яньци см. мою статью: «Феодальный институт Яньци в Восточном Туркестане в XVIII в.», Зап. ИВАН СССР, III, 1935.

Размер землевладения беков и количество крепостных Яньци определялись, как было сказано, занимаемой должностью и чином. Точно так же играли роль значение и масштабы района или города, где служили беки. Наибольшая земельная площадь, измерявшаяся в единицах сева от 60 до 200 батманов, жаловалась хаким бекам — правителям городов, округов. Мелкие беки получали землю, на обсеменение которой требовалось 8 батманов. Соответственно, хаким бекам передавались крестьяне Яньци от 30 до 100 душ. Низшим чинам — 2 души. Беки, имевшие земельную собственность до их назначения на должность китайским правительством, не получали земли,[1] что будет видно в дальнейшем из сводки, которую мы дадим.

Один из источников[2] сообщает, что при распределении земли и крепостных, обрабатывающих эту землю, учитывались не должности, а ранги (классы).[3] Так, чиновник 3-го класса (ранга) получал земельную площадь, на обсеменение которой требовалось 200 батманов зерна, и обрабатывающих землю крестьян[4] — 100 человек. Бекам 4-го класса, каждому, передавали 50 чел. крестьян и землю, засеваемую 150 батманами зерна.

Каждому беку 5-го класса земля в 100 батманов и 30 чел. крепостных.

Беку 6-го класса — 15 чел. крепостных и засеваемую 50 батманами зерна земельную площадь.

Чиновнику 7-го класса — 30 батманов земли и 8 чел. крепостных.

Мираб беки, специально заведывавшие оросительной системой, не получали землю, так как имели ее прежде,[5] и, кроме того, по роду своей деятельности они, повидимому, имели возможность пользоваться частью земель, обрабатываемых самостоятельно

---

[1] ХЦЧж, гл. 3, стр. 32, 36, 39, 40—41, 42.

[2] СЮТЧж., гл. 30, стр. 25[r].

[3] 品, пинь.

[4] 種地人, чжунди-жэнь.

[5] Об этом сообщает другой источник. См. прим. 1. Впрочем это касается не только мирабов, но и других беков, о которых сообщает Хуйцзян чжи.

ведущими свое хозяйство крестьянами, так как располагали таким орудием эксплоатации, как общественное орошение. На этот вывод меня наталкивает следующее указание источника:

«Мираб бекам, которые специально управляют (заведуют) орошением, раньше, по закону (на основании правил), имевшим землю, — больше не распределялась (земля. *Л. Д.*), а только предоставлялись обрабатывающие землю (крестьяне), по 5 человек».[1]

Почему источник выделяет мирабов и упоминает о их правах на землю, не говоря этого про других беков? Мне кажется, это выделение связано со специфической ролью мирабов в производственных отношениях, их непосредственным сращением — через оросительную систему — с аграрными отношениями.

Наделение беков землей и зависимыми от них крестьянами определялось всей системой общественных феодальных отношений того времени в Восточном Туркестане. В основе этих отношений лежало натуральное замкнутое производство с весьма ограниченными денежными отношениями, базировавшееся на принудительном, обусловленном законом, труде. Одновременно при этих отношениях собственник условий производства выступал как носитель государственной власти.

Чиновник и помещик являлись синонимами в этих условиях. Крепостническое государство, империя крупных феодалов, закрепляла силою законов существующий порядок, консервируя натуральные формы хозяйства в завоеванной стране, что отнюдь не означало приостановления стихийного роста денежных отношений. О преобладающем характере натуральных форм хозяйства свидетельствуют и китайские источники, объясняющие мотивы наделения беков землей, не говоря уже о том, что факт существования ренты в продуктах, как преобладающей формы присвоения прибавочного продукта, подтверждает наше заявление.

---

[1] СЮТЧж, гл. 30, стр. 25. Передаю китайский текст (слева направо)

其密喇布伯克各員。畀司灌溉。原有例分地畝。不另撥給。止給種地人各五名。

Вот что говорит по затронутому вопросу цитированный нами автор Хуйцзян чжи в главе, посвященной распределению земельной площади среди беков:

«В связи с тем, что во всех (перечисленных выше — Корля, Бугюре, Куча, Аксу и Уше. *Л. Д.*) городских пунктах торговля была незначительной (подчеркнуто мною. *Л. Д.*) и деньги (тэнгэ) по большей части постепенно вышли из употребления, а земледелие всеми считалось источником существования,—главноуправляющий (Цаньцзань дачэнь)[1] сановник[2] Шу[3] докладывал о том, чтобы повсюду бекам передавать в качестве жалованья (янлянь)[4] землю и вместе с тем, в соответствии с чином (рангом), распределить им туркестанцев (хуйцзы), занимающихся хлебопашеством (для того), чтобы (последние) содержали (беков)».[5]

Это заявление китайского автора, подкрепленное многочисленными фактами, подтверждает вывод о преобладании натурального типа хозяйства.

Как было сказано, феодальные формы производства в Восточном Туркестане не уничтожались, а, наоборот, закреплялись Цинской монархией, в частности посредством насаждения чиновничьего землевладения. Последнее играло немаловажную роль в производственных отношениях Восточного Туркестана, охватывая значительную часть земельной площади его.

Я приведу следующие данные (см. стр. 181) о размерах посевной площади, сосредоточенной в руках туземных чиновников — беков. Если учесть, что один батман зерна приравнивался к 5 даням 3 доу в китайских мерах,[6] то выходит, что туркестанское чинов-

---

[1] 參贊大臣

[2] 尚書, шаншу, президент палаты, министерства.

[3] 舒, шу, речь идет, повидимому, о Шухэдэ.

[4] 養廉

[5] ХЦЧж, гл. 3, стр. 33г—v.

[6] С 1760 г.; до этого времени один батман считался равным четырем даням, пять доу. См. Хуйцзян цзэли, гл. 4, стр. 1—2.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ И КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН СРЕДИ ЧИНОВНИКОВ ПО ГОРОДАМ И СЕЛЬСКИМ МЕСТНОСТЯМ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

№ по порядку	Наименование округов и городов	Общее количество чиновников	Размер зем. площади, передаваемой бекам (в батманах)	Количество крепостных, передаваемых бекам (в душах)	Примечание
	Карашарский округ				
1	г. Курля	9	275	111	
2	« Бугюр	9	275	111	
	Кучаский округ				
3	г. Куча	17	435	165	
4	« Шаяр	11	350	74	
	Аксуский округ				
5	г. Сайрам	6	200	63	
6	« Бай	6	230	54	
7	« А су (с окрестн. местностями)	35	1310	421	Из 35 беков 7 имели раньше землю, поэтому им не распределялась зем. площадь, а передавались только крестьяне.
8	г. Уш	8	330	69	
9	« Кашгар (город и сельские местн.)	49[1]	1380	468	
10	« Янги-хиссар (Кашгарской обл.) . . .	7[2]	110	49	
11	Яркендский округ . . .	54[3]	1720	875	
12	Хотанский округ . . .	50[4]	1230	620	
	Итого .	261	7845	3080[5]	

[1] 20 чел. не получили землю, так как имели ее прежде. Им передавались крепостные по три души на каждого.

[2] Из 7—5 беков имели прежде земли, поэтому получали только крестьян по три души.

[3] Из 54—19 беков в сельских местностях не получали ни земли, ни крестьян, а вознаграждались подарками, 2 бека получали только крестьян.

[4] Из 50—32 бека прежде имели землю.

[5] Сводка составлена на основании данных Хуйцзян чжи, гл. 3, стр. 25—42.

ничество получило земельную площадь, для обсеменения которой требовалось бы 41 578 дань, 5 доу зерна. Принимая во внимание, что в Восточном Туркестане в различных районах не одинаковые природные условия и, следовательно, не одинаковая норма посева, а с другой стороны, учитывая, что разные культуры требуют различного количества посевного зерна на единицу земельной площади, я полагаю возможным считать, что для засева одного му земли требовалось от $^1/_2$ до 2 доу зерна. Если мы возьмем даже последнюю цифру, максимальную, то и при этом получится, что туркестанским бекам было передано до 208 000 му земли,[1] точнее — 207 892.5 му. Величина довольно значительная по сравнению с общей земельной площадью Синьцзяна. Еще более показательным будет значение и роль чиновничьего землевладения при его дифференциации, выделении крупного и мелкого чиновничье-поместного владения.

Исходя из этого я привожу таблицу распределения земельной площади среди туркестанского чиновничества в соответствии с должностями и чинами[2] (см. приложение 6).

Приведенная таблица, показывая распределение земельной собственности среди различных групп чиновничества Восточного Туркестана, вместе с тем не дает представления о распределении земельной площади среди социальных групп, так как чиновничество не может быть рассматриваемо как единоцелостная классовая группа и в свою очередь должно подвергнуться социальной дифференциации. Поэтому ниже я привожу схему распределения земельной собственности среди различных социальных слоев чиновничества, условно беря семь групп. Расчеты при переводе туркестанских мер (батманов) в китайские те же, что и вышепринятые.

---

[1] Эту цифру мы выводим следующим образом: 7.845 батманов, шедших на обсеменение земли, переданной бекам, мы переводим на китайские меры, принимая 1 батман за 5 дань 3 доу, и получаем таким образом 41 578 дань, 5 доу зерна или 415 785 доу; последнюю цифру делим на 2, имея в виду, что 1 му земли требовал для посева 2 доу зерна.

[2] Таблица составлена по тем же данным — ХЦЧж. гл. 3, стр. 25—42.

Группа	Колич. чиновников	Ранг (класс) чиновников данной груп.	Колич. земли в батманах на чиновн. по группе	На одного чиновника в китайских единицах (му)	Колич. крестьян в душах на 1 чин.	Всего земли чиновникам данной группы в батманах	Всего земли в китайских ед. (в му) по всей группе	Всего крестьян по всей группе (душ)	Земельн. площадь в % к общ. итогу земельн. площади
I	10	7	5-8	132.5-212	1-3	74	1961	26	0.9
II	20	7	10-15	265-397.5	2-4	230	6095	52	2.9
III	5	6-5	20-25	530-662.5	6-8	112	2968	34	1.4
IV	78	7-6-5	30-35	795-927.5	4-15	2349	62248.5	651	30.0
V	33	6-5-4	40-60	1060-1590	10-30	1790	47435	737	22.8
VI	24	5-4-3	80-120	2120-3180	30-50	2340	62010	975	29.9
VII	6	4-3	150 200	3975-5300	70-100	950	25175	480	12.1
	176	—	—	—	—	7845	207892.5	2955[1]	100

Цифровые данные приведенной таблицы дают нам основание разбить чиновничье-помещичье землевладение Восточного Туркестана на три основные группы: мелкое, среднее и крупное.

Первая группа (мелкопоместные чиновники), как это видно из таблицы, владела только 5% земельной площади, находившейся в руках чиновников-беков; вторая группа — наиболее многочисленная (78 чиновников) — распоряжалась 30% земельной площади и третья группа, представлявшая крупных помещиков-беков, владела 65% площади.

Чиновничье-помещичье землевладение занимает не последнее место в количественном отношении в Восточном Туркестане в XVIII в. В этих владениях, повидимому, существовала отработочная рента, барщина, так как китайские авторы указывают, что крестьяне, передававшиеся вместе с землей бекам, выполняли феодальные повинности в доме (хозяйстве) бека, обозначая последние (повинности) термином 家服, 役 цзяфуюй (и)[2] или 服役, фуи.[3]

---

[1] Количество крестьян и беков здесь показано меньше, чем в предыдущих таблицах, потому что в эту сводку не включены беки, получившие крестьян, но не получившие землю, так как они ее имели прежде, а таких беков было 34 чел. со 125 душами крестьян. Не получивших ни земли, ни крестьян было 51 чел.

[2] СЮВЦзЛ, гл. 7, стр. 17.

[3] ЦДСЦШЛ, гл. 6, стр. 1.

К этому я могу добавить еще одно указание китайского источника, из которого также можно сделать заключение, что передававшиеся бекам крепостные крестьяне являлись барщинниками. Так, в биографии небезызвестного нам Одуя (Авдея) цитируется указ императора Цяньлуна от 1761 г., где говорится:

«Прежде, по старым обычаям туркестанцев, всякий бек в сильной степени эксплоатировал [1] подчиненных. Поэтому снабдили хаким беков всех городов деньгами, землей и исполняющими (феодальные) повинности людьми...»[2]

В этом отрывке речь идет, конечно, об обработке земель, передаваемых бекам, причем для обозначения непосредственного производителя здесь употребляется термин гун и чжи жэнь,[3] который служит для передачи понятия барщинника, крепостного, работающего на господской земле, человека, обязанного выполнять феодальные повинности.

Более точных и подробных данных о характере и форме присвоения беками прибавочного продукта переданных им крестьян я не имею, но мне кажутся достаточными приведенные указания. Трудно допустить, чтобы в лице землевладений беков мы имели рабовладельческие хозяйства, где применялся труд не крепостных, а рабов, работавших «при помощи чужих условий производства, а не самостоятельно».

Нужно отметить, что роль беков как землевладельцев не ограничивалась только отношениями между ними и прикрепленными к ним крестьянами — яньци. Бек как помещик-феодал противостоял всему остальному крестьянству Восточного Туркестана (имевшему самостоятельное хозяйство и платившему налог — ренту государству) и в качестве земельного собственника, часто вступавшего в арендные отношения с мелкими самостоятельными производителями, так как силами яньци всю земель-

---

[1] 朘削, цзюань сяо, — собственно — сдирать шкуру, угнетать.

[2] МХВГБЧж, гл. 118, стр. 7v.

[3] 供役之人, гун и чжи жэнь.

ную площадь беков вряд ли можно было обработать, — это видно из приведенной таблицы, показывающей, что на одного крепостного приходилось от 50 до 100 му земли; и в качестве чиновника — сборщика налогов и чиновника, диктующего условия общественной и хозяйственной деятельности, регулирующего производственные отношения. В этих условиях и развивались противоречия феодального способа производства в Восточном Туркестане.

Как я указывал выше, в результате завоевания Восточного Туркестана последовало перераспределение земельной собственности, конфискация ее у господствовавших раньше туркестанских феодалов и передача вновь назначенным бекам и, повидимому, китайским чиновникам. Однако конфискация земельной собственности коснулась не только феодальной верхушки Восточного Туркестана, но и непосредственных производителей — крестьянства. О конфискации земельной собственности туркестанских феодалов, боровшихся с Цинской империей, и широких крестьянских масс, отстаивавших свою национальную независимость, мы узнаем, во-первых, из донесений усмирителя Восточного Туркестана Чжао Хуй'я, во-вторых, из цитированного нами «Описания Туркестана», Хуйцзян чжи.

Так, в одном из донесений Чжао Хуй'я от 13 октября 1759 г., где сообщается о положении Яркенда после захвата его китайской армией, о численности населения Яркендского округа, сумме налогов и т. д., говорится следующее по интересующему нас вопросу:

«Что касается уже обработанных земель, домов и садов тех, кто убежал с разбойниками (???), то все конфисковано в пользу государства».[1]

Из этого донесения можно заключить, что конфискация касалась всех боровшихся до конца с армией Цинов. Автор Хуйцзян чжи указывает, что конфискации подверглось имущество лидеров восстания и поддерживавших их широких масс.

---

[1] ДХСЛ, гл. 18, стр. 18.

Упоминание об этих фактах конфискации находится в связи с указанием на то, что с конфискованных земель впоследствии, после передачи их в аренду, взимался оброк. Так, в одном месте читаем следующее:

«...3. В местности Ахаяр[1] конфискована в пользу государства[2] земля в количестве 140 му, заброшенная туркестанцами, последовавшими за мятежным (лидером) Хоцзичжанем, которую ныне распахивают и вносят налог (оброк)[3] в сумме 50 дань зерна».[4]

По Кашгарскому округу приводятся более подробные данные о конфискации земель, опять-таки связываемые со сбором налога.

«...5. У мятежника Бороииду (Буланидунь) конфискована земельная площадь, засеваемая 400 батманами; у Майрама[5] конфисковано 165 батманов земли; у разбойников[6] (?? — читай крестьянских масс. *Л. Д.*) из местности Япургу,[7] последовавших за Майрамом, конфискована земля, засеваемая 35 батманами.

Еще у мятежника ишик-ага Абдурима[8] конфискована распахапная земля, засеваемая 20 батманами, 6 карбурами и 2 чарыками зерна».[9]

В Яркендском округе у Хоцзичжана была конфискована земельная площадь, засеваемая 900 батманами зерна.[10]

На основании приведенных данных мы можем составить следующую таблицу конфискованных земель, оговорив, что эта таблица далеко неполно отражает масштабы конфискации земельной собственности, так как эти данные охватывают только те земли, которые были сданы после конфискации в аренду

---

[1] 阿哈合雅爾, вероятно, Ак-Яр, в Аксуском округе.

[2] 入官, жу гуань.

[3] 交納糧, цзяо на лян.

[4] ХЦЧж, гл. 4, стр. 5ᵛ.

[5] 邁拉木, Майламу.

[6] 賊人, цзэй жень.

[7] 岳晉兒湖 — Иоцуэрху.

[8] 阿布都里也木, Абудулиему, вероятно, Абд-ур-Рахим.

[9] ХЦЧж, гл. 4, стр. 7ᵛ—8ʳ.

[10] Там же, стр. 10ʳ.

населению на условиях испольщины и совсем не охватывают переданные чиновничеству земли. В эту таблицу не входит также земельная площадь садов и огородов. О конфискации последних мы имеем также указания Хуйцзян чжи, автор которого отмечает, что у Бороииду в Кашгарском округе были конфискованы огороды и сады в 33 местах,[1] у Хоцзичжана в Яркендском округе в 58 местах.[2]

№ по порядку	Местность / Прежние владельцы земельной площ.	Размер зем. площади в посевных единицах (батманах)	Размер налога, собираемого кит. правит. с этих земель	Примечание
1	2	3	4	5
1	Местность Ак-Яр (Аксуский округ). Туркестанцы, последовавшие за Хоцзичжаном	140 му	50 дань	
2	Яркендский округ, Хоцзичжан	900 батм.	1211 батм.[3]	
3	Кашгарский округ, Бороииду (Буланидунь) . . .	400 батм.		По данным Хуйцзян цзэли у Бороииду было конфисковано 654 батм. 6 карб. (Хуйцзян цзэли) 4 кн. [бэнь], стр. 4.
4	Майрам (Майламу) . . .	165 батм.		
5	Ишик-ага-бек Абд-ур-Рахим (Абдулиему) . .	20 батм. 6 карб. 2 чар.	734 батм. 4 карб.	
6	Крестьянские массы, последовавшие за Майрамом, из местности Япургу	35 батм.		
	Всего .	1520 батм. 6 карб. 2 чар. +140 му	1945 батм. 4 карб. +50 дань	

[1] Там же, стр. 9г.

[2] Там же, стр. 10v.

[3] Приравнивается к 6418 дань, 3 доу (казенн. амбарн. меры)

Естественно, что эта таблица охватывает только часть конфискованных земель, и возможно незначительную, так как Хуйцзян чжи, из которого мы заимствовали данные о конфискации, упоминает об этих фактах только в связи со сбором налогов и, следовательно, из поля зрения китайского автора выпали земли, дарованные туземным князьям-бекам и не облагавшиеся государственным налогом, а также значительная земельная площадь, захваченная китайско-манчжурскими крупными чиновниками. Кроме того, земли, распределенные среди туркестанского бекства, не титулованного, также должны быть, в основном, причислены к конфискованным. Далее, на неполноту приведенных данных указывает и малочисленность подвергнувшихся конфискации. Таблица перечисляет всего несколько семейств, в то время когда нам известно, что конфискация земельных владений коснулась не менее 6000 семейств, сосланных в Илийский край.

2. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ТУРКЕСТАНСКИХ КНЯЗЕЙ

На ряду с пожалованием земель служилому чиновничеству Восточного Туркестана, земель, не находившихся в наследственной собственности беков, а являвшихся натуральной компенсацией последних за государственную службу, мы встречаемся с распределением земельного имущества среди титулованных туркестанских правителей-князей, которые имели право передавать земли своим потомкам. Носителями этих прав были отдельные представители бывших правителей (хаким беков) туркестанских городов, оказавшие существенную помощь цинскому правительству при усмирении двух ходжей (Хоцзичжана и Борониду) и за это награжденные почетными титулами — цзюньвана, гуна, бэйлэ и бэйцзы. Эти представители туркестанской феодальной аристократии занимали руководящие посты в главных городах Восточного Туркестана и, таким образом, соединяли в себе авторитет феодала-землевладельца и крупного государственного чиновника. Одним из таких титулованных

феодалов являлся Ходис, который был при джунгарах хаким беком города Уша. Он сумел добиться расположения Даваци — последнего джунгарского хана, затем предал его китайцам. В дальнейшем оказал большие услуги в усмирении Хоцзичжана и Бороииду, за что и был награжден в 1759 г. званием Доло бэйлэ[1] особым указом императора, гласившим:

«Братья и дети бека Ходиса много пострадали от Хоцзичжана, — это достойно глубокого сожаления. Он (Ходис) и в этот раз (речь идет о последних схватках с Хоцзичжаном. *Л. Д.*) также отличился.

Повелеваю вознаградить его, возведя в сан доло бэйлэ».[2]

Мы узнаем из дальнейшего изложения его биографии китайскими составителями, что Ходис владел земельным и другим имуществом в г. Уше.[3] Впоследствии, в 1760 г., Ходис был отозван в столицу, а его земельные владения в Уше цинское правительство предложило продать и вместо них приобрести в Аксу для передачи младшему сыну Ходиса Токтасупи в наследственное пользование. По этому поводу был издан в 1760 г. специальный императорский указ, перевод которого я даю ниже:

«Ходис просил остаться в столице. Его желание вполне искреннее. Повелеваю, согласно просьбе, щедро наградить его и поселить в столице. Однако могилы его предков находятся далеко на родине его. Приказываю облагодетельствовать младшего сына Ходиса Токтасупи,[4] вернув его в Аксу для поддержания культа предков.

Земельные владения[5] Ходиса в Уше (следует) продать и приобрести имущество в Аксу, передав его в наследственное пользование Токтасупи. Повелеваю Шухэдэ и другим провести в жизнь на основании указанного, а затем огласить указ среди

---

[1] 多羅貝勒

[2] МХВГБЧж, гл. 116, стр. 10г.

[3] Там же, стр. 12г.

[4] 托克托索丕, Токэтособэй, Токта-суфи (супи).

[5] 所有田產, со ю тяньчань.

туркестанского населения этой местности, дабы все знали императорскую волю».[1]

Важным для нас моментом в этом указе является упоминание о земельных владениях Ходиса и о передаче в наследственное пользование его сыну. К сожалению, ни в этих указах, ни в других источниках мы не нашли данных ни о размерах земельной собственности у Ходиса и других титулованных беков, ни о характере производственных условий в их владениях. Более подробными данными о характере взаимоотношений между непосредственными производителями и туркестанскими князьями-феодалами мы располагаем относительно двух округов Восточного Туркестана: Турфанского и Хамийского, находившихся в особых условиях — на положении полунезависимых княжеств.

Хами и Турфан — округа, значительно раньше остальных частей Синьцзяна подчинившиеся Цинам. Первый присоединен к Китаю еще при Минской династии, а затем, вначале Цинов, Хамийский (Комульский) князь вступил в подданство Китая, сделавшись вассалом его.[2] Турфан еще во время царствования Юнчжена (1723—1735) отдался под покровительство Китая в связи с вторжением ойратов.

Правители этих округов, возведенные в сан князей 2-й степени,[3] отличались от обычных хаким беков тем, что должность их наследовалась, а кроме того, и это главное, управляемое ими население целиком находилось в крепостной зависимости от них. Если во всех остальных округах и городах Восточного Туркестана туземное чиновничество, хотя и являлось земельным собственником и отчуждало прибавочный продукт непосредственного производителя, все же выступало как исполнительное лицо китайских и манчжурских феодалов, которым принадлежала львиная

---

[1] МХВГБЧж, гл. 116, стр. 14. Ср. ДХСЛ, гл. 19, стр. 4. В Дунхуа сюйлу текст указа несколько отличается вводными замечаниями о причинах, вызвавших появление этого указа. Причины эти — донос на Ходиса со стороны ушских беков.

[2] СЮВЦзЛ. гл. I, стр. 3. См. также СЦзВФЦзЛ, кн. 1, гл. III, Синьцзян цзилё, стр. 3.

[3] 君王, Цзюнь ван.

доля экспроприированного путем внеэкономического принуждения продукта зависимых туркестанских крестьян, — то в указанных выше двух округах (Хами и Турфане) положение было иное. Непосредственный производитель в этих пунктах был в полной крепостной зависимости от князей-правителей, которые распоряжались его судьбой. Это право на труд и, быть может, на жизнь крестьянина передавалось по наследству потомкам князей вместе с наследуемым титулом. Китайские источники, на основании которых мы строим наши выводы, сообщают о том, что жители этих двух округов были даже рабами своих правителей. Я не рискую присоединиться к заявлению источников, так как не имею никаких указаний на рабовладельческий характер производственных отношений, полагая возможным отождествлять «раба» китайских источников с понятием крепостного, работающего своими средствами производства на земле, юридически принадлежащей феодалу. Я приведу указания китайских источников в их хронологической последовательности. Так, в императорском указе от 2 сентября 1759 г.[1] в ответ на донесение цаньцзаня Шухэдэ о необходимости создать административный аппарат в Аксу — указывается, что при назначении на должности следует учитывать различие в положении Хами и Турфана, с одной стороны, и остальных округов Туркестана — с другой.

Вот что говорится об этих двух округах:

«... однако, все туркестанские города, усмиренные китайской армией, не могут быть сравниваемы с Хами и Турфаном, добровольно присоединившимися к Китаю, где (в этих округах) с прежних времен подданные Юсупа[2] и Эминь хочжи[3] являются (их) наследственными рабами[4] (слугами)».[5]

---

[1] 24-й год правления императора Цяньлуна, 7-я луна, 11-й день.

[2] 玉素布, Юйсубу (Юсуп) — князь, правитель Хамийского округа.

[3] 額敏和卓, Эминь Хэчжо (Эминь Хочжа) — турфанский князь, цзюньван.

[4] 世僕, шипу, собственно-наследственные слуги, вассалы. Правильнее будет передать это выражение — «наследственные крепостные».

[5] ДХСЛ, гл. 18, стр. 15.

В неоднократно цитированном источнике Сиюй вэнь цзянь лу, относящемся к более позднему времени — к 1777 г. — говорится про рабство (крепостничество) в Хами и Турфане следующее:

«На западе в 5 ли от крепости (Цзяюй. *Л. Д.*) находится туркестанский город Хами. Князь его Исхак,[1] награжденный императором (этим) титулом, управляет шестью туркестанскими городами: Хами, Сумкаргаем,[2] Астана,[3] Тогучи[4] (у Иакинфа — Акуци), Лабчуком[5] (у Иакинфа — Лабчу) и Карадубом.[6] Проживающие здесь туркестанцы являются рабами (крепостными. *Л. Д.*) Исхака».[7]

Автор цитированного китайского сочинения обозначает раба (крепостного) некитайским словом «алабату»,[8] приводя его китайский эквивалент «ну», 奴. Мы склонны принимать «Алабату» за монгольское слово «албату», означающее «вассал», «крепостной», «зависимый».[9] Нам кажется, что это объяснение не противоречит указаниям автора Сиюй вэнь цзянь лу, так как

---

[1] 伊薩克, Исакэ (Исхак).

[2] 素木哈爾灰, Сумухархуй, Сумкаргай, в 60 ли от Хами, на востоке. Huart. «Le pays de Hami . . .», стр. 12.

[3] 阿思他納, Асытана, Астана, в 80 ли на восток от г. Хами, в 20 ли на запад от Сумкаргая.

[4] 托哈奇, Тохаци, Тогучи или Саньбао (Саньпу) 三堡, в 40 ли на северо-запад от Астана.

[5] 拉珠楚克, лачжучукэ; правильнее транскрибировать 拉布楚喀, Лабучукэ (см. Сиюй тунвэнь чжи, гл. 2, стр. 2). В 20 ли на юго-западе от Тогучи.

[6] 哈拉托巴, Халатоба (Кара-тюбе?); общепринятая китайская транскрипция названия этого города такова: 哈喇都伯, Халадубо (см. Сиюй тун вэнь чжи, там же, стр. 3^{v}); в 20 ли на запад от Лабчука.

[7] СЮВЦзЛ, гл. I, стр. 4; СЦзВФЦзЛ, кн. 1, гл. III, стр. 4^{г}. Сиюй цзияо 西域紀要, гл. (цзюань) 4, стр. 2^{v}. Ср. Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии, стр. 97.

[8] 阿拉巴圖

[9] Албату, по мнению акад. Владимирцова, это — «обязанный службой-повинностью, подданный, Vassalus, feodatus». Албату происходит от слова alba(n) — служба, повинность. «Владетельный феодал имеет в своем распоряжении своих albatu так же, как имеет скот и прочее имущество». Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 159.

не всегда «ну», 奴, имел значение раба, а скорее служил для характеристики крепостного.

Клапрот (Klaproth) переводит «алабату» французским словом serf,[1] которое в большей мере соответствует русскому «крепостной», чем слову «раб», если только правильно понимать их социально-экономическое содержание.

В этом же источнике почти теми же словами говорится о рабстве (крепостничестве) в Турфане:

«Турфан местность, где проживает князь[2] Сулейман,[3] сын Эминь хочжи, который управляет следующими шестью туркестанскими городами: Турфаном, Пичаном, Лукчуном[4] (по Иакинфу — Лямцинь), Сынгымом,[5] Токсуном[6] и Кара-хочжо.[7] Все жители этих городов — рабы (алабату) Сулеймана, который является наследственным Тусы, в отличие от всех остальных городов Туркестана, где чиновники перемещаются и назначаются по срокам».[8]

Из приведенных данных мы должны сделать следующие выводы: 1) Турфанский и Хамийский округа находились на особом положении; 2) в этих округах местное верховное управле-

---

[1] Magasin Asiatique, т. II, 1826, стр. 203. У Клапрота переведена только незначительная часть Сиюй вэнь цзянь лу. Упоминание об Алабату (албату) встречается еще в главе об ушском восстании, которая и переведена Клапротом.

[2] 公, гун, граф.

[3] 蘇拉滿, Суламань.

[4] 魯古泌, Лугуцинь, Лукчун.

[5] 色更木, Сэгэнму, Сынгым.

[6] 托克遜, Токэсунь, Токсун.

[7] 哈拉和卓, Халахэчжо, Кара-хочжо, Кара-хочжа.

[8] СЮВЦзЛ, гл. 2, стр. 1ᵛ; СЦзВФЦзЛ, кн. 1, гл. III, стр. 13. СЮЦзЯ, гл. 5, стр. 1ᵛ. Ср. Иакинф, Описание Чжунгарии.., стр. 113. Нам кажется неправильным перевод Иакинфа. Вот что мы читаем у него: «Жители сих городов считаются рабами и предоставлены ему в наследственное владение, между тем как в прочих городах Туркестана чиновники определяются и перемещаются в сроки, по уложению назначенные».

Иакинф знаки «шиси» отнес к слову «алабату» и таким образом вместо «наследственный тусы» он перевел: «предоставлены в наследственное владение».

ние сосредоточивалось в руках туземных титулованных правителей, наследовавших как титулы, так и должности. Остальные должности (тусы) здесь, повидимому, были также наследственными, примерно на тех же основаниях, что и среди других национальных меньшинств Китая — Мяо, Яо и т. д.[1] 3) В отличие от других городов Восточного Туркестана непосредственные производители в этих двух округах являлись наследуемыми крепостными своих князей, по крайней мере основная масса населения, в то время как в других округах Туркестана крестьяне являлись или государственными оброчными, или же находились в крепостной зависимости от беков, завися от последних в течение того периода времени, пока те или иные беки занимали государственные должности. 4) Форма эксплоатации в этих двух округах, так же как и во всем Восточном Туркестане, в основном базировалась на отчуждении прибавочного труда в виде продукта, т. е. существовала рента продуктами в тесном переплетении с предшествующей ей — отработочной рентой. О существовании отработочной ренты свидетельствует хотя бы тот факт, что для наблюдения за сбором оброка и выполнением повинностей назначался особый чиновник и в Турфанском округе, проживавший в Турфане.[2]

К этим выводам мы должны еще добавить, что экономическое положение Хамийского и Турфанского округов, как отмечают китайские источники, было неважным и жители находились в весьма стесненных условиях; по выражению китайского автора, не могли содержать себя.

Вот что указывает по этому поводу Сиюй вэнь цзянь лу, — о Хами:

---

[1] Вопрос о тусы (土司) в провинции Юньнань специально рассматривался покойным профессором Ивановским, который указывает, что тусы могли занимать самые различные должности от переводчиков до правителей областей.

А. О. Ивановский. Юньнанские инородцы в период династий Юань, Мин и Дайцин, стр. 22, см. также, Rocher, Emilie. La province chinoise du Yunnan, т. II, Paris 1879, стр. 20—21.

[2] МХВГБЧж., гл. 110, стр. 28. Речь идет об одном из районов Турфанского округа — о Кара-хочжо.

«... Жителей не больше двух тысяч семейств (家); все они так бедны, что не могут себя содержать».[1]

О Турфанском округе: «Только в Турфане жителей много; однако при общем подсчете (во всех городах округа. *Л. Д.*) будет не более 3000 хозяйств, из них большей частью (настолько) бедны, что не могут себя прокормить».[2]

В заключение необходимо указать еще на одну особенность этих двух округов. Ни один из китайских источников, которыми мы пользовались, не сообщает о том, что жители Хамийского округа вносили государственный оброк в пользу цинского правительства.

Больше того, мы имеем указания, что Хамийский округ не сдавал оброк, если не считать военных поселений, которые находились на особом положении.

Вот что сообщает источник:

«В Хами, за исключением земель военных поселений, все (земли) обрабатываются туркестанцами, которые не сдают оброк зерном».[3]

Точно так же имеется указание об освобождении от государственного налога (оброка) жителей Турфана.

Так, примерно, в 1762 г. опубликован императорский указ, который гласил:

«Освободить Турфан от уплаты налога (оброка).[4] Земли военных поселений в Карахочжо и Токсуне передать туркестанскому населению[5] в вечное (наследственное) владение,[6] подчинив (население) одному знамени и трем титулам (титулованным чиновни-

---

[1] 不 能 自 給, СЮВЦзЛ, гл. I, стр. 4ᵛ; СЦзВФЦзЛ, кн. (бэнь) 1, гл. 3, стр. 4; Ср. СЮЦзЯ, гл. 4, стр. 2ᵛ. Иакинф, Описание Чжунгарии.., стр. 97.

[2] 不 能 自 贍, СЮВЦзЛ, гл. 2, стр. 1ᵛ—2ᵍ, СЦзВФЦзЛ, кн. (бэнь) 1, гл. 3, стр. 13ᵛ. Ср. СЮЦзЯ, гл. 5, стр. 2ᵍ. Иакинф, Описание Чжунгарии.., стр. 113.

[3] СЮТЧж, гл. 34, стр. 3ᵍ.

[4] 納 糧, налян.

[5] 回 民, хуйминь.

[6] 世 業, шие.

кам): — одному Джасак доло цзюньвану,[1] одному тайцзи 1-го ранга и одному тайцзи 2-го ранга».[2]

Однако освобождение от налогов имело силу только для части Турфанского округа, возможно, только для г. Турфана и его окрестностей, так как другие источники указывают, что с земель военных поселений, переданных в наследственное владение турфанским жителям в 1761 и 1762 гг. в Пичане, Карахочжо и Токсуне, ежегодно взимался налог в пользу цинского правительства.[3] По Пичану, в частности, оброк взимался в размере $^1/_{10}$ части всего урожая.[4]

Освобождение от оброка крестьян в указанных округах не означало, однако, облегчения их положения, а наоборот, скорее свидетельствовало о неограниченной эксплоатации их со стороны феодалов, князей, правителей этих округов. О масштабах зависимости крестьян от титулованных феодалов можно судить по тому хотя бы, что турфанский цзюньван Сулейман владел земельной собственностью, простиравшейся от Пичана до Токсуна и составлявшей 14 700 му пахотной земли.[5]

3. ЗЕМЛИ, ОБРАБАТЫВАВШИЕСЯ ОБРОЧНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ

Мелкое самостоятельное крестьянское «землевладение», — на ряду с крупными помещичье-феодальными латифундиями, — являлось одной из основ феодального способа производства в Восточном Туркестане.

---

[1] 扎薩克多羅郡王

[2] МХВГБЧж. гл. 110, стр. 30[г]. Весь отрывок передан так (слева направо):

諭吐魯番免納糧。以喀喇和卓托克遜屯田給回民爲世業。所部旗一爵三。扎薩克多羅郡王一。附一等台吉一。二等台吉一。

[3] СЮТЧж, гл. 33, стр. 4[г]. ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 81[в]. Во втором источнике сообщается, что в 1762 г. турфанцам передано 18 582 му земли в Токсуне и Карахочжо и 15 650 му в Пичане и Лемчжине.

[4] СЮТЧж, гл. 34, стр. 11[в]; ХЦЧж., гл. 4, стр. 2.

[5] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 81. В 1779—1780 гг. землевладения Сулеймана были конфискованы и переданы военным поселениям.

С «землевладением» несвободных туркестанских крестьян не произошло крупных изменений в связи с завоеванием страны Цинами. Основная масса крестьянского населения продолжала фактически владеть теми же участками земли, которые находились в ее руках при управлении страной ходжами, за исключением активно боровшихся с цинской армией.

Земельные «владения» непосредственных производителей Восточного Туркестана мы можем разделить на две категории: 1) крестьянские «владения», существовавшие и до прихода китайско-манчжурских победителей. Эти земли обрабатывались старыми традиционными «владельцами»; 2) земли, конфискованные цинским правительством и переданные в аренду туркестанским крестьянам.

Формой эксплоатации и в тех и в других владениях была натуральная (продуктовая) рента. Присвоение прибавочного продукта осуществлялось путем выкачивания государством и его сатрапами налогов, в основном натурой — зерном. Размер присваиваемого государством прибавочного продукта был различен для обеих категорий землепользования. Арендовавшие у Цинского государства землю, конфискованную после подавления мятежа двух ходжей, вносили в казну 50% валового сбора урожая, в то время как все остальные крестьяне были обязаны вносить оброк в размере $^1/_{10}$ сбора (десятины).

а) Крестьянские землевладения, сдававшие $^1/_{10}$ часть урожая (самостоятельные хозяйства)

Подавляющая масса производительного населения Восточного Туркестана, за исключением Турфанского и Хамийского округов, являлась государственными оброчными, зависимыми.

Обязанные сдавать государству натуральный налог в размере десятины, крестьяне в то же время использовались на различных общественных работах, — на починке дорог, прокладывании новых путей, устройстве оросительной системы и т. д.

Таким образом эксплоатация «самостоятельных владельцев» земельных участков шла по двум линиям:

а) по линии присвоения натурального налога, который должен рассматриваться как рента продуктами, и

б) по линии применения феодальных повинностей, что свидетельствовало о существовании отработочной ренты или, во всяком случае, ее остатков.

Для доказательства этого мы можем привести несколько фактов, освещаемых китайскими источниками: во-первых, — о существовании отработочной ренты свидетельствует тот факт, что в Туркестане была особая должность, особый чиновник, наблюдавший за сбором податей и выполнением феодальных повинностей в каждом селении:

«...поселения называются айманями;[1] в каждом (из них) имеется один юзбек,[2] наблюдающий за податями[3] и повинностями.[4] Еще имеется Кокбаши,[5] ведающий землеобработкой».[6]

Другой факт, непосредственно доказывающий существование на ряду с продуктовой рентой остатков отработочной, приводится автором Хуйцзян чжи, который сообщает, что туркестанское крестьянство посылалось на работу по устройству ледяной дороги на Музартском перевале, в связи с чем крестьяне освобождались от налога.[7]

---

[1] 愛曼, аймань, аймак.

[2] 玉子伯克, Юйцзыбокэ. Кстати, нужно отметить, что у Иакинфа это место переведено неправильно. Знак «юй», входящий в состав слова «юзбек», он принял за иероглиф «ван», 王, и поэтому перевел так: «Селения или деревни называются аманями (аул); в каждом из них определяется от князя бек для сбора подушного и для наряда к земским работам. Есть еще кэукэ-баши, надзирающие над землепашеством». «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана», 230 стр. Ошибка Иакинфа вызвана тем, что в тексте, которым, повидимому, пользовался Иакинф, действительно стоит знак «ван», тогда как в другом издании Сиюй вэнь цзянь лу под иным названием — Синьцзян вайфань цзилё, приводится знак «юй».

[3] 丁糧, дин лян, подушный оброк.

[4] 差徭, чаяо, повинности, барщина.

[5] 叩克巴什, коукэ баши.

[6] СЮВЦзЛ, гл. (цзюань) 7, стр. 17. См. также «Синьцзян вайфань цзилё», кн. (бэнь) II, гл. «Хуйцзян фынту цзи» стр. 16[r].

[7] ХЦЧж, гл. 4, стр. 5. Речь идет о жителях Аксу.

Не менее показательным, а пожалуй, наиболее ярким свидетельством является решение Лифаньюань[1] обязать туркестанских крестьян поддерживать в исправности оросительную систему. Приведем выдержку из этого решения:

«...Тщательно наблюдать за оросительными каналами и в случае разрушения (их) тотчас же приказывать туркестанцам всего селения (общины)[2] исправлять (каналы)...»[3]

Это постановление относится, правда, к началу XIX в., именно, к 1814 г., но применение труда крестьян на починке каналов, конечно, имело место значительно раньше издания этого постановления и появление его было вызвано докладом илийского цзянцзюня от 1813 г.[4]

Я могу еще сообщить, что труд крепостных, связанных с сельским хозяйством, применялся на дорожных станциях в пустыне, где переселенные из различных округов туркестанцы рыли каналы и снабжали водой проезжающих по пустыне.[5]

Наконец, из доклада Сун Юня от 1813 г. мы узнаем, что на военных станциях,[6] установленных на пути из собственно Восточного Туркестана в Илийский край, было поселено от 10 до 30 семейств туркестанцев, присланных из разных городов. Эти семьи обслуживали станции и получали ежемесячное вознаграждение в размере 200 вэней (чохов), причем на некоторых станциях были земельные участки, обрабатывавшиеся туркестанцами, обслуживавшими эти станции. В докладе отмечается, что там, где существовали при станциях обрабатываемые поля, денежного вознаграждения не выдавалось. Назначение этих станций определялось торговым обменом (главным образом, казенным) между Восточным Туркестаном и Илийским округом.[7]

---

[1] 理藩院, Лифаньюань — Палата внешних сношений.

[2] 闔莊回子, Хочжуан хуйцзы.

[3] ЦДХЦЦзЛ, кн. (бэнь) 3, стр. 37.

[4] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 21.

[5] СЮВЦзЛ, гл. 7, стр. 17v. Ср. Иакинф, Описание Чжунгарии..., стр. 231.

[6] 軍臺, цзюньтай.

[7] ЦДСЦШЛ, гл. 3, стр. 28v—29r.

Мне кажется, что приведенных фактов достаточно, чтобы сделать вывод о наличии в Восточном Туркестане в конце XVIII — в начале XIX вв. остатков отработочной ренты, сосуществующих с основной для этого периода рентой — продуктовой, причем я еще раз должен напомнить, что речь идет в данном случае лишь о самостоятельных мелких «землевладельцах» и то за исключением Турфана и Хами, так как, если говорить о крепостных, прикрепленных к бекам для обслуживания последних, то там основной формой эксплоатации, повидимому, была отработочная рента.

После приведенной общей характеристики условий эксплоатации туркестанских крестьян я считаю необходимым показать, во что выливалось присвоение прибавочного продукта, какое количественное выражение оно принимало во всем Восточном Туркестане, иными словами — я должен привести данные о налогах с оброчных крестьян, особо выделив испольщиков.

Сведения о налогах в Восточном Туркестане в конце XVIII в. мы черпаем одновременно из нескольких китайских источников и это позволяет нам сопоставить их и убедиться в аутентичности сообщаемых данных. Хронологически наиболее ранними данными являются сообщения с мест главнокомандующего китайской армией, усмирившей Восточный Туркестан, Чжао Хуй'я, его помощника Фу Дэ и других чиновников. Эти данные относятся к 1759—1760 гг., но они весьма неполные и недифференцированы по всем городам. Далее следуют сведения, сообщаемые автором Хуйцзян чжи, относящиеся к 1770—1772 гг., довольно полно рисующие картину обложения населения всеми видами налогов по всем крупным городам и округам Восточного Туркестана. Затем неполные данные могут быть взяты из Сиюй вэнь цзянь лу, охватывающие период 1777—1780 гг. и, наконец, наиболее полные сведения сообщает Циньдин хуан-юй сиюй тучжи, где часто приводятся сравнительные данные за период 1765—1775—1780 гг. Наиболее ранние данные, — донесения чиновников — хотя и не полные, представляют собой большой интерес, так как в них попутно вскрываются и условия, суще-

ствовавшие до захвата китайцами Восточного Туркестана, и освещается вся проблема общественных отношений в Восточном Туркестане.

В донесении из Кашгарского лагеря — после захвата Кашгара — от 13 сентября 1759 г.[1] Чжао Хуй, касаясь вопроса о налогах, сообщает следующее:

«...3. О сумме ежегодного налога (оброка) и дани.[2] Как известно, 1 туркестанский батман[3] соответствует (приравнивается) китайским (казенным) 4 даням, 5 доу;[4] один карбур[5] соответствует 5 доу. Один чарек — 10 гинам (цзиням).[6]

Танга[7] равна 50 вэням (文) китайским и оценивается в 1 лан серебра.

Во времена Галдан Цэрэна[8] было определено ежегодно сдавать 67 000 танга. В эту сумму включались сдаваемые земледельцами Ортоши[9] оброк зерном в количестве 40 898 батманов, хлопок 1463 чарека, селитра 365 чареков, которые заменялись деньгами в сумме 21 000 танга. Еще казахи и Чжокбаши[10] сдавали 26 000 танга. Торговцы и скототорговцы платили 20 000 танга. Кроме этих сумм еще взимался сбор с торговли, золота и меди, с садов и с туркестанцев, торгующих на границах, в размере $^1/_{10}$. С иностранных торговцев взималась $^1/_{20}$ часть. Такой суммы ежегодно никто не мог вносить. Мы решили уменьшить налоги, определив ежегодный сбор зерном

---

[1] 24-й год правления имп. Цяньлуна, 7-я луна, 22-й день.

[2] 每年貢賦數目, мэй нянь гун фу шуму. Знак «гун» я условно перевожу «дань», но по существу это особый вид налога в покоренных странах.

[3] 帕特瑪, батэмань.

[4] Эта пропорция между батманами и китайскими данями существовала до 1760 г.

[5] 噶勒布爾, Хэлэбуэр.

[6] Чарек в качестве меры объема приравнивался к 7 шэнам, 3 чжо, 1 цо, 2 мяо (Хуйцзян цзэли, 4 кн. (бэнь), стр. 1).

[7] 騰格, тэнгэ.

[8] 噶爾丹策零, Гээрдань Цэлин.

[9] 鄂爾托什人, Ортоши жэнь.

[10] 綽克巴什人, Чжокэбаши жэнь.

4000 батман, деньгами 6000 тэнгэ, а хлопок и селитру сдавать по старому — 1000 чареков.[1] После выяснения вопроса о размещении гарнизонных войск, вновь определим оброк и сборы. Ко двору императора представляется 10 лан золота и 1000 гин винограда. От всех остальных мелких сборов решили освободить, по-старому взимая только налоги с торговли.

4. Следует учесть провиант для армии. Известно, что теперь в каждом городе и деревне с обрабатываемых полей можно получить, учитывая посев,[2] в хорошие годы — урожай сам-7—8, а в неурожайный год — сам-2—3. Однако повсюду еще встречаются следы тревоги и беспокойства и, учитывая это, конечно, следует уменьшить сборы, взимая всего зерном 2000 батманов.

Земли туркестанцев, убежавших с мятежниками, конфискованы в пользу государства. С этих земель приказано взимать налоги в три раза больше,[3] а всего 1200 батманов. Еще должны сдавать деньгами 13 000 тэнгэ, которые обмениваются на зерно. С семи старых садов ежегодно собирается виноград, отправляемый ко двору в качестве дани. С 13 новых садов, принадлежавших Борониду, собирается мало и все это используется для наград правительственным войскам».[4]

Это донесение Чжао Хуй'я и приведенные им данные относились только к Кашгарскому округу, а не ко всему Восточному Туркестану, в чем сомневались мои предшественники,[5] не пользовавшиеся китайскими источниками. Это можно заключить из других донесений, сообщающих о налогах в остальных округах

---

[1] Слово чареков в тексте опущено. Вообще, по моему мнению, текст донесения, помещенного в Дунхуа сюйлу, имеет пропуски и не лишен опечаток.

[2] «На основании подсчета (учета) посеянного зерна». Повидимому, речь идет о методе определения урожая, так как применялся и другой способ — учитывалось не общее количество посеянного зерна, а брался средний урожай с му.

[3] 三倍交納, сань бэй цзяона.

[4] ДХСЛ, гл. 18, стр. 16—17. Ср. Mailla. Histoire Générale de la Chine, t. XI, pp. 567, 568, 569. Майя дает перевод этого же донесения Чжао Хуй'я, однако его перевод значительно отступает от китайского текста, которым я пользовался. То же самое с переводом миссионера Амио.

[5] Григорьев, В. В. Восточный или Китайский Туркестан, II, стр. 395, прим. 12—13.

Восточного Туркестана. Так, ровно через месяц, 13 октября 1759 г., тот же Чжао Хуй докладывал о Яркенде следующее:

«Мы выяснили, что в подчиненных Яркенду 27 городах и деревнях насчитываются 30 000 семейств (ху) или около 100 000 душ.[1] Прежде, во времена Галдан-Цэрэна, ежегодно вносилось (в виде) налогов 100 000 тэнгэ, кроме этого были сборы с золота, с продаваемых тканей, со скота и другие сборы. И, хотя взимали налоги на основании законов, тех, кто сдавал полностью, было мало. Хоцзичжан по вступлении в город брал налоги сверх меры[2] и когда он бежал, то опять грабил. Туркестанцы находятся в чрезвычайно тяжелых условиях и положение Яркенда не сравнимо с Кашгаром. Теперь, с 7-й луны этого года (августа 1759 г.), сдают только 1400 батманов разного зерна, а занимающиеся разного рода деятельностью[3] вносят 12 000 тэнгэ. В дальнейшем, начиная с 1761 г.[4], надлежит снова определить сбор оброка. Остальное на основании правил, установленных для Кашгара. Что касается уже засеянных полей, домов и садов тех, кто убежал с мятежниками, все это конфисковано в пользу казны...»[5]

В следующем донесении Цаньцзань даченя Шухэдэ, от 22 января 1760 г. (5-й день, 12-я луна, 24-й год правления императора Цяньлуна), сообщаются данные о налогах по Хотану и в подчиненных ему городах. Шухэдэ указывает, что оброк следует взимать в размере $^1/_{10}$ части урожая, но, в связи с тем, что местность только что усмирена, предлагал снизить сумму налога, окончательно определив ее с будущего года. Затем приводится сумма денежного сбора в Хотанском округе, которая определена — с учетом бедственного положения туркестанцев — в 12 000 танга, из них 4000 были предназначены

---

[1] 口, коу.

[2] 額外科斂, э вай ко лянь.

[3] 各項謀生人等, гэ сян моу шэн жэнь дэн.

[4] 辛巳年

[5] ДХСЛ, гл. 18, стр. 18г.

на снабжение правительственных войск, 7700 — на содержание беков и ахунов, а остальные 300 танга — для обращения.[1]

Кроме того 10 семейств торговцев Бодоргэ[2] должны были сдавать 10 лан золота, а 300 семейств, добывающих золото, — 60 лан. Точно так же определялась сдача всей добываемой яшмы.[3]

Из этих донесений видно, что в первый год после завоевания страны цинское правительство вынуждено было перед лицом обнищания туркестанских масс, — в результате экспроприации как со стороны феодалов, властвовавших до прихода завоевателей, так и со стороны последних и перешедших на их сторону верхушечных феодальных слоев, — частично освободить население от налогов, частично снизить их. На такой шаг цинское правительство шло в результате брожения среди широких крестьянских масс, желая привлечь последних на свою сторону в борьбе с ходжами. Но после того, как страна была умиротворена, ходжи уничтожены, а крестьянство внутри страны разгромлено, налоги растут, давя своей тяжестью непосредственных производителей. Об этом увеличении налоговых тягот свидетельствует таблица, которую я даю ниже. Имея в виду в дальнейшем дать полный свод всех налогов, существовавших в Восточном Туркестане в период 1760—1780 гг., я в этой таблице привожу данные, относящиеся лишь к крестьянам, вносившим оброк в размере $^1/_{10}$ части урожая. Поэтому из этой таблицы выпадает совершенно денежный налог, так как он взимался не только с этой категории крестьян (см. прил. 7).

Из приведенной таблицы и примечаний к ней видно, что имевшее иногда место незначительное снижение налогов объясняется уменьшением количества податных и сокращением земельной площади, обрабатываемой крестьянами, что было вызвано мероприятиями цинского правительства, насильно принуждавшего крестьян покидать землю и заниматься прокладыва-

[1] ДХСЛ, гл. 18, стр. 29г.

[2] 貿易之伯德爾格

[3] ДХСЛ, там же, стр. 29г.

нием новых дорог (Музартский перевал) или добычей меди в пользу казны. С другой стороны, таблица свидетельствует о значительном увеличении налогов по сравнению с установленными Чжао Хуй'ем сразу после покорения страны.

б) Земли, обрабатывавшиеся испольщиками

О существовании испольщины мы впервые узнаем из известных уже нам донесений китайских чиновников. Правда, в цитированных мною докладах при упоминании о конфискованных землях ничего не говорится об испольщине, а указывается лишь на то, что с них было предложено взимать налоги в троекратном размере. В донесении Шухэдэ от 22 января 1760 г., изложение которого давалась выше, сообщается о том, что надлежит делить пополам с арендатором собранное зерно.

«Что касается собираемого с полей Талияциня,[1] (решено) взимать, поделив пополам с арендаторами,[2] т. е. поступать на основании старых правил».[3]

Уточнением этого краткого указания служат данные «Хуйцзян чжи» и «Сиюй тучжи», которые не только сообщают о факте испольщины, но и подкрепляют цифрами. На основании этих данных я даю ниже таблицу 50% сбора урожая, а сейчас ограничусь отдельными выдержками из упомянутых источников. О процедуре сбора 50% оброка довольно подробно говорит автор «Хуйцзян чжи», который, сообщая, что в Яркенде с земель, конфискованных у Хоцзичжана и других, взимается половина урожая, составляющая 1211 батманов или 6418 дань 3 доу, указывает на то, что на этих землях:

«...туркестанцы придерживаются двухпольной системы обработки.[4] После сбора урожая, учитывая его размеры и опре-

---

[1] 塔哩雅沁, Талияцинь, в Хотанском округе.

[2] 佃人, дяньжэнь.

[3] ДХСЛ, гл. 18, стр. 29г.

[4] Дословно — «по годам один раз (земля) отдыхает, один раз обрабатывается»,

делив количество долей,[1] взимается половина зерна. Не устанавливается определенная сумма (сбора) и сорта (культур), а собирается в зависимости от посеянного. Это зерно идет на снабжение войск».[2]

Из этой цитаты видно, что государство или его представители — сборщики налогов, не фиксировали заранее подлежащую к сдаче сумму налога-оброка, а определяли ее после снятия урожая.

Указания на существование испольщины в отдельных городах Восточного Туркестана (Куча, Шаяр, Уш, Кашгар, Яркенд и Хотан) имеются в «Сиюй тучжи», причем они настолько ясны, что не оставляют у нас никакого сомнения и подтверждают сообщения «Хуйцзян чжи» об этом же факте. Вот, напр., что говорится про город Куча:

«С прежних казенных земель,[3] после присоединения к империи[4] переданных жителям для возделывания и засеваемых 250 дань зерна, ежегодно взимается 0.5, что составляет 1250 дань».[5] Нет необходимости приводить цитаты, рисующие положение в других городах, так как все они (цитаты) будут выглядеть одинаково, с той только разницей, что будут указаны другие цифры.

Сводку всех этих данных мы даем в таблице на стр. 207.

К сожалению, ни указанная таблица, ни приводившиеся цитаты не проливают света на все стороны отношений между государством и «арендатором»-испольщиком; известен лишь размер ренты, а следовательно и норма эксплоатации, но те данные, которые я приводил, не позволяют ответить на вопросы: 1) чьими средствами производства обрабатывалась земля, 2) какие юридические отношения существовали между государством и испольщиком, 3) при каких условиях возможен был отказ от

---

[1] 酌定分數 чжодин фэньшу.

[2] ХЦЧж, гл. 4, стр. 10[r].

[3] Повидимому речь идет о конфискованных землях.

[4] 於入版圖後

[5] СЮТЧж, гл. 34, стр. 13[v]—14[r].

ТАБЛИЦА СБОРА ОБРОКА С ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ, СДАННЫХ В АРЕНДУ ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ НА УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЩИНЫ

№ по порядку	Название местности	Размер земельн. площ., сданной в аренду		Общая сумма оброка (50% урожая)	
		по данным «Хуйцзян чжи»	по данным «Сиюй тучжи»	по данным «Хуйцзян чжи»	по данным «Сиюй тучжи»
1	Ак-Яр (Аксуский округ	140 му	—	50 даней [1]	—
2	Яркендский округ	900 батм.	1283 дань,[4] 6 доу, 6 шэн	6418 дань,[2] 3 доу	6418 дань,[4] 3 доу
3	Кашгарский округ	620 батм., 6 карб., 2 чарыка	801 дань,[5] 4 доу	3892 дань,[3] 8 доу, 5 шэн	3993 дань, 5 шэн, 3 хэ, 1 чжо
4	Кучаский округ				
	а) Куча	—	250 дань [6]	1250 дань,[9]	1250 дань,
	б) Шаяр . . .	—	75 дань	—	375 дань [10]
5	Уш	—	—	—	192 дань [7]
6	Хотан	—	13 062 дань [8]	—	2183 дань,[8] 6 доу

[1] В тексте не указано, что взимается половина урожая. ХЦЧж, гл. 4, стр. 5.

[2] 1211 батманов. ХЦЧж., гл. 4, стр. 10.

[3] В тексте указано 734 батмана 4 карбура. Батман мною приравнивается к 5 даням, 3 доу.

[4] С 1759 г. по 1782 г. без изменений. СЮТЧж, гл. 34, стр. 24г—v.

[5] В число 801 дань, 4 доу входили сменные поля, поочередно обрабатывающиеся (— 易地畝). СЮТЧж, гл. 34, стр. 22v.

[6] После присоединения казенные земли передавались для обработки туркестанцам, размер их определялся посевом в 250 дань зерна. СЮТЧж, гл. 34, стр. 13v—14г.

[7] До 1765 г. После восстания в Уше данных о сдаче в аренду нет. Повидимому в это время испольщина здесь не применялась. СЮТЧж, там же, стр. 16v—17г.

[8] Здесь явная ошибка. Не может быть, чтобы урожай был в три раза меньше посева. 2183 дань, 6 доу составляли 50% урожая в то время, когда засевалось 13 062 дань. СЮТЧж, гл. 34, стр. 27v—28г. Хуйцзян чжи не приводит никаких данных об испольщине в Хотане. ХЦЧж., гл., 4, стр. 11г.

[9] ХЦЧж, гл. 4, стр. 4г.

[10] СЮТЧж, гл. 34, стр. 15v.

пользования государственной землей и являлась ли эта «аренда» принудительным прикреплением к земле и т. д.

Однако частично на эти вопросы, мне кажется, можно ответить, пользуясь различными указаниями как китайских, так и других авторов. Прежде всего надо решить следующее — почему с части земель цинское правительство взимало ренту-оброк в размере 50% урожая, тогда как с остальных земель только десятину. Думается, что ответ надо искать в том, что, во-первых, в первом случае мы имеем дело с землевладениями, принадлежащими государству и лишь недавно переданными населению, тогда как во втором случае крестьяне исстари владеют земельными участками, которые только номинально считаются собственностью государства. Во-вторых, на землях, обрабатываемых на условиях испольщины, существуют, повидимому, иные отношения к средствам производства. Последние, вероятно, принадлежат государству так же, как и семена, идущие на засев земли, обрабатываемой испольщиками, в то время как в частных «землевладениях» оброчных крестьян земля обрабатывалась самостоятельно собственными средствами производства и своими семенами. На этот вывод меня толкают два указания китайских источников: 1) в «Уложении Палаты финансов», когда приводятся данные о налогах с испольщиков и с прочих крестьян, последние выделяются применением к ним эпитета «самостоятельно обрабатывающие землю», в то время как испольщики именуются: «жители, получившие для обработки казенные земли».

Приводим выдержку из уложения, причем должны отметить, что цифровые данные относятся к началу XIX века.

«1. Во всех городах с туркестанцев (回民), получивших в обработку казенные (государственные) земли,[1] ежегодно собирается зерном — половина (урожая).[2] В Куче ежегодно взимается 1250 дань, в Шаяре 375 дань, в Аксу 50 дань, в Яркенде

---

[1] 承種官地, чэнчжун гуаньди.

[2] 收糧石平分, шоу ляндань пинфынь.

6658 дань, 3 доу, в Хотане 3413 дань, 2 доу, и в Кашгаре 172 дань, 3 доу.

2. Во всех городах туркестанцы, самостоятельно обрабатывающие поля,[1] ежегодно сдают в казну в зависимости от урожая $^1/_{10}$ часть его».[2]

Это указание на самостоятельную обработку земли оброчными крестьянами само по себе еще ничего не говорит, если его взять изолированно — вне всякой связи с другими данными, но, сопоставив это с другими показаниями источников, я могу притти к заключению, что под самостоятельной обработкой понималось, во-первых, возделывание полей, находившихся в фактическом владении еще предков рассматриваемых мною оброчных крестьян, а, во-вторых, обработка средствами производства, принадлежавшими непосредственным производителям. Далее, это выделение оброчных крестьян в особую группу самостоятельно обрабатывающих землю имеет смысл лишь постольку, поскольку они (крестьяне) противопоставляются другим, не самостоятельно обрабатывающим землю — испольщикам.

Следовательно, мне остается вскрыть «несамостоятельность» испольщиков. Этой задаче помогает второе указание источника. В главе о военных поселениях в Восточном Туркестане и Джунгарии составители Сиюй тучжи, приводя данные об условиях аренды государственных земель в местности, прилегающей к крайней восточной точке Восточного Туркестана — Хамийскому округу — сообщают следующее:

«... Только в трех поселениях (укреплениях):[3] Гуа-чжоу,[4] Таши[5] и Сяовань,[6] земли, оставленные прежде проживавшими турфанскими жителями, которые переселились снова в Турфан в 1756 г. (21-й год правления императора Цяньлуна), переданы

---

[1] 自種地畝, цзычжун диму.

[2] Хубу цзэли, гл. 6, стр. 16.

[3] 堡, бао.

[4] 瓜州, Гуачжоу, в 200 верст на запад от Цзяюйгуань.

[5] 踏實, Таши.

[6] 小灣, Сяовань.

«арендаторам» для обработки[1] (в количестве) 30 му на каждую семью (хозяйство).[2]

Правительство выдает (арендаторам) семена, скот и орудия (сельскохозяйственные).[3] После осенней жатвы,[4] за вычетом сохраняемых для посева семян,[5] $^4/_{10}$ (сорок процентов) сдаются в казну».[6]

Мне кажется, что описанные в этом отрывке условия аренды государственных земель применялись и для всего Восточного Туркестана, и, таким образом, подтверждается наше предположение о различии между испольщиками и всеми остальными оброчными крестьянами, облагавшимися $10^0/_0$ сбором урожая.

Испольщик являлся таким же зависимым крестьянином, если не в большей мере, как и все остальные оброчные. Его нельзя рассматривать как свободного арендатора. Арендные отношения между ним и государством совсем не те, что, напр., между последним и купцами, арендующими землю. Испольщик, лишенный средств производства, всецело зависит от государства, но даже и в том случае, когда условия труда, за исключением земли, в его руках, он находится в феодальном обществе в зависимости от собственника земли, и прикрепление его к последней носит принудительный характер, хотя внешне это прикрепление принимает форму аренды.[7] Таким образом, сущность эксплоатации

---

[1] 招佃承種, Чжао дянь чэн чжун; дословно: «завербованы „арендаторы", взявшиеся возделывать (землю)».

[2] 戶, Ху.

[3] 官給籽種牛具, гуань гэ цзычжун ню цзюй.

[4] 秋成後, цю чэн хоу, после осеннего урожая.

[5] 扣存籽種外, Коу цунь цзычжун вай. Повидимому, норма урожайности принималась за 1000% (сам-10) и, следовательно, семенной фонд составлял 10%.

[6] СЮТЧж, гл. 32, стр. 1г. Если учесть, что для воспроизводства сохранялся семенной фонд в размере 10% урожая, то получается, что государство присваивало 50% урожая.

[7] Валиханов, один из первых авторов, писавших о Восточном Туркестане, называет испольщиков казенными хлебопашцами, что приближает его к нашему пониманию испольщика как зависимого от государства крестьянина. Однако Валиханов, конечно, не пытается вскрыть сущности испольщины. Соч., стр. 422.

испольщиков и остальных оброчных крестьян в Восточном Туркестане одна и та же. Присвоение прибавочного труда государством как в том, так и в другом случае, осуществляется путем взимания налога — части продукта непосредственного производителя, причем для описываемых здесь категорий крестьян эта часть прибавочного продукта составляет 50%, что естественно влечет за собой невозможность воспроизводства сельскохозяйственного процесса силами самого испольщика и принуждает его прибегать к «помощи» государства. Таким образом создается вечный кругооборот, в котором для испольщика конечная точка совпадает с исходной. Остающаяся в руках непосредственного производителя часть продукта, им произведенного, едва обеспечивает существование его самого и его семьи, так как нужно учесть, что из 50% оставшегося урожая испольщик часто обязан был вносить различные подати, не связанные с земледельческим трудом, а распределявшиеся среди всего населения. Нетрудно доказать, что даже при освобождении от всех налоговых обложений оставшаяся часть продукта обеспечивает испольщику и его семье лишь голодную, нищенскую норму существования.

В самом деле, если учесть, что испольщик с семьей обрабатывал 30 му земли, которые засевались $1^1/_2$ дань зерна, то при урожае сам-10—15, обычном почти для всего Восточного Туркестана, непосредственный производитель, получая после снятия жатвы 15—22 дань, имел для собственного потребления только 7—11 дань или, в переводе на наши меры, 28—45 пудов зерна в год, на семью в 4—5 человек. Такого количества зерна при отсутствии скота могло хватить только на пропитание, и то довольно ограниченное, так как надо учитывать и другие потребности крестьянина, которые могли удовлетворяться в данном случае за счет обмена части зерна на другие продукты или товары.

К сказанному о двух формах крестьянского «землевладения» мне остается добавить, что присвоение прибавочного продукта крестьян не ограничивалось 10% или 50% натуральным оброком.

Всякого рода обложения, кроме земледельческого продукта, постоянно сопровождали основной налог в Восточном Туркестане. Интересно еще то, что эти обложения, определявшиеся властями, состояли также из различных изделий, предметов промышленности, что свидетельствовало о существовании деревенской домашней промышленности, соединенной с земледелием. Следовательно, прибавочный продукт, выкачивавшийся государством и образовывавший ренту, состоял не только из продуктов сельского хозяйства. Только так мы должны рассматривать различные натуральные налоги и даже дань, отсылавшуюся туркестанскими городами китайскому императору — все это прибавочный продукт, продукт соединенного земледельческо-промышленного семейного труда.[1]

В Восточном Туркестане прибавочный продукт состоял из различных предметов земледельческо-промышленного труда. Сдавались медь, сера, селитра, шафран, свинец, холст, хлопок, шелковые ткани, золото, фрукты, предметы обихода — платки, ножи, меха и т. д.

Сводку всех этих видов налога и «дани» я даю ниже (см. приложение 8).

В эту сводку я включаю также и денежный сбор с туркестанцев, не поместив лишь сбор оброчного зерна, данные о котором приводились выше.

---

[1] Маркс указывает на возможность включения в натуральную ренту, кроме продуктов сельского хозяйства, изделий промышленного труда, что как раз свидетельствует о соединении земледельческого и промышленного труда в сельской общине. Более того, по Марксу сама по себе рента продуктами предполагает это соединение: «... Она (рента продуктами. *Л. Д.*) предполагает далее соединение деревенской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, при чем, как это часто было в средние века, в ренту продуктами могут входить в бóльшей или меньшей мере промышленные продукты, или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта». Капитал, т. III, ч. II, ГИЗ, 1929, стр. 270.

Заключение

Я показал, насколько позволяли данные источников, к чему привело завоевание Синьцзяна Цинской империей. Мною были освещены пути освоения завоеванных Китаем стран, феодальные формы эксплоатации производительного населения в этих странах. На оригинальном материале китайских источников я попытался нарисовать картину производственных отношений Синьцзяна, обнажить экономический базис феодального общества Восточного Туркестана XVIII в. Насколько все это удалось — судить не мне. Но я считал бы поставленную перед собой задачу не разрешенной, если ограничился бы только констатацией фактов, их освещением. Этого недостаточно, необходимо сделать выводы, наметить перспективы.

Прежде всего основной вопрос, на который надо ответить, это — разрешило ли цинское правительство поставленные задачи? Способствовала ли аграрная политика Цинов в Синьцзяне разрешению этих задач?

На это надо ответить двояко. С одной стороны, мы могли наблюдать, что Цинской империи удалось проникнуть во все поры общественного производства и подчинить последнее обслуживанию нужд Цинского дома и шире — Цинской монархии. Манчжурские феодалы — в лице богдыхана и его представителей — добились, в известной мере, расширения базы феодального способа производства в Китае за счет привлечения Синьцзяна, в качестве объекта феодальной эксплоатации, в качестве источника дополнительного прибавочного продукта. Но разрешила ли Цинская империя захватом Синьцзяна внутренние противоречия феодального строя, — а это являлось одной из задач Цинов, — отвело ли цинское правительство готовящийся со стороны угнетенного

крестьянства удар против феодалов, — конечно, нет. Об этом свидетельствуют крестьянские антифеодальные войны в Китае во второй половине XVIII в., в особенности в конце его. Больше того, эти противоречия обострились и одной из причин этого явления были войны в Джунгарии и Восточном Туркестане, требовавшие громадных финансовых затрат, которые производились за счет усиления эксплоатации непосредственного производителя.

Колонизация завоеванных стран также не смогла ослабить внутренние противоречия общественного строя в Китае, она была не в состоянии разрешить и аграрный вопрос. Наоборот, она (колонизация) воспроизводила феодальные противоречия на новой, расширенной основе, насаждая в новых областях помещичий гнет, кабалу, эксплоатацию непосредственного производителя. Вопрос заключался не в использовании колонизационного фонда, а в том — кем и как будут использованы свободные земли. Перед Цинами стояла проблема не аграрной перенаселенности, а проблема аграрных отношений во всем своем многообразии. Полное разрешение ее могло быть лишь в коренной ломке общественных отношений, в освобождении крестьянства от крепостнического гнета. В непосредственной связи с углублением феодальных противоречий во внутреннем Китае в результате войн и воспроизводством этих противоречий в колонизационных областях стоит обострение классовой борьбы в завоеванных Цинами странах.

Аграрная политика цинского правительства в этих странах, целиком обслуживавшая интересы китайско-манчжурских феодалов, с одной стороны и, в известной мере, удовлетворявшая притязания местных туркестанских феодалов, с другой стороны, вела к коррупции чиновничества, к еще большему усилению эксплоатации туркестанского крестьянства, бесправию последнего.

Одновременно с этим ухудшалось положение и защитников Цинской империи — военных поселенцев — китайских и манчжурских солдат, не говоря уже о крестьянских поселенцах в Джунгарии. В самом деле, если посмотреть на прилагаемую к моей работе таблицу обрабатываемой китайскими солдатами земельной площади в Восточном Туркестане, будет видно, что эта форма

владения землей деградировала, земли уплывали из рук китайских солдат-поселенцев. Такую же картину можно было наблюдать и с землевладением манчжурских (знаменных) поселенцев. Его поглощали крупные земельные собственники — торговцы. Крупный земельный собственник-купец, он же ростовщик, разлагал парцеллярную собственность непосредственных производителей (манчжурских солдат) и даже собственность помещиков, однако это вовсе не означало изменения способа производства. Происходило разрушение одной феодальной формы земельной собственности (знаменное манчжурское землевладение) и замена ее другой, тоже феодальной — землевладением купечества.

В этом сказалась роль ростовщичества в Синьцзяне.[1] Интересно отметить, что первым ростовщиком в Синьцзяне (именно в Джунгарии) были цинское правительство и его сатрапы, и, таким образом, ростовщичество здесь было узаконено правительством, как и во внутреннем Китае, причем ростовщичество в Синьцзяне осуществлялось под видом государственной помощи непосредственным производителям. Так, мне известно, что в Урумчийском и других округах крестьянам весною выдавалось заимообразно зерно для посева из общественных амбаров,[2] а осенью они были обязаны вернуть ссуду с $10^0/_0$ надбавкой,[3] причем этот ссудный процент фактически был значительно выше, так как имели место злоупотребления чиновников.

Таким образом в Джунгарии аграрная политика Цинов вела к усилению крупного землевладения — купеческо-помещичьего, к экспроприации мелких земельных собственников,

---

[1] Как известно, такое же влияние ростовщичество имело и в Европе. Вот что говорит об этом Маркс: «С другой стороны, пока господствует рабство, или прибавочный труд съедается феодалами и их челядью, и они попадают под власть ростовщичества, способ производства остается тот же; только он становится более суровым. Впавший в долги рабовладелец, или феодал, высасывает больше, так как из него самого высасывается; или он в конце-концов уступает место ростовщику, который сам становится земельным собственником и т. д., как всадник и т. д. в древнем Риме...». К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, Партиздат, 1932, стр. 382.

[2] 社 仓, шэцан.

[3] Хубу цзэли, гл. 17, стр. 16.

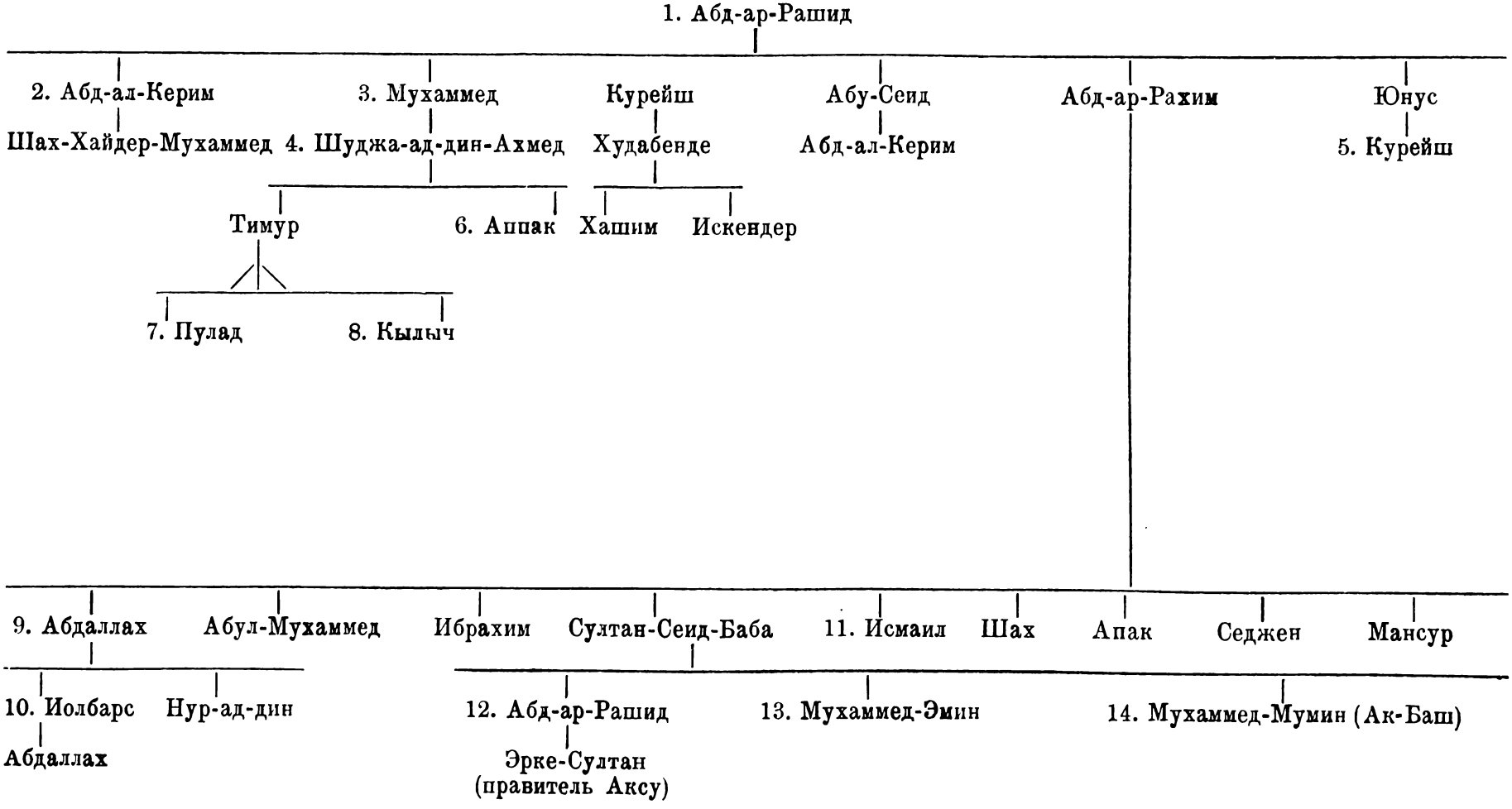
знаменных солдат и других поселенцев, не-военнобязанных, — к обострению феодальных противоречий.

Такое же положение наблюдалось и Восточном Туркестане, где, с одной стороны, на крестьянина давил бек-помещик, а с другой — государство манчжурских и китайских феодалов через своих представителей на местах и через местных чиновников-беков. Эта, по существу, двойная эксплоатация усиливалась еще и национальным гнетом, привнесенным завоевателями манчжуро-китайцами. Естественно, что при таком обострении общественных противоречий неминуемо должно было вспыхнуть антифеодальное крестьянское восстание.

И действительно, крестьянство Восточного Туркестана на усиление эксплоатации отвечает восстанием, вспыхнувшим вскоре после завоевания Восточного Туркестана, в 1765 г. Это восстание, охватившее только один г. Уш, было подавлено цинскими войсками, но источник его, первопричина — феодальный гнет — не был уничтожен и порождал новые выступления крепостных, более мощные по размаху. Иногда эти крестьянские движения использовались потомками прежних властителей страны — ходжей и других туркестанских феодалов, потерявших в результате присоединения Восточного Туркестана к Китаю власть и земельные владения; так было во время восстания Джангира (1820—1828). Однако несомненно одно: мощные крестьянские войны в Синьцзяне в XIX в., в особенности дунганское восстание 1862—1877 гг. и сомкнувшееся с ним восстание таранчей в Илийском крае, по характеру своему были антифеодальными, направленными против феодальной эксплоатации как со стороны местных помещиков-беков, так и со стороны манчжуро-китайских феодалов. Если в первые годы после завоевания Синьцзяна аграрная политика цинского правительства привела к незначительным вспышкам социального протеста угнетенного крестьянства, то через 60, а затем еще через 40 лет дальнейшее развитие этой политики вызвало огромного значения социальный конфликт — крестьянскую войну, свидетельствовавшую о чрезвычайном обострении классовой борьбы в Синьцзяне.

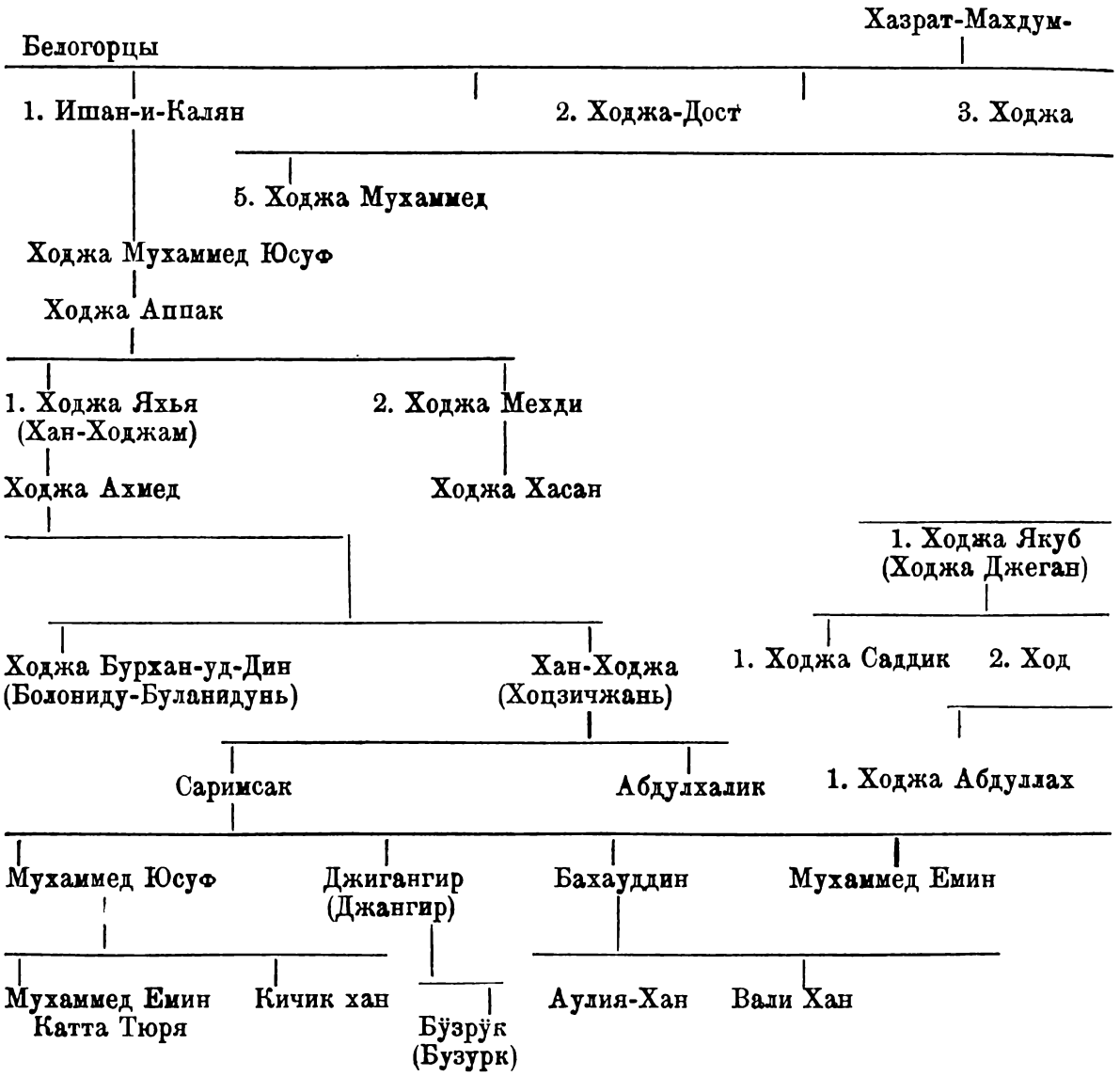
ПРИЛОЖЕНИЯ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ХАНОВ ИЗ ДОМА ДЖАГАТАЯ, ЦАРСТВОВАВШИХ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ С СЕРЕДИНЫ XVI в. ПО КОНЕЦ XVII в.



ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ХОДЖЕЙ

(по Тезкере-



ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА (XVI—XVIII вв.)

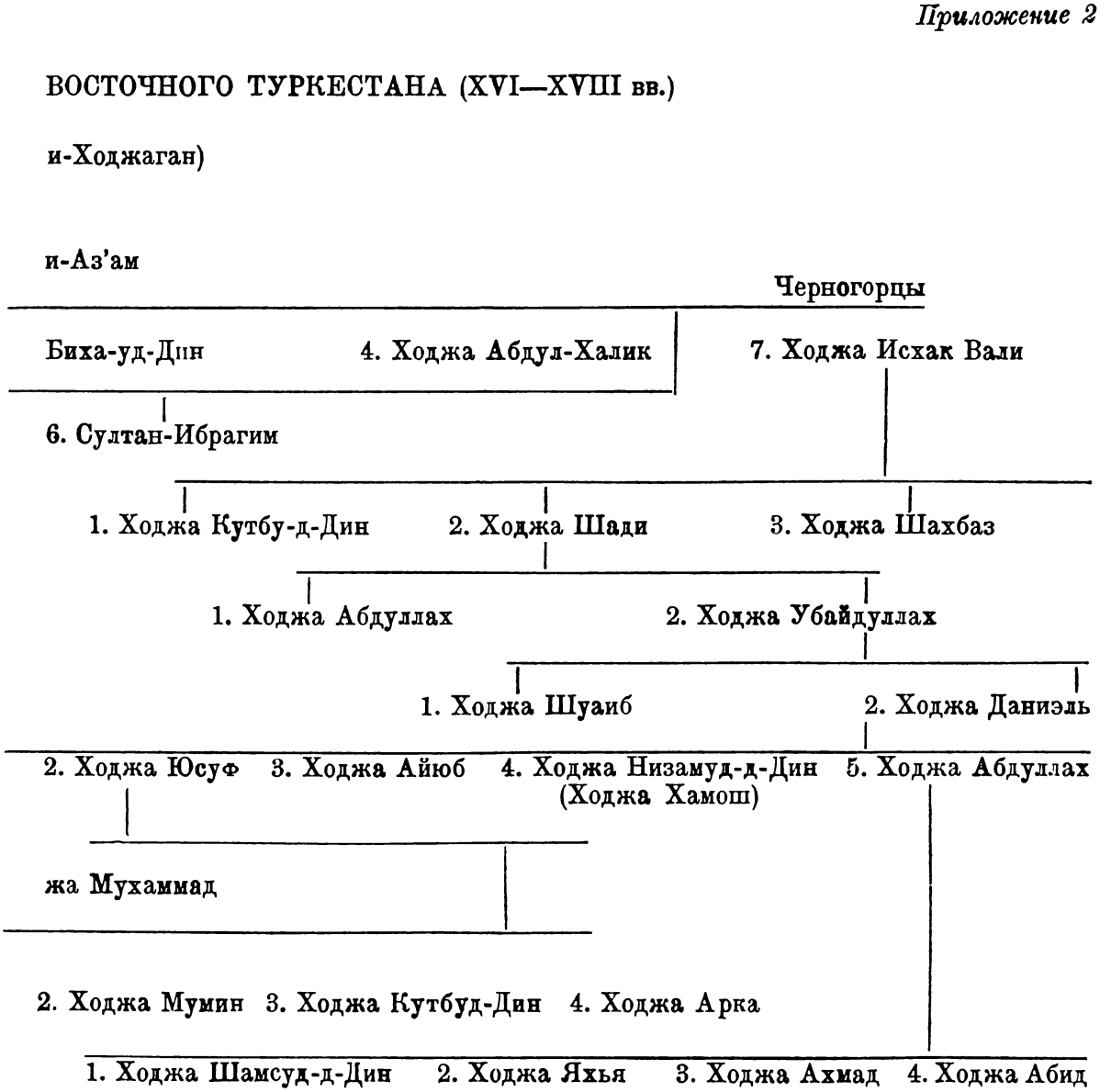


ТАБЛИЦА СОСТАВА ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ

Годы	Округ Чжэньсифу (Баркульский)										Округ Дихуачжоу			
	Лочэн (уезд Ихэсянь)		Гучэн (уезд Цитайсянь)		Мулей, Цитай (уезд Цитайсянь)		Цзибуку		Всего по округу		Убао, Чанцзи, Локэлунь		Манас (уезд Суйлай)	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
1758	20900	1000	—	—	—	—	—	—	20900	1000	—	—	—	—
1760	21000	1000	—	—	—	—	—	—	21000	1000	87174	4374	—	—
1761	22000	1000	—	—	—	—	—	—	22000	1000	87337	4056	—	—
1762	14300	400	—	—	—	—	—	—	14300	400	46737	2886	1700	180
1766	16500	500	—	—	2240	200	—	—	18740	700	97138	3331	3840	180
1767	18700	500	—	—	10000	500	—	—	28700	1000	81467	3580	8388	360
1768	18700	500	—	—	10000	500	—	—	28700	1000	104942	4631	7768	320
1769	18700	500	—	—	10000	500	—	—	28700	1000	99584	4631	26812	860
1770	18700	500	—	—	10000	500[2]	3000	150	31700	1150	98688	4631	21256	575
1771	18700	500	—	—	—	—	3000	150	21700	650	64800	3631	34192	1175
1772	18700	500	8000	400	—	—	3000	150	29700	1050	64326	3211	18444	417
1773	18700	500	12100	550	—	—	3300	150	34100	1200	69699	3870	34760	577
1774	18700	500	12100	550	—	—	3300	150	34100	1200	72543	3826	36200	1237
1775	18700	500	12100	550	—	—	3300	150	34100	1200	65360	3195	28200	1400
1776	1870 0	500	12100	550	—	—	3300	150	34100	1200	65348	3195	28200	1400
1777	18700	500	12100	550	—	—	3300	150	34100	1200	65348	3195	28200	1400
1778	18700	500	12100	550	—	—	3300	150	34100	1200	65348	3195	28200	1400
1779	18700	500	12100	550	—	—	3300	150	34100	1200	65348	3195	28200	1400
1780	18700	500	12100	550	—	—	3300	150	34100	1200	65348	3195	28200	1400

Примечания. 1. Таблица составлена по данным Сиюй тучжи, гл. 32, стр. 6. Повто-
военными поселенцами; 2 — количество солдат-поселенцев в душах, занятых
в нашей таблице. В источнике указываются данные, повидимому, к моменту
изменения (увеличение или уменьшение) по годам. Таким образом, ряд повто-
(1780 г.) отсутствует в источнике, но вставлен мною на том основании, что в тексте
2. После 1770 г. военные поселения расформированы, а земли, ими обрабатывав-

НОЙ ПЛОЩАДИ В НИХ, В ДЖУНГАРИИ, КРОМЕ ИЛИЙСКОГО ОКРУГА[1]

(Урумчийский)				Округ Куркараусу						Округ Тарбагатайский		Всего по всем округам	
Цзимуса (уезд Фукан)		Всего по округу		Куркараусу		Цзинхэ		Всего по округу					
1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20900	1000
—	—	87174	4374	—	—	—	—	—	—	—	—	108174	5374
—	—	87337	4056	—	—	—	—	—	—	—	—	109337	5056
—	—	48437	3066	5400	270	4050	270	9450	540	—	—	72187	4006
—	—	100978	3511	3828	180	3792	180	7620	360	10800	540	138138	5111
—	—	89855	3940	4848	180	4836	180	9684	360	10800	540	139039	5840
20000	1000	132710	5951	4860	180	4752	180	9612	360	10800	540	181822	7854
20000	1000	146396	6491	4764	180	5400	180	10164	360	18000	900	203260	8751
20000	1000	139944	6176	4668	180	4584	180	9252	360	18000	900	180896	8586
19000	950	117992	5756	4032	180	3948	180	7980	360	10800	540	158472	7306
16120	806	98890	4434	3780	180	3780	174	7560	354	10800	540	146950	6378
15120	756	119579	5203	3852	180	3588	168	7440	348	15120	756	176239	7507
15100	755	123843	5818	3708	180	3408	168	7116	348	18000	900	183059	8266
15100	755	108660	5350	3636	180	3360	168	6996	348	17000	850	166756	7748
15100	755	108648	5350	3636	180	3360	168	6996	348	17000	850	166744	7748
15100	755	108648	5350	3636	180	3360	168	6996	348	17000	850	166744	7748
15100	755	108648	5350	3636	180	3360	168	6996	348	17000	850	166744	7748
15100	755	108648	5350	3636	180	3360	168	6996	348	17000	850	166744	7748
15100	755	108648	5350	3636	180	3360	168	6996	348	17000	850	166744	7748

ряющиеся графы 1 и 2 означают: 1 — размер земельной площади в му, обрабатываемой возделыванием земли. В Сиюй тучжи приводятся данные не по всем годам, показанным составления «Географического описания» (1780—1782 гг.) и затем даются указания на ряющихся числовых величин — от даты, где указано изменение, до последней даты нет никаких указаний относительно изменений за этот период.
шиеся, переданы жителям. СЮТЧж, гл. 32, стр. 9г.

Годы	Округ Хами								Округ			
	Местность Талнацинь		Озеро Чабаши (Чабашиху)		Озеро Нюмао (Нюмаоху)		Всего по округу		Пичан		Харахочжо	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
1758	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1759	5670	200	—	—	—	—	5670	200	10705	800	4500	300
1760	6170	200[2]	—	—	—	—	6170	200	13633	800	6000	300
1761	6170	200	—	—	—	—	6170	200	—	—	—	—
1762	6000	170	3000	100	—	—	9000	270	—	—	—	—
1763	6000	170	3000	100	—	—	9000	270	—	—	—	—
1764	6000	170	3000	100	—	—	9000	270	—	—	—	—
1765	6000	170	3000	100	—	—	9000	270	—	—	—	—
1766	6000	170	3000	100	—	—	9000	270	—	—	—	—
1767	7030	170	3000	100	205	10	10235	280	—	—	—	—
1768	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1769	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1770	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1771	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1772	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1773	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1774	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1775	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1776	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1777	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—
1778—80	7030	170	4065	100	205	10	11300	280	—	—	—	—

Примечания.

1. Таблица составлена по данным Сиюй тучжи, гл. 32, стр. 15; гл. 33, земельной площади, обрабатываемой военными поселениями зеленой дивизии

2. Источник не указывает числа солдат в 1760 г., но так как нет то мы принимаем то же количество, что и для предыдущего года. Вообще, солдат или в размере обрабатываемой земельной площади, — мы берем дан в каждом отдельном случае.

3. В Турфанском округе в 1761 и 1762 гг. военные поселения распу с которых взимался оброк в размере $^1/_{10}$ ч. урожая (СЮТЧж, гл. 33, стр. 4[г], при императоре Канси, в 1722 г. Впоследствии, в связи с подчинением они были созданы в 1779—1780 гг. на земле, принадлежавшей Турфан гл. 3, стр. 81[в]).

ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ ПО ОКРУГАМ[1]

Турфанский				Округ Харашарский		Округ Ушский		Округ Аксуйский		Всего по всем округам Восточного Туркестана	
Токсун		Всего по округу									
1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
—	—	—	—	4145	207	—	—	—	—	4145	207
11082	1000	26287	2100	9680	484	—	—	—	—	41637	2784
14253	1000	33888	2100[3]	9712	485	—	—	—	—	49770	2785
—	—	—	—	7724	341	—	—	—	—	13894	541
—	—	—	—	5214	397	—	—	150	15	14364	682
—	—	—	—	6225	343	—	—	150	15	15375	628
—	—	—	—	7035	352	—	—	150	15	16185	637
—	—	—	—	7035	352	—	—	150	15	16185	637
—	—	—	—	7035	352	20000	1000	150	15	36185	1637
—	—	—	—	7035	392	19000	950	—	—	36270	1622
—	—	—	—	8040	392	15000	750	150	15	34490	1437
—	—	—	—	8040	392	12000	600	150	15	31490	1287
—	—	—	—	7040	342	10000	500	150	15	28490	1137
—	—	—	—	7040	342	8000	400	150	15	26490	1037
—	—	—	—	7040	342	8000	400	150	15	26490	1037
—	—	—	—	7440	362	8000	400	150	15	26890	1057
—	—	—	—	7440	362	8000	400	150	15	26890	1057
—	—	—	—	7440	362	8000	400	150	15	26890	1057
—	—	—	—	7440	362	8000	400	150	15	26890	1057
—	—	—	—	7440	362	8000	400	150	15	26890	1057
—	—	—	—	7440	362	8000	400	150	15	26890	1057

стр. 1—12. Повторяющиеся в каждом округе графы 1 и 2 означают: 1—размер (китайской), в му. 2 — количество солдат, занятых возделыванием земли, в душах. никаких указаний относительно изменения в сторону увеличения или уменьшения, во всех случаях, когда нет указаний источника об изменениях в численности ные предшествующего года для последующего, не оговаривая этого впредь

щены и земли переданы в частное, наследственное владение турфанским жителям, гл. 34, стр. 11[v]). Впервые военные поселения в Турфанском округе были созданы Восточного Туркестана ойратам, военные поселения распались. В третий раз скому (цзюньвану) князю Сулейману, занимая под посев 14 700 му (ЦДСЦШЛ,

ТАБЛИЦА ЗЕМЕЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ, СДАННОЙ ГОСУДАРСТВОМ В АРЕНДУ КУРКАРАУСУ

Наименование округов и уездов	Время возникновения частного владения	Состояние землевладений с момента их возникновения до 1776 г.				
		Количество хозяйств	Средний надел (в му)	Размер обрабатываемой земельной площади (в му)	Налог-рента с му	Общая сумма налога (в данях)
1	2	3	4	5	6	7
1. Урумчийский округ						
а) Дихуачжоу	1762	1207	—	37176	9 шэн, 6 хэ, 3 чжо	3580 дань 4 ш., 8 хэ, 8 чжо
б) Уезд Чанцзи (Чанцзисянь)	1762	2211	—	66938	9 ш., 6 хэ, 3 чжо	6446, 1 доу, 2 ш., 9 хэ,
в) Луцаогоу (уезд Чанцзи)	1770	58	30	1740	9 ш., 6 хэ, 3 чжо	4 чжо 167.5
г) Уезд Суйлай (Су лайсянь)	1777	97	30	2910[2]	9 ш., 6 хэ, 3 чжо	280.2
д) Карабаргэсунь . . .	1792	—	—	—	9 ш., 6 хэ, 3 чжо	—
е) Тасихэ	1771	26	30	780	—	75.1
ж) Хутуби	1773	100	30	3000[3]	9 ш., 6 хэ, 3 чжо	288.9
з) Уезд Фукан (Фукансянь)	1764	1446	—	43547	9 ш., 6 хэ, 3 чжо	4193 дань, 5 доу, 7 ш.
и) Цзимуса (уезд Фукан) .	1772	—	—	20850	—	—
к) Тоутуньсо	1767	52	—	1620	—	156
Всего по округу	—	5197	—	178561	—	—
2. Округ Куркараусу						
а) Куркараусу	1801	—	30	—	9 ш., 6 хэ, 3 чжо	—
б) Цзин хэ	—	—	—	—	—	—
Всего по округу	—	—	—	—	—	—
3. Баркульский округ						
а) У. Ихэ (Ихэсянь) . .	1762	—	—	43901	—	3339
б) Цитай (Цитайсянь) . .	—	—	—	77005	—	5857.2
Всего по округу	—	—	—	120906	—	9196.2
Всего по трем округам	—	—	—	299467	—	—

Примечания. 1. Таблица составлена по данным: а) Сань чжоу цзилё, гл. 3, Последний источник сообщает лишь данные о посевной площади. В Сань торговцами или крестьянами, но к сожалению цифровые данные о торчале, сколько умерло, уехало обратно и сколько осталось.

Я беру последние данные о фактически занимавшихся земледелием.

2. Данные относятся к 1776—1777 гг.

3. Данные относятся к 1773—1776 гг.

И НАХОДЯЩЕЙСЯ В ЧАСТНОМ ВЛАДЕНИИ, ПО ОКРУГАМ УРУМЧИ, И БАРКУЛЬСКОМУ [1]

С 1777 до 1805			В 1786 г. дополн. прирезана зем. площ. на условиях 50% скидки с взимаемого налога		Состояние частного землевладения на 1805—1810 гг.		
Количество хозяйств	Размер обрабатываемой земельной площади (в му)	Общая сумма налога (в данях)	Размер зем. площ. (в му)	Сумма налога	Количество хозяйств	Размер обрабатываемой земельной площади (в му)	Сумма взимавшегося налога (в данях)
8	9	10	11	12	13	14	15
2093	63092	6075.7 доу	81598	3928.9	3300	181866	13584.7
1270	38952	3751.7	59677	2873.4	3481	168567	13070.6
118	3540	340.9	33	1 дань, 5 доу, 8 ш., 9 хэ	176	5313	510
2783	86850	8363.6	6865	330.5	2880	96625	8974.4
207	6188	595.9	1196	57.5	207	7384	653.4
316	9480	912.9	269	12.9	342	10529	1000.9доу, 4 шэн, 3 чжо
1210	36306	3496.2	12535	603.5	1310	51841	4388.7
513	15387	1481.7	4744	228.4	1959	63678	5903.7
—	64500	—	7867.1	—	—	93217.1	—
212	6360	612.4	43	2 дань, 7 шэн	264	8023	770.5
8722	330655	—	174827.1	—	13919	684043.1	—
84	2520	242.6	—	—	84	2520	242.6
—	1260	—	—	—	—	1260	—
—	3780	—	—	—	—	3780	—
—	3899	296.6	67[7]6	257.7	—	54576	3893.3
—	41510	3157.4	90386.7	3437.5	—	208901.7	12452.1
—	45409	3454.0	97162.7	3695.2	—	263477.7	16345.4
—	379844	—	271989.8	—	—	951300.8	—

стр. 43[г—v]—71[г—v]; б) Циньдин Синьцзян шилё, гл. 2, стр. 45, 52.

чжоу цзилё подробно указывается кем обрабатывалась земельная площадь — говцах не выделены. Далее, указывается — какое число поселенцев было вна-

ТАБЛИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ И КРЕПОСТНЫХ СРЕДИ МЕСТНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА, В СООТВЕТСТВИИ С ДОЛЖНОСТЯМИ И РАНГАМИ

№ по порядку	Ранг чиновников (класс)	Наименование должности	Количество чиновников по данной должности	Размер земельной площади, передаваем. каждому чиновнику в батманах (минимальный, максимальный)	Размер земельной площади, передаваем. на каждого чиновника в китайских единицах (му) (минимальный, максимальный)	Количество крестьян крепостных, передаваемых каждому чиновнику (в душах)	Общий размер земельной площади, передаваемой всем чиновникам Восточного Туркестана (в батманах и в му)	Общее количество крепостных, передаваемых всем чиновникам (в душах)	* Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	5—4—3	Хаким бек . . .	20	60—200	1590—5300	15—100	2160 батм. 57240 му	965	
2	6—4	Ишкага бек . . .	11	30—150	795—3975	10—70	750 батм. 19875 му	332	
3	5—4	Казначи бек . .	10	25—100	662.5—2650	8—50	549 батм. 14548.5 му	205	
4	6—4	Шан бек	12	30—100	795—3975	10—50	755 батм. 20007.5 му	310	
5	7—6	Казий (казы) бек .	21 [1]	20—60	530—1590	4—15	667 батм. 17675.5 му	192	[1] 4 казы бека не получали ни земли, ни крестьян.

6	7—6—5	Мин бек	32 [2]	8—60	212—1590	2—30	811 батм. 21491.5 му	203	[2] В число 32 не вошли чиновники, не получавшие ни земли, ни крестьян (11 мин беков)
7	7—5	Нагиб бек . . .	7 [3]	8—60	212—1590	2—30	191 батм. 5061.5 му	72	[3] Не включен 1 бек, не получавший ни земли, ни крестьян.
8	7	Юз бек	4	8	212	3	32 батм. 848 му	12	
9	7—5	Митували бек . .	3 [4]	15—60	397.5—1590	4—15	105 батм. 2782.5 му	34	[4] Не включены 2 бека, не получавшие ни земли, ни крестьян.
10	7—6—5	Дугуань бек . . .	9 [5]	10—60	265—1590	2—30	205 батм. 5432.5 му	76	[5] Не включены 3 бека по тем же причинам.
11	7—6—5	Мираб бек . . .	22 [6]	10—40	265—1060	2—15	170 батм. 4505 му	97	[6] Не включены 15 беков по тем же причинам.
12	7—6—5	Муфтиса бек . .	5 [7]	10—40	265—1060	2—15	120 батм. 3180 му	38	[7] Не включен 1 бек по тем же причинам.
13	7—6—5	Патишаб бек . .	5 [8]	5—60	132.5—1590	1—30	155 батм. 4107 му	54	[8] Не включены 2 бека по тем же причинам.
14	7—6	Шихур бек . . .	4 [9]	30	1795	4—15	120 батм. 3180 му	27	[9] Не включены 2 бека.
15	7—6	Арбаб бек . . .	4 [10]	5—30	132.5— 795	1—15	95 батм. 2517.5 му	24	[10] Не включен 1 бек.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
16	7—6	Бачжигир бек . .	2	30	795	4	60 батм. 1590 му	8	
17	6	Бакмадар бек . .	2	30	795	4—15	60 батм. 1590 му	19	
18	6—5	Кэркэярак бек . .	2	30—60	795—1590	4—30	90 батм. 2385 му	34	
19	5	Лая Казий бек .	1	—	—	—	—	—	
20	5	Сыпа Казий бек .	1	—	—	—	—	—	
21	6	Сатыр бек . . .	1	30	795	15	30 батм. 795 му	15	
22	7	Мирбазар бек . .	1	—	—	—	—	—	
23	6	Закти мактуб . .	1	30	795	15	30 батм. 795 му	15	
24	7	Тахэлам бек . . .	1	—	—	—	—	—	
25	5	Хаш бек	1	60	1590	30	60 батм. 1590 му	30	
26	5	Аркэ бек	1	60	1590	30	60 батм. 1590 му	30	
27	7	Дубэй бек . . .	1	—	—	—	—	—	
28	7—6—5—4	Прочие беки . . .	31 [11]	30—80	795—2120	3—30	570 батм. 15105 му	283	[11] Из этого числа (31 бек) 19 не получали землю; 2 бека не вкл.
		Всего . .	215	—	—	—	7845 батм. 207892.5 му	3075	

ТАБЛИЦА СБОРА ОБРОКА В РАЗМЕРЕ $^1/_{10}$ ЧАСТИ УРОЖАЯ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ в 1760—1780 гг.

№ по порядку	Название местности	Размер земельной площади, обрабатываемой оброчными крестьянами		Земельный надел оброчных крестьян на семью (ху)	Оброк с каждой семьи (хозяйства)	Общая сумма оброка	
		в единицах посева (в данях или батм.)	в китайских мерах земельной площади (му)			по данным Сиюй-тучжи (1775—1782 гг.)	по данным Хуйцзянчжи (1770—1772 гг.)
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Турфанский округ						
	Пичан	—	34232 [1]	—	—	3423 дань, [1] 2 доу	2780 дань [2]
	»	—	—	—	—	—	1100 дань [3]
	»	—	—	—	—	—	50 дань [4]
	»	—	—	—	—	—	299 дань, [5] 3 доу, 5 шэн
2	Харашарский округ						
	а) гор. Курля	—	8188 му, [7] 3 фэнь	26 му, 9 фэнь	1 дань, 6 доу, 1 шэн, 3 хэ	491 дань [6]	560 дань [8]
	б) Бугюр	—	8188 му, 3 фэнь	26 му, 9 фэнь	1 дань, 6 доу, 1 шэн, 3 хэ	491 дань [6]	560 дань [8]
3	Округ Куча						
	а) г. Куча с окрестностями	1105 дань [10]	—	—	—	1105 дань, [9] 8 доу	960 дань [26]

1	2	3	4	5	6	7	8
	б) Шаяр	497 дань [12]	—	—	—	497 дань,[11] 6 доу	560 дань [27]
4	Уш	—	52930 му [14]	79 му [14]	3 дань,	2010 дань [13]	2010 дань [28]
5	Округ Аксу						
	а) Аксу	—	—	—	—	3945 дань [15] 2 доу, 4 шэна, 2 хэ, 1 чжо	6525 дань [22] 5 доу
	б) Сайрам	782 дань [16]	—	—	—	782 д. 2 доу [16] 2 шэна, 8 хэ, 1 чжо	750 дань [29]
	в) Бай	364 дань [17]	—	—	—	264 дань, [17] 2 доу, 1 шэн, 4 хэ, 3 чжо	364 дань [30] 2 доу
6	Кашгарский округ . . .	21200 дань	—	—	—	21200 дань [18]	21327 дань [23] 3 доу, 6 шэн, 5 хэ, 6 чжо
7	Яркендский округ . . .	14953 дань [19]	—	—	—	14953 дань, [19] 1 доу	14953 дань, [24] 2 доу, 4 хэ, 6 чжо
8	Хотанский округ	54139 дань [21]	—	—	—	13934 дань, [20] 8 доу	13934 дань, [25] 8 доу
	Всего	93040 дань	103538 му, 6 фэнь	—	—	63198 дань, 1 доу, 6 шэн, 4 хэ, 5 чжо	66734 дань, 4 доу, 2 шэна, 2 чжо

Примечания:

1. Эти земли (34 232 му) принадлежали военным поселениям. В 1761—1762 гг. переданы для обработки туркестанскому населению, подведомственному гуну Сулейману и цзюньвану Эминь Хочже. Определено ежегодно взимать $^1/_{10}$ часть урожая. Сумма оброка оставалась без изменения с 1762 г. СЮТЧж, гл. 34, стр. 11^v.

2. Туркестанское население подведомственное Турфанскому цзюньвану. ХЦЧж, гл. 4, стр. 2^v.

3. Туркестанское население, раньше подчинявшееся Мангэлику, ныне вернувшееся в Пичан. ХЦЧж, гл. 4, стр. 2^v.

4. Туркестанцы, раньше проживавшие в Чанцзи и Манасе, а затем вновь поселившиеся в Турфане и Пичане. ХЦЧж, там же, стр. 3^r.

5. Туркестанцы, переселившиеся из Вэйлубао. ХЦЧж, там же, стр. 3^r.

6. До 1763 г. взималось по 700 дань с каждого города, с 1763 г. сбор снижен до 560 дань с города, в связи с отправлением части жителей в Или. В 1775 г. сбор снижен до 491 дань, в связи с заменой зерна красной медью. СЮТЧж, гл. 34, стр. 12—13.

7. Земельная площадь вычислялась сдедующим образом: 491 д.: 1 д. 6 доу, 2 шэн, 3 хэ = кол-ву х-в $\times$ 26.9 = 8188 му, 3 ф.

8. По этим данным можно судить, что цифры Хуйцзян чжи относятся к периоду времени до 1775 г., но после 1763. (Ср. с данными Сиюй тучжи. См. примеч. 6.)

9. В Сиюй тучжи сообщается, что до 1766 г. взималось 960 дань + с испольщиков 1250 дань; принимая последнюю цифру за стабильную, все последующие изменения в общем итоге налогов я отношу на счет 10% сбора. СЮТЧж, гл. 34, стр. 13^v — 14^r.

10. Цифра 1105 дань посева выведена из суммы оброка. При расчетах за основу бралось 1000% урожайность (сам-10) по указаниям Сиюй тучжи, где применительно к первоначальной сумме оброка в 960 дань — приводится такая же цифра размера посевной площади, СЮТЧж, гл. 34, стр. 13^v — 14^r.

11. Вначале было определено сдавать $^1/_{10}$ часть урожая с площади, засевавшейся 565 дань, — 565 дань, затем, в связи с ростом населения (成丁) и отправлением крестьян на земледельческие работы, а с другой стороны на добывание меди, ежегодно происходили изменения. С 1771 г. до 1782 г. взималось 497 дань, 6 доу. Цифру сбора с испольщиков я оставляю без изменения. СЮТЧж, там же, стр. 15^r—^{v}.

12. Размер посевной площади определяю по сумме оброка, беря норму урожая в 1000%. До изменения суммы оброка засевалось 565 дань. См. примечание 11.

13. Вначале обрабатывалось крестьянских полей 84 000 му и взималась $^1/_{10}$ часть урожая, составлявшая 2250 дань зерна. В 1765 г. вспыхнуло восстание, в результате которого жители были поголовно истреблены. Впоследствии из гг. Сайрама, Бая, Кашгара и др. были переселены туркестанцы для возделывания земли, с которых взималось по особым правилам — по три дань с каждой семьи.

С 1769—1770 гг. до 1782 г. не произошло никаких изменений. СЮТЧж, гл. 34, стр. 16^{v} — 17^{r}.

14. По данным На Янь чена. Принимая указания На Янь чена, что каждой семье передавалось 79 му земли, мною вычислен общий размер посевной площади. Количество хозяйств (семей) вычислено следующим образом: 2010 : 3 = = 670. (На Вэнь и гун чоухуа Хуйцзян шань хоу шии цзоуи, гл. 76, стр. 21.)

15. Вначале, в 1759 г., обрабатывались крестьянские поля (民 田) в размере засева 14 200 дань и было определено взимать 6750 дань, кроме того, были переданы жителям государственные земли, в количестве 344 му, и с них взималась $^{1}/_{5}$ часть урожая. Затем ежегодно происходили изменения. С 1770 г. до 1782 г. ежегодно взимается 3495 дань, 2 доу, 4 шэна, 2 хэ, 1 чжо. В эту сумму вошел также оброк, взимаемый с арендованных государственных земель в размере 20% урожая. При отсутствии указаний — какую сумму сдавали арендаторы и какова была урожайность, трудно определить размеры земельной площади. СЮТЧж, гл. 34, стр. 18^{v}.

16. С 1759 г. обрабатывались крестьянские поля (民 田), минь тянь, требующие для посева 975 дань, и ежегодно взималась $^{1}/_{10}$ часть урожая, составлявшая 975 дань, затем происходили изменения. С 1766 г. взимается столько же, сколько и в 1782 г., т. е. 782 д. СЮТЧж, гл. 34, стр. 20^{v}. Исходя из этих данных и считая процент урожайности стабильным (1000%), вывожу размер посевной площади.

17. В 1759 г. обрабатывалась земельная площадь, засеваемая 97 дань 5 доу, и взималась $^{1}/_{10}$ часть урожая, составлявшая 97 дань, 5 доу, затем происходили изменения, с 1766 г. так же, как и с 1782, т. е. 364 дань. Там же, стр. 21^{r-v}.

18. С 1759 г. до 1782 г. обрабатывалась земельная площадь, требующая для посева 21 200 дань; взималась $^{1}/_{10}$ часть урожая, равная 21 200 дань. Там же, стр. 22^{r-v}.

19. С 1761 г., за исключением негодных солончаковых и холмистых земельных участков, обрабатывалась земельная площадь, засеваемая 14 977 дань, 1 доу зерна. Взимался оброк в размере 14 970 дань, 1 доу. В дальнейшем происходили изменения. С 1773 г. до 1882 г., как указано в таблице СЮТЧж, гл. 34, стр. 24^{r-v}. Составители Сиюй тучжи не указывают, относились ли эти изменения и к испольщикам, а приводят лишь изменение в общем итоге. Разницу в 17 дань я отношу на счет 10% сбора.

20. В 1759 г. обрабатывались крестьянские поля, засеваемые 54 139 дань, и с них взималась $^{1}/_{10}$ часть урожая, составлявшая 10 600 дань. С 1767 г. до 1782 г. взимается 13 934 дань, 3 доу. По данным Сиюй тучжи, в сумму 13 934 дань, 8 доу входит также сбор с испольщиков, составлявший 2183 дань, 6 доу. Последняя сумма мною не выделена, так как данные Сиюй тучжи об испольщине в Хотанском округе мне кажутся сомнительными; там указывается, что испольщики засевали 13 062 дань и сдавали 50% урожая в размере 2183 дань, 6 доу; выходит, что урожай давал в 3 раза меньше посева, — тем более, что в «Хуйцзян чжи» ничего не говорится об испольщине в Хотанском округе, а приводится цифра оброка 13 934 дань, 8 доу, которую автор «Хуйцзян чжи» полностью относит за счет 10% сбора. СЮТЧж, гл. 34, стр. 27^{v} — 28^{r}; ХЦЧж, гл. 4, стр. 11^{r}.

21. Размер земельной площади взят мною тот же, что и для 1759 г.

22. Было определено собирать 6835 дань, но из этой суммы исключено 310 дань, от сдачи которых освобождались туркестанцы, работавшие на Музартском перевале. ХЦЧж, гл. 4, стр. 5 $^{r-v}$.

23. В тексте явная опечатка: автор Хуйцзян чжи указывает, что фактически сдавалось 3863 батмана, каждый батман приравнивается к 5 дань, 3 доу, следовательно, должна получиться сумма 20 473 дань, 9 доу. В «Хуйцзян чжи» же указывается 21 327 дань, 3 доу, 6 шэнов, 5 хэ, 6 чжо. Расхождение между данными Хуйцзян чжи и Сиюй тучжи объясняется тем, что первый источник исключает из установленной суммы налога 137 батманов, от сдачи которых освобождались туркестанцы, посылавшиеся в 1761, 1763—1764 гг. в Или и Уш. Первоначальная же сумма налога по Хуйцзян чжи совпадает с суммой, показанной в Сиюй тучжи, а именно 4000 батманов или 21 200 дань. ХЦЧж, гл. 4, стр. 17^{v}.

24. Определено взимать (額徵) 2851 батман, 3 карбура, 7 чарыков; каждый батман приравнивается к 5 дань, 3 доу, а всего, следовательно, в казенных (амбарных, 倉石糧) мерах — 14 953 дань, 2 доу, 4 хэ, 6 чжо. ХЦЧж, там же, стр. 9^{v}.

25. Ежегодно определено собирать $^{1}/_{10}$ часть урожая, что составляет 2629 батманов, 1 карбур, 5 чареков, которые приравниваются к 13 934 дань, 8 доу — амбарным. ХЦЧж, гл. 4, стр. 11^{r}.

26. ХЦЧж, гл. 4, стр. 3^{v}.

27. Там же, стр. 4^{r}.

28. Там же, стр. 6^{v}.

29. Там же, стр. 4^{v}.

30. Там же, стр. 5^{r}.

№ по порядку	Название округа и города	Численность населения (туркестанцы)		Денежный сбор (в тэнгах)	Налоги, дань	
		Количество семей	Количество душ		Сбор зерна в порядке дани (в данях)	Красная медь (в гинах)
1	2	3	4	5	6	7
1	Турфанский округ Пичан	2937	10373 [2]	—	3000 [3]	—
2	Харашарский округ а) г. Курля . . . . . б) г. Бугюр	130	5390	62 [4]	—	905
3	Кучаский округ а) г. Куча с окрестностями	1112	4260	61.12 [5]	—	729 г. 10 лан
	б) г. Шаяр	673	1898	11.62 [6]	—	358 г. 10 лан, 5 цянь
4	г. Уш	822	3158	280 тэнгэ,[7] 54 вэнь, 6 фэнь	—	5571 [8]
5	Аксуский округ а) г. Аксу с окрестностями	7506	24607	1642 [11]	—	4667
	б) г. Сайрам	500	1627	134.94 [11]	—	383 г. 8 лан, 5 цянь
	в) г. Бай	563	1735	130.40 [15]	—	370 гин, 10 лан
6	Кашгарский округ . . .	14516	66413	26000	—	—
7	Яркендский округ . . .	15574	65495	25150 [12] 112 [13]	—	—
8	Хотанский округ	13642	44603	8112.50 [14]	—	—
	Всего	58975	229559 [16]	—	—	—

Примечания. 1. Таблица составлена по данным СЮТЧж., гл. 34, стр. 12[r]—28[v], указанных в таблице видов сбора, существовали еще и другие. Так, в Пичане в Яркенде — различные фрукты; в Хотане — яшму. Цифровые данные говли и с торговых помещений. К сожалению, источники не приводят итовошли торговцы, прибывшие из Китая. 3. Дань, 土貢, тугун. 4. По дан- 6. По данным Хуйцзян чжи, гл. 4, стр. 4. 7. По данным Хуйцзян чжи, гл. 4, которая заменена с 1768 г. серой. 11. В Сайраме денежный сбор заменял, с 1766 г. оброк зерном частично заменен денежным сбором. СЮТЧж, 14. По данным Хуйцзян чжи 24 000 тэнгэ (гл. 4, стр. 11). 15. Денежный гл. 34, стр. 21. 16. Данные о населении заимствованы из Циньдин хуан'юй

В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ в 80-х годах XVIII в. [1]

и прочие сборы

Селитра (в гинах)	Сера (в гинах)	Порох (в гинах)	Свинец	Шафран (в гинах)	Холст (полотно в кусках)	Шелковые ткани	Хлопок (в гинах)	Желтое золото	Виноград (в гинах)	Груши	Налог с огородов и садов (с му)
8	9	10	11	12	13	14	15	16	17		19
—	—	—	—	—	—	—	—	—	240	—	3 цяня, 5 фэнь
428	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 цянь, 6 фэнь
200	400	600	—	—	—	—	—	—	—	—	—
100	100	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1100 [9]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 цяня
—	4210 [10]	—	300	—	568	—	—	—	—	200 шт.	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	3650	—	2 кус.	14630	10 л.	1000	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	67 л. 7 ц.	1000	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	80 л.	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

с привлечением сравнительных данных из Хуйцзян чжи, гл. 4, стр. 2—11. Кроме сдавали еще — ножи, платки; жители Лобнора — шкуры морских животных; по этим видам сбора отсутствуют. В эту таблицу не вошли также налоги с торговых цифр, указывая лишь на принцип обложения торговли. 2. В это число не ным Хуйцзян чжи, глава (цзюань) 4, стр. 3. 5. По данным Хуйцзян чжи, гл. 4, стр. 3. стр. 6. 8. До 1762 г. 9. До 1765 г. 10. В это число входит 3100 гинов селитры, повидимому, частично оброк зерном, с 1769 г. СЮТЧж, гл. 34, стр. 20. В Аксу там же, стр. 19г. 12. До 1765 г. собиралось 48 000. 13. С мельниц и с огородов. сбор составлялся за счет частичной замены оброка зерном в 1766 г. СЮТЧж, Сиюй тучжи, гл. 33, стр. 19в—21г.

Библиография

I. ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА И СПРАВОЧНИКИ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В РАБОТЕ

1. Дайцин и тунчжи 大清一統志.
2. Дун хуа сюйлу 東華續錄.
3. На Вэнь и гун чоухуа Хуйцзян шань хоу шии цзоуи 那文毅公議畫回疆善後事宜奏議.
4. Сань чжоу цзилё 三州輯畧.
5. Синьцзян вай фань цзилё 新疆外藩紀畧.
6. Синьцзян яолё 新疆要畧.
7. Сичуй цзунтун шилё 西陲總統事畧.
8. Сиюй вэнь цзянь лу 西域聞見錄.
9. Сиюй цзияо 西域紀要.
10. Сяо фан ху чжай юйди цунчао 小方壺齋輿地叢鈔.
11. Хуйцзян чжи 回疆誌.
12. Цин ши гао, бэньцзи 清史稿.
13. Циньдин вай фань мэнгу хуйбу ван гун бяочжуань 欽定外藩蒙古回部王公表傳.
14. Циньдин Синьцзян шилё 欽定新疆識畧.
15. Циньдин хуан'юй сиюй тучжи 欽定皇輿西域圖志.
16. Циньдин Хубу цзэли 欽定戶部則例.
17. Циньдин Хуйцзян цзэли 欽定回疆則例.
18. Циньдин сиюй тунвэнь чжи 欽定西域同文志.
19. Циньдин сыку цюаньшу цзунму 欽定四庫全書總目.
20. Шэн у цзи 聖武記.
21. Чжунго ши 中國史.

1. Abel-Rémusat. Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie centrale, Paris, 1825.
   a) Remarques sur l'extension de l'empire chinois du côte de l'occident, pp. 59—64.
   б) Possessions chinoises dans la Tartarie occidentale, sous la dynastie actuelle, pp. 64—70.
2. —— Nouveaux mélanges Asiatiques, II, Paris, 1829.
   1. Ching Tsou, Empereur de la dynastie des Mandchous, pp. 21—44.
   2. Kao-Tsoung, Empereur de la Chine, de la dynastie des Mandchous, pp. 45—60.
3. Beveridge H. The Khojas of Eastern Turkistan. J. of the Asiatic Society of Bengal, LXXI. Part I, Calcutta, 1902; pp. 45—46.
4. Boulger D. Ch. Central Asian Questions. Essays on Afghanistan, China and Central Asia, London, 1885.
5. Bouvat L. Le domaine géographique et linguistique du Djagatai.
   Revue du Monde Musulman, III, 1907, pp. 259—270.
6. Chavannes E. Catalogue des livres chinois, par. M. Courant. (Рецензия.)
   Revue critique d'histoire et d littérature, 34-e année, II. Nouvelle série, t. L, 1900, p. 343.
7. Courant Maurice. Catalogue des .vres chinois, Paris, 1902.
   —— L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? Par Maurice Courant, Lyon—Paris, 1912, 154 pp.
8. Cordier Henri. Histoire Générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers, III, Paris, 1920.
9. —— Bibliotheca Sinica.
10. Denby Ch. The chinese conquest of Songaria. J. of the Pek. Orient. Soc., III, № 1, Peking, 1890, pp. 159—181.
11. Galle, Esson M. Some Chinese Sources for the Study of Northeastern Asia. J. of the N. China Branch of the R. Asiat. Soc., vol. LXIV, 1933, pp. 112—123.
12. Gueluy M. Description de la Chine Occidentale, par un voyageur traduit du chinois...
   Le Museon. Revue Internationale publiée par la Société des lettres et des sciences, VI, Louvain, Janvier 1887, pp. 5—30.
13. Hartmann Martin. Ein Heiligenstaat im Islam. Das Ende der Caghataiden und die Herrschaft der Choğas in Kašgarien.
   Der Islamische Orient, VI—X, Berlin, 1905, SS. 195—374.
14. —— Chinesisch Turkestan.
   Geschichte, Verwaltung, Geistesleben und Wirtschaft.
   Halle a. S., 1908, S. VIII + 115.
15. Imbault-Huart, M. C. Le Pays de Hami ou Khamil. Description, Histoire d'après les auteurs chinois.
   Extrait du Bullet. du Comité des Travaux historiques et scientifiques. Section de géographie, Paris, 1892, pp. 1—75.

16. —— Récit officiel de la conquête du Turkestan par les chinois (1758—1760).
Bull. géogr. historique et descriptive, Année 1895, № 1, pp. 87—144.

17. —— Histoire de l'insurrection des tounganes sous le règne de Tao-kuang (1820—1828) d'après les documents chinois.
Recueil de Documents sur l'Asie Centrale, Paris, 1881.

18. Jametel Maurice. Histoire de la pacification du Tibet sous le règne de l'empereur Kien-long, trad. du chinois.
Revue de l'extrême Orient, publiée sous la direction de M. Henri Cordier, t. I, Paris, 1883, pp. 572—595.

19. Julien Stanislas. Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographes et des historiens chinois.
J. Asiatique, 4-e série, t. VIII, Paris, 1846, Août—Septembre, pp. 228—252. Novembre—Décembre, pp. 385—445.

20. Klaproth. Relations des troubles de la Dzoungarie et de la Petite Boukharie, traduite du chinois.
Magasin Asiatique, t. II, Paris, 1826, pp. 187—208.

21. Le Chatelier A. À propos de L'Ancient Khotan de M. Aurel Stein.
Revue du Monde Musulman, t. II, Paris, 1907.

22. Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères.
Nouv. éd. Mémoires de la Chine, t. XIII, Lyon, 1819, pp. 226—256.

23. M. de Mailla. Histoire Générale de la Chine ou Annales de cet empire, trad. du Tong-kien-kang mou, t. XI, Paris, 1780.

24. Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages, etc. des Chinois, par les missionnaires de Pekin, t. XIV, Paris, 1789.

Mission D'Ollone 1906—1909. Recherches sur les musulmans chinois par le commandant D'Ollone, le Capitaine de Fleurelle; le capitaine Lepage, le lieutenant de Boyve, études de A. Vissière, Paris, 1911.
1. XXIII. Soumission des tribus musulmanes du Turkestan par la Chine. 1757—1759. Par le capitaine Lepage, pp. 321—351.
2. XXIV. Inscription Bilingue de Tch'eng tou. Par le capitaine Lepage, pp. 352—361.

25. Parker E. H. The Kalmucks.
The China Review, vol. XXIII, 1898—1899, pp. 14—21.

26. Pelliot Paul. Les Conquêtes de l'Empereur de la Chine. T'oung Pao, vol. XX, 1921, pp. 183—274.

27. Raquette G. Eine Kaschgarische Wakf-Urkunde aus der Khodscha-Zeit Ost-Turkestans.
Lund, 1930.

28. Revue du Monde Musulman. Le Turkestan autrefois et aujourd'hui, t. III, 1907, p. 619—625; рецензия на Hartmann'a «Chinesisch Turkestan».

29. —— T. II, 1907, pp. 497—498. Таблица-сводка путешествий в Центр. Азию и Восточный Туркестан.

30. Rocher Emilie. La Province chinoise du Yun-nan, t. II.

31. Shaw Robert Barkley. The History of the Khojas of Eastern Turkistan summarised from the Tazkira-i-khwājagan of Muhammad Sadiq Kashghari.
Edited with introduction and notes by N. Elias. Published as supplements to the journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LXVI, Part I, Calcutta, 1897, p. VI + 28 + 31—57. Append. 59—67.
32. —— Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar. London.
33. Wylie A. Notes on Chinese Literature, London, 1867.

III. ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков, изд. 2-е, Л., 1925.
2. —— Отчет о командировке в Туркестан. Отд. оттиск из Зап. ВОРАО, т. XV, СПб., 1904.
3. —— Рецензия на «Тарих-и Эмение». История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы, бен Мулла Айса, изданная Н. Н. Пантусовым. Записки ВОРАО, т. XVII, СПб., 1906, стр. 0188—0195.
4. Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873—1874 гг., СПб., 1877, 309 стр.
5. Бичурин (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Пер. с китайского монахом Иакинфом, ч. 2, СПб., 1829.
6. —— Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, СПб., 1834.
7. —— Статистическое обозрение Чжунгарии в нынешнем ее состоянии. Русский Вестник № 9, СПб., 1841.
8. Валиханов Ч. Ч. Сочинения. Изданы под редакциею Н. И. Веселовского. Зап. РГО по отд. этнографии, т. XXIX.
9. Васильев, В. П. Материалы по истории китайской литературы. Приложения.
10. Владимирцов Б. Я., акад. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., изд. АН, 1934.
11. Веселовский Н. И. Посольство к зюнгарскому Хун-тайджи Цеван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его на 1722—1724 гг., документы. Изд. с предисл. и прим., Зап. РГО по отд. этнографии, т. X, вып. 2, СПб., 1887.
12. Григорьев В. В. Землеведение К. Риттера. Восточный или Китайский Туркестан, перевел, с присовокуплением критических примечаний, и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати пяти лет В. В. Григорьев, ординарный профессор и. СПб. ун-та по кафедре истории Востока, изд. РГО, вып. 2, СПб., 1873.
13. Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, т. I, СПб., 1896, т. II — 1899; т. III — 1907.
14. —— Неизведанные страны Средней Азии. Урумчи. Русский Вестник, 1893, IV.
15. Данибегов Рафаил. Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова, М., 1815.

16. Ефремов Филипп. Странствования Ефремова, Казань, 1811, 3-е изд. (1-е изд., СПб., 1786).
17. Ивановский А. О. Юньнанские инородц в период династии Юань, Мин и Дайцин.
18. Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статисти ческого описания. 1903, 425 + VI стр. табл. Реценз. Бартольд в ЗВОРАО, 1902—1903, XV, стр. 0131—0137.
19. Котвич. В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Известия Российской Академии Наук, 1919, I—III, Пгр., 1921.
20. Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. Изд. РГО, СПб., 1879, III + 435 стр. + карта сев. ч. В. Т., 40 в.
21. Леонтьев. Законы и установления китайского, а ныне манчжурского правительства, т. I.
22. Липовцов С. В. О переходе Тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. (Сочинение китайского князя Цишия, переведенное с китайского подлинника надворным советником С. В. Липовцовым.) Сибирский Вестник, изд. Г. Спасским. СПб., 1820, ч. 12, стр. 167—188, 189—210, 211—226.
23. —— О возмущениях, бывших в Дзюнгарии и Малой Бухарии. Сибирский Вестник, СПб., 1823, чч. 3 и 4.
24. Малов С. Е. Рецензия на «Eine Kaschgarische Wakf-Urkunde». Библиография Востока, № 1, ИВАН.
25. Маркс К. Капитал, т. III, ч. II, ГИЗ, 1929.
26. Маркс К. К критике политической экономии. Партиздат ЦК ВКП (б), 1935.
27. Миллер Герард. Ежемесячные сочинения за 1760 г. Январь.
28. Пантусов. Сведения о кульджинском районе за 1871—1877 гг., Казань, 1881, 226 стр.
29. Пржевальский. Из Зайсана через Хами в Тибет, 1883.
30. Спасский Г. И. Показания братьев Атанасовых. Сибирский Вестник за 1824 г.
31. Федоров. Опыт военно-статистического описания Илийского края, под ред. ген.-м. Тихменева. Изд. штаба Туркест. военн. округа, Ташкент, 1903, т. I, 229 стр.; т. II — 318 стр. Рец. В. Бартольд, ЗВОРАО, 1902, 1903, XV, стр. 0131—0137.
32. Энгельс. Ф. Об историческом материализме. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

УКАЗАТЕЛИ

1. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аксай, река 85
Аксарай 64
Аксу, город 11, 12, 44, 64, 79, 80, 81, 84, 93, 99, 103, 124, 126, 128, 158, 161, 180, 181, 198
Аксуско-Ушский округ 9, 103
Ак-Яр 64, 186, 207
Андижан 26, 33, 176
Аннам 48
Артыш 85
Астана (Асытана), город в Хамийском округе 192
Афганистан 26, 35, 37
Ахаяр, Аксуский округ (Ак-Яр) 186, 187

Бадакшан 33, 35, 37, 100
Байчэн 44, 92, 93, 181
Баркуль, Баркульский округ 9, 26, 44, 70, 73, 123, 130, 134, 173
Бартухай (Боро-тохой), сел. в Илийском округе 165
Беш-керим (Биш - Керем), селение в 12 верстах от Кашгара 85
Бирма 48
Болобургосу (Боробулгосун), сел. в Илийском округе 165
Болор 26, 33
Бугюр, город 44, 180, 181
Бухара 26, 37, 62

Восточный Туркестан 9, 11, 20, 48, 62, 63, 70, 73, 103, 117, 124, 125, 126, 163, 173, 175, 200, 202

Ганьсу, провинция 48, 70, 120, 173
Гулчжа (Гулэчжи) 138
Гучэн 44
Гэдэншань, горы 70

Дардамту (Дардамты), селение в Илийском округе 165
Джунгария 9, 12, 48, 55, 61, 69, 72, 73, 80, 81, 117, 118, 125, 126, 128, 133, 160, 166, 168
Дихуа, город 73

Западная Европа 65
Западный край, Сиюй 35, 38, 47
Заравшан, река 87

Или, Илийский округ 9, 26, 57, 66, 67, 71, 75, 77, 80, 123, 128, 131, 132, 139, 140, 146, 158, 161, 163, 164, 166, 199
Ильчи, город в Хотанском округе 99
Индия 11, 76
Иопорху (Япургу) 186, 187
Иран-Кабурга (см. Эрен-Хабурга) 77
Иртыш, река 69, 118
Исыккуль, озеро 100

Каракаш, город в Хотанском округе 99
Караусу (Хэшуй) — Черная речка, на востоке от г. Яркенда 98
Карахочжо (Халахэчжо), гор. в Турфанском округе 193, 194, 195
Карашар, город 26, 44, 74, 124, 134
Карашарский округ 9, 181
Каргалык, селение 85
Каш, селение в Илийском округе 165
Каш, река 77

Кашгар, город 11, 12, 26, 44, 55, 63, 65, 76, 77, 79, 80, 84, 85, 99, 124, 181, 206
Кашгарский округ 9, 103, 187, 207
Кашмир 11, 12, 26, 33
Китай 58, 66, 128, 137, 166
Кобдо 69
Коканд 26, 33, 176
Кокшал, река 85
Комуль (см. Хами) 63
Корея 48
Корля (Курля, Корль), город 180, 181
Кукунор 48, 52, 66
Куркараусу, (Куркараусский округ) 9, 44, 173
Куча, город 26, 44, 85, 89, 92, 93, 97, 134, 180, 181, 206, 207
Кучаский округ 9, 103, 181, 207

Лабчук (Лабучукэ, Лачжучукэ), город в Хамийском округе 192
Ладак 11
Лукчун (Лугуцинь, Логучен), город в Турф. округе 193
Ляньмуцинь (Лемчжин), гор. в. Турф. округе 196

Манас, город 174
Мекка 63
Монголия 52, 56, 60, 70
Музартский перевал 70, 205

Непал 48
Нилха (Нилэха), сел. в Илийском округе 155

Олосытань, сел. в Илийск. округе 165
Орхон 67

Пекин (Бэйпин) 39
Персия 11
Пичан 26, 193

Россия 26

Сайрам, город 85, 97, 127, 181
Самокаргай (Сомокоргай, Сумухархуй), город в Хамийском округе 192
Семипалатинск 12
Сиюй 35
Синьцзян 9, 27, 43, 47, 51, 110, 128, 145
Суйдун (Суйдин), город в Илийском округе 132
Сынгым (Сенгим, Сэгэнму) 193

Талияцинь, Хотанский округ 205
Талки (Тарджи), город в Илийском округе 132, 138
Тарбагатай, Тарбагатайский окр. 9, 26, 132, 134
Ташосытань, сел. в Илийск. окр. 165
Тибет 11, 12 48, 50, 56, 60, 66, 67
Тогучи (Саньпу, Тохапи; китайское название Саньбао), город в Хамийском округе 192
Тогус-кент 64
Токсун (Токэсунь), гор. в Турф. округе 193
Тонгуслук, местность в Яркендском округе 98
Турфан 12, 18, 39, 40, 44, 63, 67, 70, 74, 114, 124, 130, 134, 156, 190, 193, 194, 195
Турция 11
Тяньшань наньлу (Восточный Туркестан) 9, 34

Уланькутул (Уланькотел), сел. в Илийском округе 165
Улостай (Улиясуту), сел. в Илийском округе 165
Улясутай 70
Урумчи (Урумци) 10, 26, 44, 132, 134, 173, 175
Урумчийский округ 9, 73, 123, 130
Ухарлик, город в Илийском округе 138
Уш (Уч-Турфан) 22, 26, 28, 30, 33, 53, 70, 80, 81, 84, 85, 86, 92, 93, 98, 124, 134, 156, 180, 181, 206, 207

Файзабад 64
Фергана 76
Формоза 48

Хайнук (Хайнукэ), деревня в Илийском округе 165
Халха 56, 66, 67, 70
Хами 14, 18, 26, 37, 39, 40, 44, 67, 70, 114, 134, 156, 190, 192, 194, 195
Харадуб (Кара-тюбе; Халатоба, Халадубо), город в Хамийском округе 192
Харашарский округ (см. Карашарский округ) 9, 103
Ходжент, город 76
Хонохай (Хонохой), сел. в Илийск. округе 165
Хотанский округ, Хотан 9, 26, 44, 63, 64, 79, 81, 98, 99, 103, 124, 156, 181, 206, 207
Хошиджук, горы (?) 100
Хуй-нин чэн, город 73, 132, 137, 140, 141, 143, 145
Хуй-юань чэн, город 73, 132, 137, 138, 140, 141 143, 145
Хэтунбо, местность 67

Цзиэргэлан (Джерголан), сел. в Илийском округе 165
Цзянсу, провинция 152
Цзяюй (Цзяюйгуань), застава 31, 192, 209

Чалыш 63, 74
Чанцзи (Чжанкэ), город 174
Чуньжи (Чуньцзи), сел. в Илийском округе 165

Шаяр, город 97, 181, 206, 207

Юньнань, провинция 194
Юрунг-каш (Юйлунхаши), город в Хотанском округе 99
Эмиль 68
Эрен-Хабурга (Иран-Кабурга) 77

Янгишар, Янги-хиссар (Кашгарск. округа) 44, 85, 181
Яркенд, город 11, 12, 22, 26, 44, 62, 63, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 85, 86, 99, 124 156, 206
Яркендский округ 9, 103, 181, 187, 207

2. УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Абдаллах, хан Восточного Туркестана 63, 64
Абд-ар-Рахим хан 63, 66
Абд-ар-Рашид, Абдушит (по кит. источникам—Абу ду ши тэ) 74, 75,
Абдрахман бек 85
Абдубек, брат Ходиса 95
Абду-Керим 97, 98
Абдул-Вахаб, хаким города Аксу 80, 81, 83, 85
Абдулла, хамийский джасак 39
Абдуллах Ходжа, хотанский правитель 79, 85, 87
Абдулхалик, бек Аксуский 86
Абдурман (Абд-ур-Рахман) 92
Абдурим (Абдулиему, Абдукерим, Абд-ур-Рахим) ишкага, 186, 187
Абд-ур-Рахим-бек 86
Абд-ус-Саттар, бек Аксуский 85, 86
Абду Халик 99
Абель Ремюза (Abel Rémusat) 14, 58
Аблунь Мухань (см. Абул Мухаммед), турфанский князь 62, 74
Абул Мухаммед 63, 74
Авдей (Одуй) 89, 98
Агуа Сыбокай, Сайрамский бек 97
Агуй 19, 34, 47, 128, 130, 132, 159, 160, 161
Ай Лун-э 97
Ак-баш (см. Мухаммед Мумин) 74, 76
Ак-бек 92
Алла-Кули 85
Аминту (Аминьдао), фудутун 89, 90
Амио (Amiot) 12, 13, 51, 58, 202
Амурсана 20, 26, 33, 53, 58, 68, 70, 71, 81, 83, 84, 86, 88, 90
Апак ходжа (Afak) 63, 65, 66, 74, 75
Атанасовы, братья 11
Ахмед (Ахмат) ходжа, кашгарский хан 76, 77, 82, 84

Банджур (Баньчжур) 68
Баньди, генерал 70, 71, 94
Баньчжур Нахачжи, 68
Бао Нин, главнокомандующий Илийским краем 139, 145, 156
Бартольд, В. 17, 62, 64, 66, 74, 75, 76
Батур-хун-тайджи 68
Батуцзир, фудутун 99
Бичурин (см. Иакинф) 14, 137
Боргек 12
Боронахар, основатель рода Дёрбетов 61
Борониду (Болониду, Буладунь, Буланидунь, Бунадунь, Бурхан-ад-Дин, Джаган-ходжа) 20, 26, 30, 33, 53, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 94, 96, 98, 99, 100, 176, 187
Ботлок 67, 68
Бохай, Бэйхан — чоросский князь 61
Бошокту-хан (Боштухан) 61
Бульджер (Boulger) 10, 57
Буму 68

Валиханов, Ч. Ч. 15, 17, 62, 64, 66, 76, 77, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 108, 210
Ван Си ци (Шоу Сюань) 52
Ван Сы син 170, 171
Ван Сянь цянь 50
Ван Тун лин 23, 52
Васильев, В. П. 16, 49
Веселовский, Н. И. 15, 61
Владимирцов, Б. Я. 61, 72, 117, 192
Вэй Чжэн, хошотский хан 67, 68
Вэй Юань 22, 23, 47, 49, 50, 71, 72, 90

Гази-бек, хаким города Яркенда 80, 81, 87
Галдан (Галдан Бошокту) 61, 62, 63, 65, 66, 74, 77
Галдан-Цэрэн, джунгарский хан (1727—1745) 67, 68, 78, 79, 125, 201
Галлерштейн, иезуит 11
Гао Тянь си, китайский генерал 98
Гартман, М. (Hartmann, Martin) 17, 76, 77, 79, 80, 85, 86, 87, 100
Гейли, М. (Gueluy, M.) 31
Гэлцан Дорчжи, чоросский хан 71
Григорьев, В. В., проф. 11, 15, 64, 66, 93, 101, 108, 202
Грум-Гржимайло 10
Гу Цзюнь ши хэн 24
Гуансюй, император 37
Гэбуш (Гэбушу), шивэй 98

Даваци 39, 56, 68, 70, 80, 81, 83, 84, 94, 189
Данибегов Рафаил, грузинский дворянин 12
Даниэль ходжа 76, 77, 78, 79, 80
Данчин зайсан 86
Даньджун 67
Даогуан, манчжурский император 18, 43, 47, 48, 50
Д'Ароха (Da Rocha) 11
Даулет ходжа 85
Дашидава 68
Даши черен 72
Деверья (Dévéria, D.) 49
Денби (Denby, Ch.) 31, 32
Джагатай 62
Джалляд-ханым (см. Ханым падишах) 76
Джеган ходжа 78, 79, 80, 85
Джехангир (Джангир, Джингэр), 23, 49, 53, 216
Дзасакту хан Цэрэн 67
Дурбот Намку 68
Д'Эспинья (D'Espinha) 11

Ефремов, Филипп, сержант 11

Жамтель, М. (Jametel, M.) 49, 50
Жуй, князь 43
Жун Ань 46
Жэнь Ши цай 170, 171
Жюльен, Станисла (Stanislas Julien) 14, 15, 36, 41, 45

Зайсан Салар 70
Зая Пандита 117

Иакинф, монах 14, 15, 29, 30, 31, 45, 66, 67, 72, 91, 93, 108, 109, 130, 192, 193, 198, 199
Ибрахим 63
Ивановский, А О. 194

Ильяс, Н. (Elias, N.) 17
Илэту 129, 130, 170
Иолбарс 63
Исаак (Исхак) князь Хамийский 192
Исмаил 63, 65, 66
Исхак Вали 62, 76
Ишан-и-Калян 62

Кайдамот, хаким Байчэна 92, 108
Канси, император манчжурский (1662—1722) 14, 48, 50, 53, 56, 57, 58, 66
Кашка бек 107, 108
Клапрот (Klaproth, M.) 15, 30, 31, 193
Кордье (Cordier, H.) 11, 16
Котвич, В. Л. 16, 25
Куран (Courant, M.) 16, 32, 33, 41, 46, 49, 51, 52
Куропаткин, полковник 10, 108

Ладзан-Хан, кукунорский хан 67
Лама Дорчжа 68
Леонтьев 154, 155
Липовцов, С. 32
Лю Тун сюнь 34

Майрам (Май ламу) 186, 187
Майя (Mailla) 12, 13, 51 77, 108, 125, 202
Малов, С. Е. 65
Маркс, К. 121, 126, 134, 135, 158, 173, 212, 215
Махдуми Азам 62
Махмуд Бен Вали 17
Мехди 76
Мир-Аваз бек 85
Мир Нияз, бек яркендский 85
Мирза Хайдар-хан 87
Музафар бек — сын ушского хакима-Ходиса 86, 95
Мумин 85
Мунши Юсуф 75
Муса-бек 85, 106, 164
Мухаммед Мумин, по прозвищу Ак-баш 74, 76
Мухаммед Садык Кашгарский 15, 17, 62, 63, 64, 74, 77, 79, 80, 83, 84, 86, 87
Мухаммед Эмин, турфанский 74, 75, 76, 77
Мухаммед Юсуф ходжа 63

Назар ходжа 87
Намку Цзиркар 68
На Янь чэн, На Вэнь и гун 46, 47
Небольсин, П. И. 12
Низам-уд-Дин, по прозванию Хамош-ходжа, правитель Аксу 79
Нияз, ишик-ага г. Яркенда 87

Одуй, см. Авдей, хаким бек г. Куча 40, 89, 92, 97, 98, 108
Оломуцзаб (Оломуцзабу) — илийский хаким бек 164
Омар-бек из Аксу 85
Осман, хаким городов Аксу, Кашгара 92

Паласс 66
Пантусов, царский чиновник 10
Паркер Е. (Parker, E. H.) 49, 67
Попов, П. С. 61
Пржевальский, путешественник 10
Пулад-хан (Султан Ахмед) 64, 75

Ракетт (Raquette, G.) 65
Рахман Кули бек 86
Росс (Ross, J.) 49
Роше (Rocher, Emilie) 194

Сабир-Керек Ярага 87
Садык ходжа 81
Саньгэ, фудутун 98
Сарымсак 101
Сати-берди 92
Сеид-Баба 63, 74
Си Энь 43
Сорджи 67
Спасский, Григорий 32
Субхан-кули, бухарский хан 75
Сулейман (Су-ла-мань), турфанский князь 193, 196
Сулейман, яркендский шанбек 107, 108
Султан-Ахмед (см. Пулад-хан) 64, 75

Сулэфан, чиновник в Илийском крае 148
Сун Юнь, цзянцзюнь 19, 41, 42, 43, 139, 140, 141, 142, 145, 148, 149
Суэрдэ 23
Сыбек ходжа (он же Ходис) 80, 81, 86, 94

Тимур-султан 64
Токтасуби (Токэтэ собэй; Тохта-суфи), сын Ходиса, ушского хакима 189
Тохта-сопи, см. Акбек 92
Тохта ходжа 87, 107
Турунтай, Толуньтай 86, 88

Уайль (Wylie, A.) 32, 33, 41, 49
Убайдуллах ходжа 76
Улэдэнбу, илийский чиновник 148
Унковский, Иван 61
У Сань гуй 48
Ухамоди, шаярский бек 97

Федоров, подполковник 10
Фейз-уд-Динов Муртаза, сибирский татарин 12
Ферман-кули-бек 86
Фу Дэ 51, 72, 96, 98, 99, 100
Фу Хэн 34

Ха Нин-Э. 97
Ханым Падишах, Джалляд-Ханым (Палач-Ханыша) 75, 76
Хархур, фудутун 99
Хашим, казахский султан, яркендский правитель 76
Хашка бек (Кашка), яркендский хаким 107, 108
Ходжисы (Ходис), хаким бек Уша 80, 84, 92, 93, 95, 97, 98, 189
Ходжи Яс 99
Хоцзичжань (Хан Ходжам, Хан Ходжа, Хэцзичжань) 20, 26, 30, 33, 53, 81, 83, 84, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 176, 177, 187, 203
Худаяр, кашгарский ишик-ага 80, 85
Хэ Го цзун 34

Цзинь Чан, командующий войсками Илийского округа 147, 148, 150, 151, 152,
Цзяцин (1796 — 1820), император манчжурский 47, 48, 50, 142, 153, 156, 167, 168
Ци Ши и (см. Чунь Юань) 32, 33
Цэван Доржи Намчжал, джунгарский хан, сын Галдан Цэрэна 68
Цэван Рабтан 61, 67, 77, 78
Цэнгунджаб 89, 90
Цэрэн Дондуб, Цэрэн Дуньдоб 67
Цэрэнджаб, шивэй 98
Цяньлун, император манчжурский (1736—1795) 11, 14, 18, 29, 33, 40, 47, 48, 50, 56, 69, 90, 105, 114, 130, 138, 167, 168

Чжан Цзы и 167, 171
Чжан Чэн инь 170, 171
Чжан Шан и, торговец 168, 171
Чжао Хуй 13, 19, 21, 25, 34, 51, 71, 89, 90, 96, 97, 98, 99, 100, 106, 107, 108, 176, 201, 203
Чжуан Ши фу 169, 171
Чунь Юань 25, 33, 90

Шаванн (Chavannes, E.) 33, 37
Шади ходжа 64, 76
Шарет бек, ушский ишик ага 86
Шира-Мухаммед Эминь бек 85
Шихаб-уд-дин-Бакавула 87
Шоу (Shaw, R.) 10, 17, 64, 84
Шоу Сюань (см. Ван Си ци) 52
Шунь Дэн-а 97
Шуньчжи, манчжурский император (1644—1661) 12, 50, 53, 62, 154
Шу Хэ дэ, цаньцзань дачэнь, главноуправляющий Восточным Туркестаном 19, 25, 34, 51, 105, 169, 180
Шу, сановник (см. Шу Хэ дэ) 21, 180, 189, 191, 203

Эмин Ахмед Рази 17
Эминь Ходжа, турфанский князь 40, 97, 107, 164, 191
Энгельс, Ф. 65
Эссон Гэйль (Esson M. Gale) 25, 41, 52, 53

Юар Камилл (Camille Imbault Huart) 14, 22, 31, 32, 37, 38, 40, 45, 49
Юн Гуй 24, 25
Юн Чан, генерал-губернатор пров. Шеньси-Ганьсу 70
Юнчжэн, манчжурский император (1723—1735) 48, 50, 52, 53, 56, 57
Юсуп, хамийский правитель (князь, цзюньван) 53, 191
Юсуф 79
Юсуф бек 85
Юсуф ходжа, кашгарский правитель 80, 81, 84, 85

Ярхашань, манчжурский генерал 90, 97
Яхья ходжа, правитель Кашгара 65, 75, 76, 85, 86

3. ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аграрный вопрос 42, 214
Аграрные отношения 36, 45, 101, 126
Аграрная политика 117, 124, 213, 214, 216
Административная система 103
Административный аппарат 191
Аймак 198
Алтун бек 112
Амбары 138, 215
Анки (анги, аньцзи) 72
Антагонизм 93, 96
Арбаб бек 106, 110
Арендатор 123, 151, 205, 206
Арендная плата 149, 167, 169
Арендные отношения 123, 126, 154, 184, 210
Армия 57, 71, 85
Аул 198
Ахуны 177

Базарбек 110
Бакмадар 106, 111
Барщина 177, 183, 198
Барщинники 184
Батман 182, 201, 207
Батур-хан 92
Бачжгир бек 106, 110, 164
Беки 12, 84, 100, 177, 178
Белогорцы (Белогорская группировка, Актакглы) 63, 76, 80, 82, 99
Биографии 39, 40
Биографический словарь 33
Брак 24
Буруты 33
Бэнь (книга) 23
Бюрократическая система 24, 35

Вала (см. ойраты) 61
Вассал 192
Вассальные владения 35
Виноград 237
Внешние народы 24, 33, 45
Внутренние противоречия 169, 213
Военная экспансия 59
Военно-пахотные поселения 35, 128
Военные колонии 133
Военные поселения 44, 119, 128, 134, 156
Военные походы 59
Войска 56, 85, 91
Волжские калмыки 73
Восстание 30, 49, 59, 71, 116, 216
Высокосортное зерно 132
Вэй, династия 36, 54

Газават 82
Гарнизоны 35, 44
Генерал-губернатор (см. Цзун-ду)
Гин (цзинь) 144
Главноуправляющий (см. Цань цзань дачэнь) 73, 103, 180
Города 94, 95, 103
Горы 24, 41
Государственная собственность 141
Государственные земли 126, 172
Государственный совет (см. Цзюнь цзичу) 131, 145
Государство 119, 135, 139, 155, 157, 216

Государство ойратское 55
Градоначальник, помощник хаким-бека (см. Ишик-ага) 106, 109, 164
Гражданская власть 103

Дань 35, 66, 77, 78, 201, 212, 236
Дворцовый совет 43
Денежная рента 122, 123, 172, 173
Денежная система 24, 35, 36, 42, 44, 47
Денежный сбор 172, 212, 236
Деньги 20, 159, 180
Джунгарские ханы 54, 80, 124
Джунгарско-ойратское царство 60, 69
Джунгары 56, 61, 80
Добо бек 11
Доклады 25, 46, 47, 50
Должности 104, 107, 113, 114, 194
Долонские беки 85, 86
Дёрботы (Дуэрботэ) 39, 61
Дуалистическая система управления 104
Дугуань бек 106, 112, 164
Дунгане 120
Дургабек (Даруга) 109

Единовластие 70

Жилища 24
Жилые постройки 131
Житницы 46

Забтимактуб 113
Зависимые крестьяне 24
Зайсан 88
Закладничество 151
Западные монголы (ойраты) 60
Земельная площадь 139, 146, 157, 177, 186, 188, 233, 234
Земельная собственность 127
Земельная собственность туркестанских князей 126, 188
Земельные владения 127, 189, 196, 197, 216
Земельные налоги 41, 46, 172, 174
Земледелие 24, 117, 118, 180
Земледельческие колонии 118
Знаменный поселенец 123, 154, 155
Знаменные поселения 120, 136, 141, 153, 154, 156
Золото 101, 204

Издержки производства 144
Илийский наместник 73
Императорские эдикты 138
Имущество 185
Ирригационная система 140
Ирхачибек 111
Испольщик 206, 208, 210, 211, 234
Испольщина 205, 206, 207
История 26, 28, 33
Источники 157, 167, 179
Ишик-ага-бек (Ишкага бек) 105, 106, 109, 164

Казах 45, 119, 201
Казахский султан 76
Казенные амбары 46, 130, 131, 142
Казенные (государственные) земли 207, 208
Казенные меняльные лавки 141
Казий бек (Казы-бек) 106, 110, 164
Казначи-бек 105, 109, 164
Калмыки волжские 73
Калмыцкий предводитель 75
Капитал 140, 172
Кара дугуань бек 112
Караулбек 112
Карбур 201
Каш бек (см. Хаш бек, Хаши бокэ) 112
Кипчаки 45
Киргизы 45, 76, 84, 85, 86, 119
Киргизы рода кипчака 81
Кирка 131
Китайцы 120, 122, 131
Классовая дифференциация 154, 167, 170
Классовые противоречия 59, 93, 115
Климат 24, 26
Князь 62, 115, 190, 191, 192, 193
Князь второй степени (см. Цзюньван) 190
Князь первой степени (см. Цинь-ван) 71
Княжеские титулы 38
Княжества 9, 13, 62, 103
Кокандское ханство 35, 37, 55, 118
Кокбаши (коукэбаши) 198

Коллективное пользование землей 141
Колонизация 118, 119, 166, 214
Колонна 99
Командир бригады (см. Цзун-бин) 98
Командный состав 142
Командующий войсками 141
Конфискация 185, 188
Конфискация земельной собственности 186
Концентрация земельной собственности 60
Коррупция 151, 214
Кредит 140, 141, 159
Крепостническое государство 179
Крепостной 181, 184, 192, 193
Крестьяне 177, 178, 183, 184, 194, 197, 208
Крестьянские поля 234
Крупное землевладение 166, 167
Купеческое землевладение 167, 172, 175
Купцы 123
Кэркэярак бек, взимает сбор с торговли 110

Лихоимство 115
Лопаты 131

Магистр (см. Цзиньши) 26
Манчжуры 57, 87, 120, 122, 137, 156
Манчжурская империя 82
Манчжурские войсковые части 137
Манчжурские феодалы 213
Марионетки 87
Медь 205, 212
Междоусобица 70
Мелкое крестьянское землевладение 168, 169, 196
Местные произведения 35, 41
Меха 212
Мечети 65
Милур бек 113
Мин династия 35, 36, 54, 194
Мин бек 106, 109, 164
Мираб бек 106, 111, 113, 164, 178
Мис бек 112
«Монгольская опасность» 66
Мотыга 131
Му (мера земли) 166, 168, 169, 170
Музыка 35
Музыкальные инструменты 35
Мусульмане-туркестанцы 131
Мутавалли 106
Муфтий-суфи-бек (Муфтий бек) 106, 112

Наделы 166
Наемная рабочая сила 146
Накиб бек (Накэбу бек) 106, 111
Налоги 20, 24, 26, 35, 124, 169, 170, 171, 177, 201, 202, 203, 204
Налог натурой 123, 169, 197, 212
Наместник 73
Народ 37
Народ-завоеватель 126
Наследственная собственность 142, 143
Наследственное пользование 189
Наследственные крепостные 191
Наследственные тусы 30, 114, 194
Натуральная рента 123, 154, 175, 197
Натуральное довольствие 137, 138, 139
Натуральное производство 179
Натуральные формы хозяйства 179
Натуральный налог 123, 197, 212
Национальный гнет 124, 216
Нейтралитет 107
Необходимый продукт 135, 161, 162
Непосредственный производитель 136, 153, 159, 163, 191, 194, 211
Ноен, ноянь, князь 115
Ножи 212
Номенклатура 113
Номинальный земельный собственник 127
Норма урожая 130, 161, 162
Норма эксплоатации 161, 162
Ноян (см. ноен, ноянь) 115
Нравы 24, 26, 33, 35

Образование 35
Оброк 21, 174, 175, 186, 195, 202, 204, 208
Оброк натурой 195
Общественное орошение 179
Общественные отношения 102, 113, 121

Общественные поля 147, 150
Общественный процесс производства 125
Общественный строй 214
Обычаи 24, 35
Одежда 24, 35
Ойратские земледельческие колонии 118
Ойратские кочевья 75, 77
Ойратское ханство 66, 96, 118
Ойраты 20, 61, 66, 91, 117, 122, 125
Округа 103, 119, 190, 193
Организация государственного аппарата 104
Орудия производства 130
Орчин бек (см. Орцинь бокэ) 110
Отборное зерно 132
Отношения господства и подчинения 118, 122, 123
Оток (Отокэ) см. Otog 72
Отработочная рента 122, 123, 127, 134, 183, 194, 198, 200

Падишаб бек (Патишабу бек) 106, 111, 164
Паллиативы 116
Парцеллярная собственность 126, 215
Пастбища 68, 69, 73
Платки 212
Племена 61, 67, 72
Племенная группа 61, 72, 118
Племенные группы 60
Плотина 140
Площадь посевная 129, 174, 180
Поборы 115
Повинность 21, 183, 192, 198
Пограничные посты 24
Подати 124, 211
Податные 177
Подушный оброк 198
Пожалование титулами 35
Поместья 62, 153
Помещик 114, 179, 184, 216
Помощник командующего армией 71
Посевная площадь 129, 174, 180
Поселения военные 156
Поселения знаменные 156
Почтовые станции 24
Правитель (см. Цаньцзань дачэнь) 73, 103, 180
Право собственности на землю 177
Престол 65, 68, 74, 75
Престолонаследие 77
Прибавочный продукт 104, 127, 136, 161, 162, 163, 190, 212
Прибыль 139, 144
Провиант 159, 202
Продовольствие 142, 159, 169
Продукт труда 136, 142, 146, 160
Производство 126, 179
Производственные отношения 101, 113, 180, 185
Просо 158, 162
Проценты 141, 215
Процесс обезземеливания 59
Процесс производства 155
Пул 24
Пшено 161

Раб 184, 191, 192, 193
Рабство 192, 193, 215
Райя-казий бек (см. Лая хацзы бокэ) 111
Ранги (классы) должностей 105, 178
Реки 24, 41
Религия 24
Рента (см. натуральная, отработочная, денежная) 169
Рента продуктами 122, 123, 127, 135, 163, 194, 197 198, 200, 212
Родовой строй 117
Ростовщичество 59, 215
Рыбный промысел 24
Рядовые (солдаты) 142, 155

Сатрапы 104, 215
Сатыр бек (Садыр бек) 110, 164
Сборщик податей 113
Светская власть 75, 77
Селитра 201, 212
Сельскохозяйственные орудия 130, 136, 140, 210
Сельское хозяйство 117
Сера 212, 237
Серп 131
Система управления 103, 176
Скотоводство 118
Скототорговцы 201

Сменяемость чиновников (беков) 114
Сменяемые чиновники 114
Собственник средств производства 163
Собственник условий труда 134, 138, 153, 154, 155
Собственно военные поселения 128
Соха 131
Социально-экономические условия 18
Способ производства 104, 121, 124, 215
Средняя орда 55
Средства производства 130, 136, 141, 155, 157
Суй, династия 36, 54
Сун, династия 54, 57
Сыпа Казий бек 111

Таблицы 33, 44, 113, 129, 165, 171
Тайша (тайцзи) 39, 61, 72, 164, 196
Тан, династия 36, 54, 57
Танга (тэнгэ) 24, 66, 77, 201
Теократическое государство 96
Ткачество 24
Торговец 166, 172, 201
Торговля 24, 42, 180
Траур 24
Трудовые повинности 177
Туземное чиновничество 190
Туземные беки 177, 180
Туманы (см. tümen) 72
Тунчжи (статистическо-географическое описание) 18
Тургугы, Турготы (Туэрхутэ) 39, 61,
Туркестанская бюрократия 115
Туркестанские поселения 156, 159, 163, 166
Туркестанские тайцзи 40
Туркестанское чиновничество 182
Туркестанцы (см. Хуйцзы) 20, 125, 131, 205
Турфанские правители 40, 62, 97
Тягловая сила 140, 141, 153

Уголовные наказания 24
Улусы 72
Упряжь 131
Урожай 130, 132, 146
Условия труда 154
Ушское восстание 22

Фактический владелец 123, 155, 159, 163, 172
Феодал 93, 184, 215
Феодальная бюрократия 60, 115
Феодальная иерархическая лестница 24, 104
Феодальная форма землевладения 120
Феодальная экономика 58
Феодальное воинство 153
Феодальные отношения 117, 122
Феодальные повинности 163, 177, 183, 184
Феодальные производственные отношения 113
Феодальные формы производства 180
Феодальный способ производства 113, 122, 196, 213
Формы земельной собственности 117, 120, 122, 124, 126, 127
Формы землевладения 120, 121, 127, 128
Формы феодальной эксплоатации 118, 127, 170, 213
Фрукты 24, 212, 236
Функции 106

Хаким бек 77, 85, 94, 105, 109, 113, 114, 163, 164
Ханский трон 66, 68
Хань, династия, 35, 36, 37, 54
Хаш бек (см. Каш бек) 112
Ходжа, ходжи 62, 64, 65, 74, 100
Хойты (хуйтэ) 39, 61
Хошотские ханы 53
Хошоты (хэшитэ) 39, 61
Хранилища (см. амбары) 138

Центробежные силы 96
Цзиньчуаньские тусы 59
Цзиньши (см. магистр) 26
Цин, династия 54, 66, 194
Цинская империя 19, 55, 83, 94, 101, 121, 125, 213
Цинские войска 70, 99
Цинское правительство 69, 70, 82, 114, 204, 208, 213, 214, 215
Цитадель 76, 87

Чарик (чарек) 201
Частный земельный собственник 135

Черногорские ходжи 64, 81, 82, 86, 87
Черногорцы (каратаглы) 63, 76
«Четыре вэйлатэ» (см. Сы вэйлатэ) 60
Четыре тумана 60
Четыре племени ойратов (см. Сы вэйлатэ; Четыре вэйлатэ, Dörben tumen) 60
Чжэбэ бек 112
Чиновник 42, 148, 176, 179, 198
Чиновники-беки 12
Чиновничье-помещичье землевладение 126, 175, 183
Чины 113, 114
Чоросы (чолосы) 61, 73

Шан бек 106, 109, 164
Шафран 212, 237
Шихур бек 106, 112, 164
Школы 35

Юань, династия 36, 54, 194
Юз бек 110, 164

Эдикты (императорские) 138
Экспансия военная 59
Эксплоатация 59, 65, 102, 115, 125, 134, 197, 214
Экспроприация крестьянства 59

Яшма 236

4. УКАЗАТЕЛЬ КИТАЙСКИХ, УЙГУРСКИХ И ДРУГИХ СЛОВ, ДАННЫХ В ТРАНСКРИПЦИИ

Аймань (см. Аймак) 198
Алабату (албату) 192, 193
Аньцзи (см. Анки, анги) 72
Ациму бокэ (см. Хаким бек) 105
Аэрбабу (см. Арбаб) 106, 110

Бакэматаэр бокэ (см. Бакмадар) 111
Бакэмайтар (см. Бакмадар) 106
Баньши дачэнь (см. правитель) 103, 128, 159
Батэмань (Батман) 201
Бацзар бокэ (см. Базар бек) 110
Бацзигэр бокэ (см. Бачжгир бек) 106, 110
Бинтунь (см. военные поселения) 119, 128
Бинфан 35
Бэйлэ 39, 40, 188
Бэй ши 36
Бянь-вэй 45
Бяо — таблицы 39
Бяочжуань 21, 38

Вай-и 45
Вэй шу 36

Гоши гуань (Государственная историческая комиссия 39
Гуань бин, 145
Гуань чжи, 35
Гуйду 35
Гун 40, 188
Гунбэнь 144
Гун-фу 35
Гун шэ гуань пу (казенные меняльные лавки) 141
Гун юй (и) чжи жэнь (см. Барщинники) 184
Гушу 162
Гэшинаци бокэ (см. Казначи бек) 105

Дань (мера веса) 160, 161, 162
Дасиоши 43
Джасак доло цзюньван (титул) 196
Джасак-тайцзи 39
Динлян 198
Долобэйлэ 189
Dörben tumen (см. Сы вэйлатэ) 60
Dörben Oyirad 60, 61
Доу 160, 161, 162
Дутун 73
Дяньжэнь (см. арендатор) 205

Жугуань (конфискация) 186
Жэньдин, 177

И дэн тайцзи 164
Ин-у 44

Иншэ дяньмай 151
Инь-ио 35
Иэрхаци бокэ (см. Ирхачи бек) 111
Ичаяо (см. Барщина) 177
Ишигань бокэ (см. Ишик-ага бек) 105

Кала дугуань бокэ (см. Карадугуань бек) 112
Калуэр бокэ (см. Караул бек) 112
Коулян 144, 169
Ку-чу 44
Кэлэкэялакэ бокэ (см. Кэркэярак бек) 110
Кэминь 169

Лая Хацзы бокэ (см. Райя-казий бек) 111
Лебяо 35
Лечжуань, биографии 39
Линдуй дачэнь 73
Линцуй мадзя 143
Лифань юань, Палата внешних сношений 39, 198
Луин тиду 73

Милабу (см. Мираб) 106
Милуэр бокэ (см. Милур бек) 113
Мин 167
Мин бокэ (см. Мин бек) 106
Миньши 36
Миньтянь 234
Миньху 173
Митували бокэ (см. Мутавалли) 109
Мотисабу бокэ (см. Муфтий суфи бек) 112
Моутэсабу (см. Муфтий суфи) 106
Мутэволи (см. Мутавалли) 106
Мяо-цзы, народность 34, 48, 59

Накэбу (см. Накиб бек) 106, 111
Налян 156, 195
Ноянь (см. Ноян) 115
Ну (см. раб) 192, 193
Нэй у фу, дворцовый совет 43
Нэйгэ чжуншу шэ жень 47

Otog (см. Оток) 72
Оэрцинь бокэ (см. Орчин бек) 110

Патишабу бокэ (см. Падишаб бек) 106, 111
Пачашабу (см. Падишаб) 106

Саньфань 48
Селин (ротный) 141, 143, 149
Сиинь (проценты с капитала) 141
Сиёсяо, образование, школы 35
Суйшу 36
Суми 161
Сы вэйлатэ (см. Dörben tumen) 60
Сыпахацзы бокэ (см. Сыпаказий бек) 111
Сэтэр бокэ (см. садыр, сатыр-бек) 110
Сяокоу 158
Сяомай 132

Тайджи 39, 71, 72, 88
Тан шу 36
Тиду 73
Тугун (см. Дань) 236
Тукао 34
Тунь 156
Тунь-у 44
Туньчжэн 35
Тусы, наследственные 194
Ту-чань 35
Тучжу 151
Тяньфу 174
Тяньчжан 34

Уимоу юн гун, титул 21

Фан'юй 144
Фаньли 40
Фаньшу 35
Фугогун 164
Фудутун 73, 99
Фу и (юй) 183
Футайцзи 107
Фу-у 35
Фу цзянцзюнь (см. помощн. команд. армией) 71
Фушуй 125
Фуюй (и) — феодальные повинности (см. Цзяфуюй) 183
Фынсу 35
Фын цзиё 35
Фэнь 167, 168, 169

Хайцзы бокэ (хацзы бокэ) см. казий бек 106, 110
Хаши бокэ (см. Хаш бек) 112
Хоу Хань шу 36
Ху 156, 160, 167, 210
Хуйбу 125
Хуйминь 177, 195
Хуйтунь (см. поселения туркестанцев-таранчей) 120, 156
Хуйцзы (см. туркестанцы) 160, 173
Хуминь 158, 169
Хун-Тайши 71
Хутунь 120, 166
Хэ 160, 162, 169
Хэлэбуэр (карбур) 201
Хэцзанаци бокэ (см. Казначи бек) 109

Цайфу 44
Цаньцзань дачэнь 19, 73, 105, 180
Цзабудимокэтабу бокэ (см. Забтимактуб) 113
Цзалу 36
Цзалян 148
Цзинь шу 36
Цзисай 72
Цзолин 144, 148
Цзуинь 169
Цзунбин 98
Цзунду (см. генерал-губернатор) 70
Цзун-ту, общая карта 43
Цзун-тун Или дэнчу цзянцзюнь (илийский наместник) 73
Цзунчжуань 39
Цзуси 139
Цзэйжэнь 186
Цзэли 41, 42, 46
Цзычжун 144
Цзычжун диму 209
Цзюнь-ван 39, 97, 164, 188, 190, 191, 196
Цзюнь цзичу 145, 159
Цзя 183, 195
Цзя фу'юй (и) — феодальные повинности [см. фу'юй (и)] 183
Цзянцзюнь 19, 73, 140 141, 156
Цзянцзюнь ямынь 148
Цзян-юй 35
Цзяолян 156
Цзяо на лян 186
Ци тунь 120
Цин ни цзянцзюнь 90
Цинь- ван 71
Цянь 167, 168
Цянь-фа — денежная система 35
Цянь фын линцуй мадзя 144
Цяньхань шу 36

Чан-у 44
Чаяо (повинности, барщина) 198
Чжо 160, 162, 169
Чжунди жэнь 178
Чжуфан (гарнизонные войска) 151
Чжэбо бокэ (см. Чжэбэ бек) 112
Чжен инь 167
Чжэн цзу инь 167
Чугао (предварительный набросок) 34
Чэнчжун гуаньди 208

Шан бокэ (см. Шанбек) 106
Шаншу 180
Шань 35
Ши-вэй 88, 98
Ши-е (см. наследственное владение) 195
Шипу (см. наследственные крепостные) 191
Шихулэ-бокэ, Шихуэр-бокэ (см. Шихурбек) 112
Шихунь (см. Шихур) 106
Шицзи 36
Ши чань (наследственная собственность) 142
Шоу цзу 149
Шуй 35
Шуми 161
Шэ цан (общественные амбары) 215
Шэн 160, 162, 169, 170, 171

Юань ши 36
Юй 30
Юйли 144
Юйцзы бокэ (см. Юз бек) 30, 110, 198

Янлянь 180
Яньци, Янци (феодальный институт) 29, 177, 178

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
121	7 сверху	создание	развитие
122	8 сверху	феодальные	земельные
183	8 снизу	家服, 役	家服役,
223	5 снизу (примечание)	показанны	показанным
223	6 снизу (примечание)	обрабатывлемо	обрабатываемой
175	Примечание	Во всех случаях, когда автор в тексте употребляет термин чиновничье-помещичье землевладение, имеется в виду феодальное землевладение, напоминающее рядом своих существенных черт ленную систему в Западной Европе и в России в определенные периоды их исторического развития.	

ЦЕНА 10 РУБ.

Прием заказов и подписки

НА ВСЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

производится:

1. В Отделе распространения Издательства Академии Наук СССР. Москва, проезд Художественного театра, 2. Тел. 33-44.
2. В Ленинградском отделении Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, 104, пр. Володарского, 53а. Тел. 1-99-18.
3. Доверенными Издательства, снабженными специальными удостоверениями.

Вниманию абонентов: научные работники и учреждения, состоящие абонентами, направляют запросы и заказы в Абонементный сектор Издательства Академии Наук СССР — Москва, проезд Художественного театра, 2.